

ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА:

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

★ Афган. Чечня. Боевой опыт ★

ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА: РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

ЭКМО
МОСКВА
2009

ББК 63.3(0)
Ч-57

Под редакцией *М. Ефимова, И. Михайлова,
О. Зиновьева, О. Коломийца*

Оформление серии художника *С. Курбатова*

**В оформлении переплета использованы
фото: Владимир Вяткин / РИА Новости**

Ч-57 Чеченская война: работа над ошибками. — М. : Яуза, Эксмо, 2009. — 336 с. — (Война. Чечня. Афган. Боевой опыт).

ISBN 978-5-699-32584-9

За минувшие годы о Чеченской войне написано немало — сотни статей, десятки книг, — но по большей части это либо отклики «на злобу дня», либо беллетризированные мемуары. До последнего времени не было самого главного — анализа и обобщения боевого опыта чеченских кампаний, углубленной работы над ошибками. Так уже случилось в 1990-е, когда остался невостребованным и был фактически утерян бесценный опыт Афганистана...

Новая книга проекта «Боевой опыт Чеченской войны» призвана исправить ситуацию. Это осмысление уроков обеих чеченских кампаний, глубокий анализ основных операций, откровенные свидетельства непосредственных участников боевых действий. Это конкретные рекомендации тех, кто добыл победу на Кавказе: снайперов и спецназовцев, авианаводчиков и мотострелков, саперов и огнеметчиков; честный и в высшей степени компетентный рассказ о том, как выжить и победить в современной войне.

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-699-32584-9

© **М. Ефимов, И. Михайлов,
О. Зиновьев, О. Коломиец, 2009**
© **ООО «Издательство «Яуза», 2009**
© **ООО «Издательство «Эксмо», 2009**

ИНЖЕНЕРНО-САПЕРНАЯ ПОДГОТОВКА

**ВЫЖИВАЕТ НЕ СИЛЬНЕЙШИЙ.
ВЫЖИВАЕТ — УМНЕЙШИЙ**

Эта глава целиком и полностью посвящена боевому опыту минной войны, которая не прекращается в Чечне. У нашего героя, назовем его Борисом, есть свой взгляд на самую горькую, самую актуальную сторону этой войны — подрывы наших военнослужащих. Он знает, что далеко не всегда за привычной фразой «боевые потери» кроется неизбежность... Хорошо известно ему по своей практике и другое — как доходчиво «разговаривать» с боевиками-террористами на минно-взрывном языке. Обо всем этом и пойдет речь ниже.

ВЕДЕНО, 14 АПРЕЛЯ 2002 ГОДА...

...Легкий бронированный тягач поднимается по узкой дороге в гору. В МТЛ-Б находятся саперы, автоматчики прикрытия, сотрудник ФСБ. Задача — не допустить отравления боевиками водоисточника, о чем прошла информация через местных жителей. Источник находится от деревни в полутора километрах выше по склону. Машина продол-

жают двигаться вверх, бойцы внимательно осматривают прилегающую к дороге местность. Пока вроде бы все спокойно. До цели остается совсем немного, каких-то 150—200 метров.

...Взрыв. Страшный взрыв. Шесть «двухсотых» — пять саперов и сотрудник ФСБ. Четверо раненых... Оставшиеся в живых, тут же занявшие круговую оборону, бесцельно водят по сторонам стволами автоматов. Тишина. Полная тишина. Кто-то, оставшийся невидимым, привел в действие заранее установленный на дороге управляемый мощный фугас...

Ведено. За несколько недель до взрыва. Рассказывает Борис:

«С 19 по 26 марта мы проводили здесь спецоперацию. Место, надо заметить, считается одним из самых поганых, бандитских. Все шло, как обычно при такого рода мероприятиях: армейские части блокировали населенный пункт, внутренние войска осуществляли проверку паспортного режима, выявляли боевиков. Буквально на третий день через местных чеченцев нам подбрасывают информацию, что водоисточник будет отравлен. Руководитель спецоперации поставил мне задачу разобраться и доложить, как можно предотвратить диверсию. Стал разбираться. От жителей узнал, что источник находится в полутора километрах выше от нас и питает водой всю деревню. Сразу возник вопрос: неужели бандиты станут травить весь населенный пункт? Абсурд! Информация о готовящемся отравлении не укладывалась в здравый смысл. Но ведь для чего-то она была подброшена! Наверняка для того, чтобы выманить нас наверх, в гору, и устроить ловушку, ведь к колодцу ведет только одна дорога. Причем узкая, скорее даже колея. Я не первый день в Чечне и знаю, что идти на технике по единст-

венной горной дороге — это вероятный подрыв. НУЖНО ВСЕГДА СТАВИТЬ СЕБЯ НА МЕСТО ПРОТИВНИКА.

Все свои соображения доложил руководителю спецоперации. Убедил его, что выезжать к источнику нецелесообразно, боевики, скорее всего, только этого и ждут. Единственное место, где можно ждать диверсии, это водозабор в деревне, откуда питаются наши войска. Я рекомендовал выставить там дополнительную охрану. Что и было сделано. Все спокойно. 26 марта спецоперация была закончена, мы ушли. Коменданту в наше отсутствие подбрасывают точно такую же информацию — что водоисточник будет отравлен. Он отправляет вверх по дороге легкий бронированный тягач. Причем с грубейшими нарушениями. В чем? МТЛ-Б шел один, без прикрытия. И вот результат... Шесть погибших... Любую информацию нужно обрабатывать. Думать...»

ШАЛИ, ТРИ ДНЯ СПУСТЯ...

Утро в Чечне начинается с инженерной разведки. Пока она не доложит, что маршрут открыт, никто не двинется с места. Саперы под прикрытием разведчиков проверяют дорогу, в случае обнаружения фугаса обезвреживают его.

17 апреля. На месте развертывания инженерной разведки происходит подрыв. Пять (!!!) погибших... Фугас (152-мм снаряд), управляемый по проводам, был установлен на обочине. Площадь его поражения более чем достаточна...

Рассказывает Борис:

«Причина подрыва была в том, что боевики воспользовались шаблонными действиями саперов и разведчиков. Группа, осуществлявшая инженерную раз-

ведку, спешивалась и разворачивалась в ОДНОМ И ТОМ ЖЕ МЕСТЕ НА ПРОТЯЖЕНИИ ПОЛУТОРА МЕСЯЦЕВ. Нет чтобы чуть вперед или чуть назад проехать. За ними наверняка вели наблюдение. Потом просто подложили фугас в месте развертывания...»

Причина гибели — шаблон. Пусть эта мысль ляжет в «подкорке» сознания каждого, кто отправляется на инженерную разведку, кто участвует в спецоперациях. Гибель ребят была страшной, и я не буду описывать детали. Этого не надо... Просто представьте себе, что вы спрыгиваете с машины на дорогу, беззаботно переговариваетесь, слегка посматривая по сторонам, покуривая, ПРИВЫЧНО не ожидая ничего ТАКОГО, искренне веря в то, что именно вы должны жить сто лет и именно вас не коснется ни одна пуля, ни один осколок, что это участь кого-нибудь другого. Так устроен человек — он никогда до конца не верит, что может что-то случиться ИМЕННО С НИМ. И тут опять же кем-то невидимым приводится в действие фугас, заранее поджидавший вас на обочине. Именно вас. Тот же 152-мм снаряд. Масса осколков. Месиво. Пять трупов. Потерявшая управление МТЛ-Б движется вперед...

Просто подумай, брат, что это не просто страшно. Это смерть, после которой — ничего. И это та смерть, которой могло не быть. Если бы ты ставил себя на место противника.

АЧХОЙ-МАРТАН, 24 АПРЕЛЯ ТОГО ЖЕ ГОДА...

Группа разведчиков и саперов из комендатуры Ачхой-Мартановского района выезжает на задание с задачей проверить самашкинский лес. Поступила информация, что в нем находятся бандиты.

Двигаются по дороге. Впереди осторожно идут два са-

пера с миноискателями и щупами. В пятидесяти метрах сзади от них едет БТР с людьми. Саперы проходят. БТР взрывается. Днище машины рвет мощным фугасом, эквивалентным 15—20 кг взрывчатки. Один погибший, несколько раненых...

Предыдущим днем, 23 апреля. Рассказывает Борис:

«Излагаю по порядку. Мы получили информацию о нахождении в самашкинском лесу боевиков. Буквально 23 апреля там проходила спецоперация. Общими действиями руководил разведчик, а я со своими людьми обеспечивал их работу, то есть проверял минную обстановку. Не доходя до леса, все наши машины остановились. Оставляем технику, дальше — только пешком. Каждой группе разведки придавалось по два-три моих сапера с миноискателями и щупами, минно-разыскными собаками. Как и всегда, саперы, в том числе и я, шли впереди, за нами — разведка. Проверяли дорогу и лес вдоль нее справа и слева. За день успели осмотреть большую часть района, бандформирований не обнаружили. Отправились на отдых.

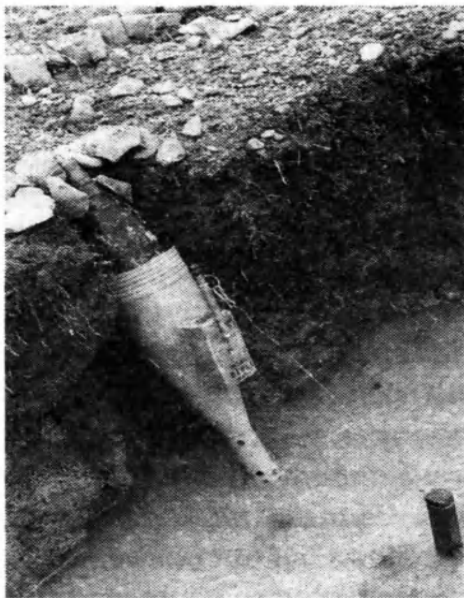
А на следующий день исполняющий обязанности коменданта отправляет группу разведчиков и саперов во главе с лейтенантом в самашкинский лес с такой же задачей. Он обязан был прибыть в штаб спецоперации и предупредить, что люди выезжают. Согласовать действия. Объясняю: если проводится спецоперация, комендант автоматически подчиняется ее руководителю.

Таким образом, группа выехала без согласования с нами. Она зашла в лес по дороге С ПРОТИВОПОЛОЖНОЙ СТОРОНЫ. То есть там, где мы накануне не успели проверить обстановку, потому что двигались с другой окраины леса. Если бы штаб был поставлен в известность об этом выходе, то саперов, скорее всего, отправили бы со мной, а не с лейтенантом, у которого

опыта нет, которого самого учить надо. Их саперы с миноискателями прошли, ничего не обнаружили, а машина подорвалась. Почему? Потому что фугас, как оказалось, был установлен на глубине полметра. Наш обычный войсковой миноискатель берет максимум на 35—40 см. На полметра он сигнал не даст. Такой вот «современный»... Духи, зная это, устроили ловушку. Вот как был установлен фугас. Сверху — обычный камень, под которым уходит в землю деревянный (чтобы миноискатель не взял) колышек, упирающийся на глубине 50 см в металлический стакан, где находится источник питания. Здесь же сам заряд. Все просто — при наезде на камень машины давление передается на этот кол, в результате гвоздями-«двухсотками» пробивается толстая резиновая прокладка, контакты замыкаются. Происходит взрыв.

Человек же пройдет спокойно, так как веса его тела недостаточно для срабатывания такого замыкателя. Так с миноискателями и прошли саперы... Фугас был установлен в центре дороги. Думаю, я бы мимо него не прошел, потому что знаю эти хитрости. Нет сомнения, что демаскирующие признаки закладки «сюрприза» имелись — рыхлая земля, лежащий на ней

Способы установки мин и фугасов

камень... Через полчаса после подрыва я был уже на месте, все осмотрел. Скорее всего, фугас был установлен против нас. Мы накануне метров пятьдесят до этого места не дошли. За нами наверняка наблюдали».

Еще один урок. Не менее горький, чем два предыдущих...

ФАКТОРЫ ПОДРЫВОВ

Остается делать практические выводы. Послушаем, что говорит Борис:

«Самые грубые ошибки в Ачхой-Мартане очевидны. Во-первых, в лесу нельзя пускать технику. По дороге — вообще недопустимо. Надо сказать, все спецоперации, где мне приходилось действовать, я ПРОШЕЛ ПЕШКОМ. Во-вторых, командовать группой должен был опытный офицер. Профессионал мог визуально обнаружить этот фугас. Не говоря о том, что не пошел бы без собаки. В-третьих, я уже говорил, действия не были согласованы. В-четвертых, сыграл свою роль человеческий фактор. Эта группа была слишком самонадеянная. Находились в Чечне длительное время, утратили чувство страха. Если меня спрашивают о моем главном девизе, я всегда говорю, что БОЯТЬСЯ НЕ НАДО, НО ЧУВСТВО ОПАСНОСТИ ТЕРЯТЬ НЕЛЬЗЯ. В противном случае ты — живой труп, а если сапер, то — одноразовый сапер. Нужны занятия, ежедневные инструктажи. Человек не должен тупеть. Причина большинства взрывов — успокоенность, самонадеянность. В-пятых, сказалось несовершенство техники. Миноискателями прошли — не обнаружили. Есть ли при нашей скудной оснащенности способы противодействия хитростям боевиков? Да, есть...»

ПРОВЕРКА НА ДОРОГАХ

О последнем и поговорим подробнее. Начнем с примера. В Курчалойском районе выдвигался на спецоперацию отряд ВВ. На окраине Курчалоя — подрыв. Погиб водитель, двое военнослужащих ранены. Это было 19 июля 2002 года. На следующий день Борис со своей группой осматривал этот участок, так как должна была пройти колонна. Скажете, два раза в одно место снаряд не падает? Неправильно. Еще как падает. Подполковник узнал от наблюдателя, что недавно здесь проезжал «жигуль», на минутку остановился, потом поехал дальше. Борис пустил минно-розыскную собаку, она прошла и села на дороге буквально в 25 метрах от места вчерашнего подрыва. Пустил повторно — результат тот же. Подошел с миноискателем — есть сигнал. Проверил щупом и обнаружил закопанный пакет. Установил 600-граммовую тротильную шашку, чтобы уничтожить возможный фугас. В результате — взрыв, эквивалентный восьми килограммам тротила... Комментарии излишни.

«Учитывая техническое несовершенство наших средств, мы применяем сочетание разных способов обнаружения, — рассказывает Борис. — Собак, как правило, двух я беру каждый раз обязательно. Надо сказать, с первого захода, если пес садится, мы ему не доверяем, так как железа в земле много. Пускаем его три раза, причем с разных сторон. Если он садится в одном и том же месте, подхожу и работаю миноискателем. Затем щупом. Последний необходим, потому что миноискатель может звучать на что угодно. Обычный саперный расчет на основной дороге — это три солдата с миноискателями и щупами,двигающиеся на удалении нескольких метров друг от друга. С ни-

ми две собаки. Обочины так же осматриваются самым тщательным образом».

— Борис, много писали, в том числе и в нашем журнале, о миноискателе «Корнет». Может ли он заменить обычный войсковой миноискатель? Или это слишком дорогое удовольствие?

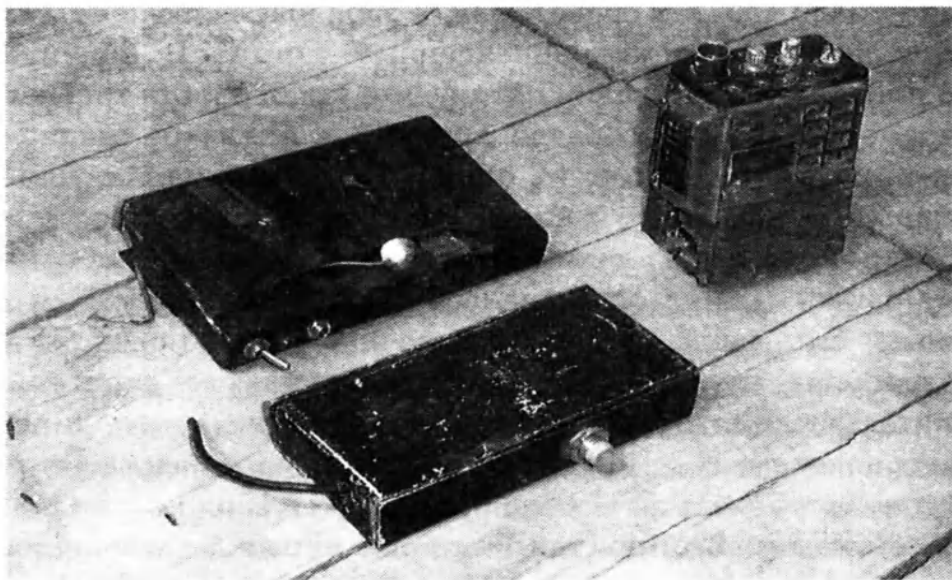
— **Дело не только в его стоимости. «Корнет» хорош, значительно лучше того типа миноискателя, с которым мы работаем. Но, к сожалению, не универсален. Он найдет фугас с замыкателем, но бессилён против радиоуправляемого заряда. За тобой будет спокойно наблюдать откуда-то из лесопосадки мужик, нажмет «кнопочку» — и полетишь ты вверх со своим «Корнетом»... Нам нужен такой миноискатель, который дает возможность обнаружить контактную, неконтактную и радиоуправляемую мину.**

К сожалению, не все столь опытные, как Борис. Это лишь такие, как он, повидавшие всего, могут найти фугас каким-то шестым чувством, по едва различимым внешним признакам. Так было (лишь один из массы примеров в его практике) в Ведено. На окраине деревни группа Бориса визуально обнаружила место закладки заряда. Сначала увидели свежую землю. Начали ковырять щупами и увидели тонкие провода. Пошли по ним дальше — нашли пять (!!!) фугасов, установленных последовательно. Замыкатель — на дороге. Миноискатель не брал, если бы надеялись только на него, то любой шаг мог стать последним. Выручил только опыт. А что было бы с колонной в случае срабатывания нескольких фугасов, объяснять не стоит.

Словом, гарантий от подрывов при нынешнем техническом совершенстве нет и не может быть. Главная надежда — на мастерство саперов. Будем реалистами, эта на-

дежда далеко не всегда оправдывается. И тогда за несовершенство средств обнаружения, как и за шаблонность и непродуманность действий, за безалаберность и утерю чувства опасности, приходится платить человеческими жизнями.

Как избежать «сюрприза», управляемого по радио? Генераторы помех (устройство, подавляющее сигнал на подрыв радиоуправляемого фугаса), применяемые в колоннах, не всегда дают должный эффект. Они прикрывают от подрывов на малой и средней дальности, но есть фугасы, управляемые и с километра. Тем не менее оснащение ими в должном количестве, по мнению Бориса, могло бы уменьшить количество подрывов в колоннах. Один генератор прикрывает две-три машины. Значит, их нужно ставить в колоннах хотя бы через пару единиц техники. Но генераторов не хватает.

Радиостанция передачи команд на подрыв и радиовзрыватели

Остается лишь молиться на инженерную разведку. Обнаружит или не обнаружит... Добавим к этому, что войсковой миноискатель несовершенен не только по глубине обнаружения, но и по той причине, что реагирует лишь на мины в металлическом корпусе. Причем действует избирательно, «звенит» на все железо. Однако «сюрпризы» бывают разными. Яркий тому пример, уже рассмотренный нами, подрыв в Ачхой-Мартане.

ФУГАС НА ОБОЧИНЕ

Основной вид применяемых боевиками взрывных устройств — самодельный фугас. Есть мини-заводы по их производству (один Борис обезвредил, об этом еще будет сказано дальше). Установка фугасов на деревьях у дорог стала непопулярной (в отличие от прошлых лет, когда было немало случаев срабатывания зарядов сверху, сметавших людей с брони направленным взрывом). Почему? В определенной степени потому, что такая работа требует времени и опыта. Гораздо проще для боевиков установить рядом с дорогой, на обочине, 152-мм снаряд. Площадь его поражения достаточная. Все делается просто и быстро: обычно из легковушки выбрасывается на обочину пакет, машина останавливается лишь на минуту. Это может быть фугас, управляемый по проводам, а может быть радиоуправляемый. Машина проезжает дальше, «местный житель» занимает место где-нибудь в брошенном доме, лесополосе и т. д. Когда появляется цель — взрывает и тут же «смаывается». Если применяется заряд с замыкателем нажимного действия, все еще проще — установил на обочину и ушел, ждать в засаде не надо.

Борис отмечает, что некоторые конструкции взрывных

устройств наводят на мысль, что инструкторы у террористов достаточно опытные и проходили подготовку на территориях других государств. Замыкатели используются разные — нажимного действия, ртутные и другие. Встречается много изощренных сюрпризов. Это может быть фонарик, книга, ручка, брошенное оружие, боеприпасы — то есть любая вещь, вызывающая интерес у военнослужащего. В «сюрпризах» нередко используется замыкатель в виде шприца-ловушки. Прикоснулся — взорвался. В августе при проведении спецоперации под Цинтороем боецу оторвало взрывом руку из-за того, что он тронул висящую на дереве пластиковую бутылку (что его в ней заинтересовало, непонятно). Хотя видел, что перед ним прошел сапер, не прикоснувшись к ней и предупредив, чтобы никто не трогал.

Вернемся к фугасам на обочине. Пакет с зарядом даже не всегда прикапывают, он может быть просто прикрыт сверху каким-нибудь предметом, например, негодной автопокрышкой. Казалось бы, вариант — полный «глухарь»: не угадаешь, не сможешь предвидеть. Мусора на дорогах много, машины ездят часто, где останавливаются, только Аллаху известно. Но это не совсем так. ОСНОВА ВСЕМУ — ОРГАНИЗАЦИЯ СКРЫТОГО НАБЛЮДЕНИЯ ЗА МАРШРУТАМИ ПРОХОЖДЕНИЯ КОЛОНН, ЗА ДОРОГАМИ, ВЫСТАВЛЕНИЕ СЕКРЕТОВ И ЗАСАД. Такие машины ловили неоднократно, хотя не всегда с первого раза. Вот реальный пример. Наблюдатель докладывает, что видел остановившуюся в пустынном месте легковушку, фиксирует место. После этого ее уже ждут впереди, на блокпосту. Ненавязчиво разворачивают — дескать, дорога перекрыта, следуйте за нами. Потом возвращаются, осматривают место. В брошенном на обочину пакете находят фугас. Само собой разумеется, что неудавшийся взрывник «знать ничего не знает». Он и

не подозревает, что еще с момента закладки заряда находится под контролем...

Наблюдение — основа всему. Если оно не организовано, то опасным становится даже открытый маршрут. К примеру, инженерная разведка обследовала участок, а охрану на пути следования при этом не выставляла или выставила с опозданием. Пользуясь этим, боевики подбрасывают фугас. Разведка доложила, что маршрут открыт. Идет колонна — и следует взрыв. Как отметил Борис, такое тоже иногда случается.

ЛОВУШКИ — ЭТО АКТУАЛЬНО...

По понятным причинам Борис не отличался красноречием, когда речь шла о применяемых в отношении боевиков ловушках. Здесь много своих секретов. Но о некоторых моментах, считает он, можно и нужно рассказать.

Вот пример из того же, 2002 года. Шла спецоперация в горах, наши войска преследовали отходящих боевиков. В одном из населенных пунктов была обнаружена их база. Там находилось большое количество продуктов — десятки мешков муки, сахара, пшена и т. д. «Полтора-два «КамАЗа» можно загрузить, — заметил Борис. — Думаю, что это те продукты, которые поступают из глубинки России в виде гуманитарной помощи, имелись все основания так считать. Кстати, немалая часть гуманитарной помощи, насколько мне известно, попадает в руки боевиков». (Это к вопросу о том, что одним из хрестоматийных принципов ведения контрпартизанской войны является перекрытие путей снабжения партизан продовольствием.)

Но главной находкой был мини-завод по изготовлению самодельных взрывных устройств. Здесь же находи-

лось несколько мешков «сырья» — селитры, серебрянки. Подполковник установил для боевиков минную ловушку, применив их же самодельное взрывное устройство (замыкатель и фугас). Не было сомнений в том, что боевики обязательно вернутся. Продукты оставили на месте. Потом, после отхода наших войск, наблюдатели зафиксировали на месте бывшей базы мощные взрывы.

Вот еще один интересный момент. Это было в период ведения активных боевых действий. В одном из населенных пунктов блокпост постоянно подвергался снайперским обстрелам из пулемета и СВД с одного и того же места — из брошенного дома на окраине, рядом с кладбищем. Борис, оценив ситуацию, предложил мотострелкам простой выход: «Давайте я установлю в этом месте

Радиостанция «Кенвуд», переоборудованная как радиовзрыватель.
Полиэтиленовая бутылка — для герметизации

фугас, провода выведу к вам. Когда будут стрелять, просто нажмете кнопчку...» Так и поступили, сделали все незаметно. Следующий обстрел не замедлил себя ждать. После первых же выстрелов «нажали кнопчку»... Потом на этом месте нашли пулемет, снайперскую винтовку и человеческие останки. Возникает вопрос: почему стрелки действовали стандартно, возвращаясь на позицию вопреки всем снайперским канонам? «Да потому что они не ожидали такой поворотливости с нашей стороны, — ответил Борис. — Привыкли, что на их огонь в ответ лишь постреляют — и все. Уходили безнаказанно. Так могло бы продолжаться и дальше».

Способом установки взрывных ловушек не раз уничтожались снайперы противника, когда удавалось вычислить их лежки. Как отметил Борис, в этом случае устанавливается очень «хитрый» заряд, который сложно обнаружить. В то же время он обеспечивает стопроцентное поражение, причем даже на удалении.

Сапер отмечает, что нужно больше применять активную тактику, выманивать боевиков на себя. Как это нередко и делается. При установке минных ловушек он в основном использует самодельные фугасы, которые находят на базах самих боевиков. Так сказать, «в обратку». Дело не только в том, чтобы взорвать отморозков их же собственными зарядами, хотя и в этом тоже. Просто в некоторых случаях применение таких зарядов более целесообразно, причем самое главное — без риска для мирного населения. Все совершается в пределах визуальной видимости. Как отметил сапер, такая «мера возмездия» позволяет действовать избирательно — в отличие от террористов...

Борис считает главным своим правилом (опять же, о чем уже говорилось) ставить себя на место противника.

К примеру, если речь идет о перекрытии горных троп, пройти самому, представить, как будут двигаться здесь бандиты. Установить заряд, как «против себя же», то есть профессионально, не считая противника за дурака. С этой целью приходится работать в горах по несколько суток, в зависимости от задачи. К примеру, минировать тропы можно управляемым зарядом. В этом случае он должен сочетаться с системой огня засады. Может быть применен вариант «глухаря», когда группа устанавливает мины и уходит. Дело в том, что мирные жители в тех местах не ходят. Только боевики. Наши группы (саперов и спецназ) туда забрасывают на вертолете и забирают так же. Очень плохо, когда у саперов нет прикрытия спецназом. Такое, к сожалению, бывает и оборачивается порой трагически. Есть примеры...

Заряды во всех случаях устанавливаются только вручную. Маршруты движения боевиков заранее вычисляет разведка, в противном случае, с «закрытыми глазами», соваться в горы просто бесполезно.

А следующий случай, который рассказал Борис, достоин более подробного описания...

МОЖНО СКАЗАТЬ, УГОВОРИЛ...

...Апрель 2002-го. Уже неделю в Алхан-Кале продолжалась спецоперация по поимке нескольких очень опасных боевиков, один из которых был эмиром. Известно было, что они находятся здесь, в селе, но не знали, где именно. Бандиты прятались в тайниках, сараях. Как потом выяснилось, их «кенбуды» были настроены на волну федеральных войск, так что ситуацию они представляли четко. В конце концов наши «вычислили», на какой именно

из улиц ориентировочно находятся бандиты. Стали проверять дома. Дошли до очередного, уже которого по счету... Первое подозрение вызвал тот факт, что хозяин наотрез отказался выводить из сарая у дома коров (животных нужно было вывести для того, чтобы они не закрывали сектор обстрела, а также чтобы можно было поднять пол). Дальше сложилась ситуация, которую Борис до сих пор вспоминает примерно с такими же ощущениями, которые он однажды испытал, постояв в один день на двух замыкателях фугасов и не взорвавшись...

«Смотрю — и из наших никто не хочет идти в сарай. Я решил сам отвязать коров. Отдаю автомат своему командиру, мол, поддержи, сам зашел. Отвязываю одну, вторую, а между делом прикидываю, как по-

лучше установить кумулятивный заряд, чтобы «глушануть» боевиков под полом. Тут же бубню — помнишь, как Жеглов в известном всем фильме: «Граждане бандиты, вы окружены. Вылезайте по одному, автоматы положить на выходе, руки за спину»... Думал, может, сами выйдут, не придется тогда уничтожать зарядом. Я-то, блин, представить себе

Народное саперное творчество

не мог, что от «граждан бандитов» меня отделяла тонкая фанерная перегородка в полуметре от меня! Они за стенкой стояли. Наверняка внимательно наблюдали за мной через щели. Четыре ствола, как потом оказалось... Не стреляли, наверное, потому, что еще надеялись на то, что удастся ускользнуть. Отвезал, вышел. Смотрю — наши в стену сарая лупить из автоматов начали. У меня глаза на лоб. Они же, говорю, внизу. Оказалось, наши уже знали, что за стеной, потому никто и не шел. «Мы, — говорят, — думали, что и ты знаешь, вот и не сказали...» Цирк. Тут ответная стрельба из сарая началась».

Некоторое время Борис с интересом наблюдал за яростным огневым противостоянием. Потом подошел к мужикам и сказал: «Не мучайтесь, давайте я заряд установлю. Быстрее будет...» На что ему отвечают, утирая пот и дальше стреляя: дескать, не мешай. А то взрывом все снесет и потом нельзя будет разобрать, кто там был. Тела нужны. Чтобы потом доказать, что это были те самые бандиты, которых искали. Сапер стоял на своем: «Вы чо, мужики, обалдели, потерь хотите?! Я все сделаю аккуратно». Тем не менее некоторое время приходилось уговаривать. Уговорил...

Подкрался потихоньку со стороны стены. В это время наши вели наблюдение в готовности прикрыть сапера огнем. Стрельба утихла еще до этого момента, так что затишье не должно было вызывать у боевиков подозрений. Офицер установил кумулятивный заряд на внешней стороне стены снизу, почти под ногами у «осажденных», под углом 45 градусов. Потом так же бесшумно отошел в укрытие. Прогремовший мощный взрыв в секунду решил все проблемы. Вынесло стену вместе с четырьмя бандитами, в том числе с эмиром. Кстати, до этого думали, что в сарае укрываются двое.

«Оружия, боеприпасов у них хватало, — рассказывал Борис. — Сдаваться они не собирались. Если бы штурмовали, могли быть потери. А так — ни одного убитого с нашей стороны, ни одного раненого. За те месяцы, что уничтоженные нами отморозки пробыли в селе, они убили 54 человека. СВОИХ ЖЕ, ЧЕЧЕНЦЕВ. Люди уходили в горы, не желая работать на этих бандюганов. Они убивали их ЖЕН и ДЕТЕЙ... После операции к нам подошел дед, чеченец из местных. Сказал: «Спасибо, что вы их уничтожили. ЭТО ТВАРИ».

Вот как порой оценивают сами же чеченцы характерный «моральный облик» тех, с кем приходится иметь дело нашему саперу. Вот, пожалуй, и все, что хочется сказать в заключение. Но Борис Борисович попросил добавить еще следующее, лично от себя, дословно:

«Преклоняюсь перед матерями, женами тех, чьи сыновья и мужья воюют с бандитами в Чечне. Спасибо вам за таких мужественных и стойких солдат, дорогие матери. Я много прошел с ними и скажу одно — это надежные солдаты. Они спасают Россию. Терпения вам и здоровья. И БУДЬ ПРОКЛЯТА ЭТА ВОЙНА».

Александр САБУРОВ

**КОШКА, ЩУП, МИНОИСКАТЕЛЬ...
КАК БЫ ВЫЖИТЬ НАМ, ПРИЯТЕЛЬ?**

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В «МИННОЙ ВОЙНЕ»

Термин «минная война» вошел в оборот со времени пребывания Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Уступая по численности и вооружению, противник избрал тактику засад, минирования дорог,

обстрелов военных городков. Чтобы противостоять действиям «душманов», и наши войска активно минировали горные перевалы, тропы, используемые противником для переброски в Афганистан оружия и снаряжения из Пакистана.

Опыт локальных войн и вооруженных конфликтов последнего времени показывает, что применению минно-взрывных средств в них отводится значительная роль. Это подтверждается событиями на территории бывшей Югославии, в Приднестровье, Абхазии, Нагорном Карабахе и, конечно же, в Чечне.

Потери федеральных сил от минно-взрывных средств боевиков за последние два года достаточно серьезны. Мероприятия Оперативной группировки войск (сил) на Северном Кавказе по снижению количества подрывов наших войск сводятся чаще к пассивным защитным действиям. Это ежедневная проверка маршрутов движения на наличие мин и фугасов, оборудование техники, сопровождающей колонны, передатчиками помех, поставка войскам единичных экземпляров современных миноискателей и т. д. Несомненно, что все вышеперечисленное важно и необходимо, но этого недостаточно. Как нельзя одержать победу в войне, ведя лишь оборонительные действия, так нельзя одержать победу в «минной войне», занимаясь лишь разминированием, поиском и обезвреживанием установленных боевиками фугасов. До тех пор пока не будут перекрыты каналы финансирования боевиков, уничтожены школы по подготовке минеров, взрывников, как и сами специалисты-взрывники, «минная война» будет продолжаться.

К сожалению, решение данных задач — не уровень войсковых саперов. У нас достаточно своих проблем, связанных с проведением контрминной борьбы. В первую очередь это

отсутствие в инженерно-разведывательных и инженерно-саперных подразделениях современных средств, обеспечивающих ведение инженерной разведки, с требуемыми уровнем безопасности саперов и темпом разведки, а также высокой вероятностью обнаружения мин и фугасов.

Те средства поиска минно-взрывных средств (МВС) противника, что используются в настоящее время, приняты на вооружение 15—20 лет назад и, естественно, устарели, а их характеристики часто оставляют желать лучшего. Эти средства можно классифицировать следующим образом: металлоискатели, кабелеискатели, нелинейные локаторы. К сожалению, не существует универсальных приборов, позволяющих в различных условиях успешно вести разведку МВС противника.

НРЛС «Коршун» пока редкость
в инженерно-саперных подразделениях

В связи с тем что террористы испытывают серьезные трудности в снабжении, они применяют артиллерийские, танковые, минометные осколочно-фугасные боеприпасы для минирования дорог (до 90% подрывов). Их на местах прошедших боев имеется в избытке. Как правило, указанные боеприпасы применяют в качестве управляемых и неуправляемых фугасов. Большая часть из тех, что обнаружены в последнее время, — управляемые.

Управление взрывом обычно осуществляется либо по радио, либо по проводам, причем дальность в основном составляет от 100 до 400 м. На расстояниях менее 100 м взрыв фугаса становится опасен для самого подрывника, а при дальности более 300—400 м значительно возрастают массогабаритные и стоимостные характеристики линий управлений, причем увеличивается вероятность ошибки подрывника при подаче команды на взрыв.

Приемы и способы минирования автодорог, применяемые боевиками, достаточно разнообразны, хитроумны и коварны. Чаще всего фугасы устанавливаются в таких местах, где при их взрыве, кроме поражения непосредственно от самого заряда, возникли бы условия для уничтожения техники и личного состава из засад. При этом, как правило, кабельная линия управления взрывом фугаса прокладывается в грунте на глубине 0,1—0,2 м только вблизи дороги, на расстоянии от нее до 20—30 м. Затем она располагается на поверхности под маскирующим слоем растительности или снега — непосредственно до пункта управления взрывом.

Одной из основных особенностей применения боевиками фугасов и СВУ является использование в их конструкциях различных электронных компонентов (радиовзрывателей, таймеров, электронных датчиков необезвреживаемости и т. д.). Как известно, такие устройства обладают

нелинейными электромагнитными свойствами. Это позволяет применять для их обнаружения на фоне помех от «линейной» окружающей среды (грунта, воды, снега, растительности) приборы, работающие на принципе нелинейной радиолокации.

Идея нелинейной радиолокации впервые независимо возникла в начале 70-х годов и стала практически разрабатываться в трех областях: для поиска стрелкового оружия в джунглях (США); для обнаружения электронных «жучков» внутри помещений; для обнаружения инженерных мин (СССР).

В последнем случае исследования проводились в 70-х годах прошлого века. Их результатом явилось принятие на вооружение инженерных войск переносной нелинейной радиолокационной станции (НРЛС) «Ортопед». Под маркой ИНМ-М она выпускается по настоящее время практически без больших изменений. Имеется успешный опыт ее боевого применения для обнаружения прежде всего радиоуправляемых фугасов (в Афганистане и других «горячих точках»). Необходимо признать, что в свое время ИНМ-М была весьма эффективной, но теперь она уже не удовлетворяет современным требованиям по дальности действия, экономичности питания, надежности и требуемой достоверности результатов поиска.

Тем не менее современная альтернатива этому прибору есть. В настоящее время наилучшими ТТХ обладает переносная НРЛС НР-900К «Коршун». Она успешно используется подразделениями различных силовых структур в Чечне при выполнении ими боевых задач. По результатам опытно-войсковой эксплуатации прибор подтвердил свои поисковые характеристики и получил высокую оценку специалистов. Для того чтобы представить себе возможности этого изделия, опишем его подробнее.

НРЛС «Коршун» представляет собой портативный прибор, предназначенный для обнаружения скрытых технических устройств, в конструкции которых содержатся электронные полупроводниковые элементы (транзисторы, микросхемы и т. п.). Отличительными особенностями «Коршуна» являются значительная дальность действия (от 2 до 30 м), его высокая помехоустойчивость и возможность классификации обнаруженных объектов. Все обнаруживаемые прибором НР-900К объекты могут быть условно разделены на два класса:

— объекты, содержащие электронные полупроводниковые элементы;

— объекты, содержащие металлические части или детали.

Отнесение обнаруженного объекта к тому или другому классу производится оператором по информации, отображаемой на индикаторной панели прибора.

НРЛС «Коршун» обнаруживает металлические инженерные мины без электронных компонентов (противотанковые и осколочные противопехотные) на дальностях от 1,2 до 5 м. Дальность обнаружения ручных гранат (Ф-1 и РГН) составляет 1 м. Автоматы и гранатометы обнаруживаются на расстоянии от 2,5 до 8,5 м. Наличие пламегасителя на стволе автомата увеличивает дальность его обнаружения на 15—20%.

В настоящее время искатель НР-900К эффективно применяется в «горячих точках» при решении следующих задач:

инженерная разведка участков дорог на наличие управляемых фугасов и мин;

выявление скрытых тайников (складов) с оружием и боеприпасами, средствами связи, аппаратурой управления взрывом в ходе проведения спецопераций;

проверка зданий и помещений на наличие фугасов, управляемых по радио или оснащенных электронными взрывателями замедленного действия, а также обнаружение устройств несанкционированного съема информации; досмотр граждан, автотранспорта и грузов на блокпостах.

В частности, за шесть месяцев 2002 года только одним саперным подразделением Внутренних войск, вооруженных «Коршуном», было обнаружено 17 радиоуправляемых фугасов. За все это время подразделение не имело потерь от подрывов. Заметим при этом, что каждый обнаруженный фугас — это сохраненные жизни как минимум нескольких военнослужащих.

«Коршун» также позволяет выявить взрывные устройства под железнодорожным полотном. Примечательно, что рельсы и железобетонные шпалы на процесс поиска ВУ влияния при этом не оказывают. Это выгодно отличает

Взрыватели СВУ, обнаруженные при помощи «Коршуна»

прибор от других отечественных и зарубежных средств поиска, в том числе от ИНМ-М.

Прибор «Коршун» на практике показал себя эффективным при инженерной разведке МВС противника, и его появление является дальнейшим шагом в деле развития отечественных средств поиска мин и фугасов. Однако поставка НРЛС в войска тормозится многими факторами. Конечно же прежде всего отсутствием у Министерства обороны средств на закупку современных средств инженерного вооружения. Кроме того, многие ведомственные НИИ сейчас просто выживают, и им не до глубоких научных исследований, сравнительных испытаний. Как следствие, им сложно предоставить заказчику достоверные данные о новых средствах разведки минно-взрывных заграждений противника. Есть еще и такой нюанс — всегда найдутся завистники, недоброжелатели, конкуренты, которые сделают все, чтобы прибор не был принят на вооружение...

Поэтому воспарит ли «Коршун» над всеми текущими проблемами — пока неизвестно. Вопрос остается открытым. А тем временем ежедневно десятки групп инженерной разведки в Чечне уходят на задание со щупами, саперными кошками и надеждой, что сегодня удача от них не отвернется...

Григорий ЩЕРБАКОВ, Сергей КОНСТАНТИНОВ

ЗАЩИТА ДЛЯ САПЕРА, ИЛИ ЖИТЬ ЗАХОЧЕШЬ — ИЗОБРЕТАТЕЛЕМ СТАНЕШЬ

Отношение нашего государства к проблемам Вооруженных Сил предопределило тему этой статьи. Как бы ни был подготовлен сапер в профессиональном

плане, он остается уязвимым от поражающих факторов взрыва: ударной волны и осколков. Следовательно, его необходимо во время работы обеспечить средствами защиты. Такие средства были разработаны еще в начале 0-х годов, но до сих пор ими оснащены лишь несколько (?) инженерно-саперных подразделений во всей стране. Как обычно, в нашем государстве не хватает средств на самое важное — сохранение жизни людей...

Поэтому в статье пойдет речь о защитных средствах, необходимых при разминировании. Мировой боевой опыт армий разных стран свидетельствует о том, что сапер ОБЯЗАТЕЛЬНО должен быть защищен. Предлагаю сравнить зарубежные и отечественные образцы такого рода изделий, прежде чем рассказать о приспособлениях, которые можно изготовить в войсках самостоятельно и практически без финансовых затрат, из «бросового» материала. Именно так сделали мы, опираясь на имеющийся боевой опыт. Заранее предполагаю, что описанные во второй части этой статьи средства в чем-то могут быть подвергнуты критике другими специалистами. Однако я уверен, что, если командир взвода даст команду своим подчиненным изготовить такие приспособления, они в определенных условиях спасут солдатам жизнь и сохраняют здоровье.

ЧТО ГОВОРIT МЕДИЦИНА?

Для более глубокого уяснения вопроса рассмотрим, что представляет собой минно-взрывная травма (МВТ). Это боевое многофакторное поражение, возникающее в результате прямого, контактного и неконтактного воздействия на тело человека всех или основных поражающих

факторов взрыва минного боеприпаса: воздушной ударной волны, поражающих элементов (осколков), пламени, токсичных продуктов взрыва и горения.

Практикующие медики выделяют два вида МВТ: минно-взрывные повреждения и минно-взрывные ранения. Первые, как правило, возникают при воздействии на человека воздушной ударной волны и приводят к переломам костей, разрывам внутренних органов, черепно-мозговым травмам и другим повреждениям. Минно-взрывные ранения являются особой разновидностью повреждений и возникают при воздействии на пострадавшего продуктов взрыва или осколков — при этом у него имеют место разрушения или отрывы сегментов конечностей. Если человек находился на удалении от места взрыва, то преимущественно на него воздействуют осколки взрывных устройств.

Наиболее часто происходит повреждение конечностей, особенно нижних, как правило, с обширными разрушениями тканей, отрывами стоп, голеней, пальцев и кистей рук. Все это может сопровождаться большой кровопотерей и тяжелым шоком пострадавшего.

В период активных боевых действий в Чечне и Дагестане (август 1999 — июнь 2001 г.) в структуре боевых санитарных потерь МВТ составляли от 7 до 18 процентов, а смертность среди раненых, поступающих в лечебные учреждения, составляла более 15 процентов. Таким образом, выживаемость раненых с МВТ составляет порядка 85 процентов, при этом многие на всю жизнь остаются инвалидами. Мы теряем молодых ребят и профессионалов, заменить которых порой просто нечем. Само собой разумеется, что им в основном приходится работать без всякой специальной защиты, кроме бронежилета...

КАК «У НИХ»?

Проблема разминирования и очистки местности от взрывоопасных предметов (ВОП) актуальна для целого ряда стран, однако не все из них могут себе это позволить — слишком дорого. Под эгидой ООН на территории Камбоджи, Абхазии и некоторых других стран подобные операции проводились, но даже при хорошей организации таких работ и достаточном финансировании не обходится без потерь. 16 сотрудников бюро координатора ООН по оказанию гуманитарной и экономической помощи Афганистану (UNOCA) погибли и 20 получили ранения при разминировании всего лишь 68 квадратных километров территории. Менее чем за 9 месяцев в Кувейте погибли 84 специалиста, проводивших работы по разминированию сразу после окончания боевых действий.

В Испании, недалеко от Мадрида, размещается Международный центр гуманитарного разминирования, который занимается подготовкой специалистов для дальнейшей работы в различных регионах мира под эгидой ООН. Обучение специалистов проводили в том числе и профессионалы из России. Обеспечению безопасности специалистов здесь уделяется особое внимание. Для различного рода работ предусмотрены разные варианты защиты человека от поражающих факторов взрыва.

В частности, рассмотрим защитную обувь сапера, разработанную в Канаде (см. фото на стр. 36).

Она изготовлена из специального пластика и, судя по аннотации разработчиков, защищает человека при взрыве непосредственно под опорой мины с массой ВВ (взрывчатого вещества) до 50 грамм. То есть на минное поле, где установлены отечественные мины ПФМ-1, итальянские TS-50, китайские типа 72, можно идти смело. Далее разработчи-

ки уклончиво пишут, что при взрыве противопехотных мин с массой до 200 грамм ВВ защитная обувь позволяет избежать ампутации ноги. Здесь остается непонятным, что будет с пальцами ног и стопой.

Вместе с тем сразу же бросается в глаза маленькая опорная поверхность этой обуви. Наверняка на влажном и сыпучем грунте эти опоры будут значительно проваливаться, следовательно, саперу будет труднее передвигаться. При этом особенно неприятно другое: в случае взрыва мины под обувь в таких грунтах расстояние от заряда ВВ до стопы сапера уменьшится, в результате чего разрушительное действие взрыва будет гораздо сильнее.

На фото на стр. 37 представлен сапер коалиционных сил (Кувейт, 1991 год), работающий в бронежилете и защитной обуви.

Даже на первый взгляд можно сказать, что такая обувь вряд ли сможет его уберечь от брызганного (дробящего) действия мины типа ПМН или ПМН-2 с массой ВВ от 100 до 200 грамм. Все, что можно сделать при помощи такой обуви, — это снизить давление на датчик цели противопехотной фугасной мины, в результате чего усилие окажется недостаточным для ее срабатывания.

А КАК У НАС?

Отечественной промышленностью разработан ряд защитных костюмов сапера (ЗКС). Представление о них имеют, по всей видимости, немногие, так как они пока существуют лишь в единичных экземплярах. Поэтому кратко расскажу о некоторых образцах, которые мне известны на практике.

ЗКС «Дублон» (см. фото на стр. 38) обеспечивает круговую защиту туловища и фронтальную защиту головы, верхних и нижних конечностей от поражающих факторов взрыва противопехотных мин фугасного и осколочного

действия, а также поражающего действия стрелкового оружия: от пуль пистолета ПМ (9 мм) — начиная с 5 м, от пуль автомата АКМ (7,62 мм) или АК-74 (5,45 мм) со стальным сердечником — от 15 м, от мин направленного поражения типа МОН-50 — начиная с 10—15 м.

В комплект ЗКС «Дублон» входит защитная обувь разнесенного типа, обеспечивающая защиту ног сапера от взрыва фугасной противопехотной мины непосредственно под опорной поверхностью. При эксплуатации этого костюма возможно изменение структуры защиты в зависимости от уровня опасности и особенностей выполнения задач путем установки в карманы дополнительных бронепластин.

ЗКС «Грот» и «Грот-К» предназначены для защиты фронтальной поверхности тела от поражающего действия взрыва противопехотной мины фугасного и осколочного дей-

ствия (типа ПМН и ПОМЗ-2). Костюм такого типа (см. фото на стр. 39) обеспечивает саперу подвижность и фронтальную защиту от поражения осколками противопехотной осколочной мины ПОМЗ-2 на расстоянии около 2 м, от противопехотной фугасной мины типа ПМН — на расстоянии 1 м.

Интересный момент — когда мы тренировались в ЗКС «Грот», один из саперов потерял сознание от перегрева. Но в ЗКС «Грот-К» такой вариант, надо полагать, исключен, потому что в его конструкцию введены элементы, по-

звоящие снизить перегрев и утомляемость оператора. Также возможно оперативно изменять площадь и уровень защиты применительно к конкретным условиям выполнения задач. Масса костюма — от 16 до 36 кг.

ЗКС «Витязь-ПМ» (противоминный) обеспечивает круговую защиту туловища и бедренной зоны, включая паховую область, от поражающего действия фугасных мин типа ПМН, ПМН-2 на расстоянии 1—3 м, фронтальную защиту от осколочных мин типа ПОМЗ-2 на расстоянии 6—10 м. Комплект может быть дополнен бронешлемом с забралом. К сожалению, у меня нет фотографии этого костюма, так как мое «общение» с ним было недолгим.

Для удобства работы защита в ЗКС дифференцирована. То есть площадь прикрытия жизненно важных органов впереди составляет от 60 до 80 процентов, в зависимости от условий задачи, а руки могут быть или открыты, или легко защищены. В то же время туловище и голова прикрыты и сзади (как правило, броневоротником). Уровень защиты изменяется сменными бронезлементами различной толщины или изменением состава надеваемого комплекта.

Надо отметить, что эти костюмы не рассчитаны на защиту сапера от поражающих факторов фронта ударной волны при взрыве фугасных зарядов с массой взрывчатых веществ более 1 кг. То есть они в основном прикрывают только от поражающего действия небольших осколочных взрывоопасных предметов и от поражения при разлете остаточных продуктов взрыва. Однако в определенных условиях и этого вполне достаточно для сапера, чтобы остаться живым и не калеккой. Лично мне (сужу исключительно с точки зрения практика) больше всего понравился «Дублон». На мой взгляд, он наиболее надежен. Кроме того, этот костюм, единственный из всех вышерассмотренных, комплектуется защитной обувью.

Отечественная обувь по сравнению с канадской более тяжелая и гораздо объемнее по размерам. Но зато значительно большая площадь опоры гарантированно защищает сапера при взрыве мины с массой ВВ 100 грамм непосредственно под опорной поверхностью и существенно снижает степень травмы при взрыве мины ПМН с массой ВВ 200 грамм.

Как видим, наши разработки не только не отстают от западных, но и по некоторым характеристикам являются более надежными. Однако на войсковых саперах их можно увидеть очень редко...

ЧТО НАДЕТЬ, ЕСЛИ РОДИНА О ТЕБЕ ЗАБЫЛА?

Итак, у вас нет дорогостоящего ЗКС, а вам приходится работать на разминировании. Как своими силами изготовить защиту?

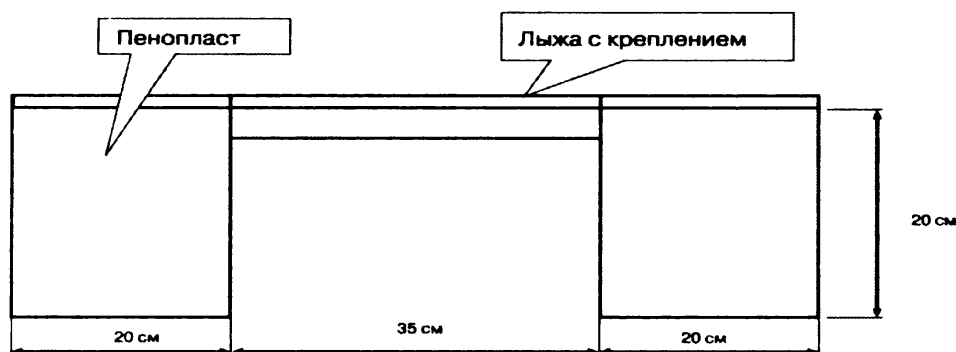
Прежде всего — обувь. Это важнейший элемент, ведь при взрыве под опорной поверхностью преимущественно поражаются конечности. Обратим внимание на характерные детали в промышленных образцах защитной обуви. Сразу бросается в глаза, что отечественные и зарубежные разработки вынесли ее опорную поверхность за проекцию стопы. Конечно же не случайно. Импульс взрыва, воздействующего на стопу, в этом случае существенно снижается, и чем больше будет ее удаление от боеприпаса, тем выше вероятность избежать ампутации после взрыва мины. Дробящее действие взрыва прекращается на расстоянии примерно 10 радиусов заряда ВВ. Масса ВВ в существующих противопехотных фугасных минах колеблется от 40 до 200 грамм, при этом радиус заряда составляет 1,8—3,0 сантиметра. Отсюда вытекает, что если стопа бу-

дет находиться на расстоянии 20—35 см от заряда фугасной мины, то она останется при взрыве либо целой (хоть и травмированной ударом), либо поврежденной лишь частично. Короче говоря, может обойтись или вообще без ампутации стопы, или ампутация будет локальной (например, палец).

Кроме того, заметим, что разработчики используют в образцах обуви полимерные материалы. Дело в том, что при взрыве они не дают осколков, способных нанести поражение человеку, а также существенно гасят импульс взрыва (в целях снижения вероятности перелома и вывиха конечностей).

Проанализировав все эти моменты и проведя необходимые теоретические расчеты, я решил изготовить защитную обувь из материалов, которые можно без труда найти

даже в полевых условиях. По разработанным на основе расчетов чертежам были изготовлены для проведения экспериментов две пары защитной обуви из пенопласта и манекен массой 70 кг.

Далее нами были проведены взрывы под защитной обувью, в которую был «одет» манекен. В результате было установлено, что даже такая неприглядная и одноразовая обувь (см. фото на стр. 42) способна защитить сапера от взрыва противопехотной фугасной мины с массой ВВ до 100 граммов. Однако, к сожалению, при взрыве под обувью мины ПМН с массой ВВ 200 граммов (или, как ее называют на Западе, «Черная вдова») ампутации стопы избежать вряд ли удастся. Тем не менее при этом степень ампутации значительно будет снижена.

Пенопласт, конечно же, неудобен. Чтобы избежать разрушения обуви, необходимо сшить из брезента прочный чехол. А для крепления нашей «самоделки» к ноге мы ничего лучше не придумали, как использовать либо армейские лыжи, предварительно обрезав их по размерам обуви, либо обрезок доски толщиной 2 см.

Конечно, эстетического вида не получилось, но нужен ли он на войне? Само собой разумеется, что такую обувь никто не будет использовать в ходе инженерной разведки

дорог на наличие мин и фугасов. Однако при разведке и разминировании местности от фугасных противопехотных мин она просто НЕОБХОДИМА.

Реально в ней можно, как мы убедились, пройти два-три километра — затем, скорее всего, нужно будет заменить пенопласт. Только и всего. Сделать запасные комплекты — не вопрос, чего-чего, а уж пенопласта у нас хватает...

Скажу одно — вся работа по изготовлению таких немудреных с виду приспособлений будет вознаграждена в случае ошибки сапера и взрыва под обувью обнаруженной мины (что с нашими «суперсовременными» войсковыми миноискателями, к сожалению, вполне вероятно — это неоднократно показала Чечня).

Кроме того, надо сказать, что при выполнении работ по разминированию никогда не знаешь, с какими именно

боеприпасами можно столкнуться. Зачастую в минных полях устанавливают и осколочные, и фугасные противопехотные мины. Поэтому кроме обуви у сапера должны быть бронежилет и каска. На фото представлен сапер, выполняющий работы по разминированию в обуви вышеописанного войскового изготовления, в бронежилете и шлеме с забралом (по-

следний мы достали у военнослужащих ВВ, у саперов такого нет...). Кстати, изображенный на снимке бронезилет слишком короток для такой операции (мы вынуждены были использовать то, что имелось в наличии). Нужен «броник» подлиннее, вдобавок с прикрытием паховой области.

Подобное оснащение позволяет существенно снизить вероятность поражения сапера при взрыве как фугасной, так и осколочной противопехотной мины.

ВЫ НЕ ЛЮБИТЕ КОШЕК?

Скажу еще об одной нашей «самопальной» разработке, которая имеет непосредственное отношение к проблеме безопасности сапера.

Начну с того, что обычная состоящая на вооружении саперная кошка не всегда может оказаться полезной на практике. Для траления проволочных растяжек, обрывных датчиков цели в высокой траве и кустарнике ее применить практически невозможно, так как она цепляется и застревает в них. Настолько, что усилия человека недостаточно, чтобы ее протащить. Иногда при сильном натяжении фала она может перескакивать некоторые участки, где могут находиться растяжки, что в дальнейшем может обернуться неожиданным подрывом.

...В 1995 году погиб мой земляк, старший лейтенант Михаил Лебедев, который служил в 45-м полку ВДВ. Погиб от взрыва мины ПОМ-2 в тот момент, когда попытался ее уничтожить при помощи кошки. Как знать, была бы у него кошка другой конструкции, может быть, и не случилось бы трагедии...

Именно для траления в высокой траве и кустарнике предлагается конструкция кошки, показанная на фото на

стр. 46. Изготавливается она из двух отрезков металлического уголка длиной до 20 см, сваренных между собой. На ребрах уголка просверливаются отверстия, к которым от краев делаются под углом пропилы. Таким образом, она надежно «собирает» растяжки, обрывные датчики цели, не цепляясь за кустарник и траву, что уже доказано на практике.

Эффективность траления такой кошкой значительно выше по сравнению с той, что состоит на вооружении. Однако она не может полноценно ее заменить, например, при стаскивании боеприпаса с места установки, открывании двери из укрытия и т. д. Поэтому в подразделении, ведущем работы по разминированию, целесообразно иметь как штатную саперную кошку, так и предлагаемую выше.

Два вывода в заключение. Первый — хоть и «голь на выдумки хитра», но самоделка не может полноценно заменить промышленное изделие. Не сапер должен создавать из подручных материалов для себя хоть какую-то защиту, а государство обязано снабжать его всем необходимым. С другой стороны, если пока не в состоянии снабдить специалистов дорогостоящими костюмами, пусть хотя бы обеспечат саперов надежными бронежилетами и шлемами с забралом, пенопластовые «лапти» уж сами склепаем...

И второй вывод: если самодельное изобретение типа саперной кошки в некоторых случаях оказывается единственно эффективным по сравнению с промышленным образцом, не значит ли это, что у разработчиков почему-то до сих пор не хватает продуктивных связей с действующими профессионалами, способными сказать об этих и других недостатках выпускаемых изделий? Опять же не мы должны изготавливать такие «ноу-хау» из обрезков металлолома...

Приложение

ЗАЩИТНЫЙ КОСТЮМ САПЕРА «ДУБЛОН»

Назначение: защита сапера от поражения фугасными и осколочными противопехотными минами при разминировании.

ОСНОВНЫЕ ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Структура бронезащиты — пластины 1,25 мм:

— защищает от пуль со стальным сердечником:

пистолета ТТ калибра 7,62 мм 5 м

пистолета ПМ калибра 9 мм 5 м

Структура бронезащиты — пластины 6,5 мм:

— защищает от пуль со стальным сердечником автомата АКМ и АК-74 калибра 7,62 мм и 5,45 мм 15 м

— осколков мины МОН-50 10 м

— осколков мины ПОМЗ-2М 2 м

Защитная обувь

— защищает от взрыва противопехотных фугасных мин с массой ВВ 100 г (ТНТ).

Масса костюма в зависимости от степени защиты от 15 до 36 кг.

Масса защитной обуви 7 кг.

Сергей ЗАБЕГАЕВ

РОДИНА НЕ ЗАБУДЕТ ?

...Чечня, 2001 год, июнь. Это была всего лишь командировка в «мирно отстраивающуюся» республику, говоря о которой средства массовой информации уже избегали упоминать слово «война». Но от этого тем, кто продолжал выполнять там задачи, было не легче.

Сегодня вспоминаю ту надпись на месте стоянки боевиков: «Народы Кавказа созданы для войны». Она продолжается и сегодня, к великому сожалению.

У меня уже нет той ненависти, которая перехлестывала через край, когда я плакал над телом своего бойца. Осталась только боль. Он теперь всегда входит без разрешения, без стука — Данила. В мой сон, мои мысли, в мою душу, мою жизнь.

А я думаю: неужели человек, кто бы и откуда он ни был, может быть создан для того, чтобы убивать? Это «философия» бандита и убийцы. Человек рожден для жизни. А солдат — для того, чтобы эту жизнь защищать.

НА ЗАДАНИЕ

Было прекрасное, безоблачное утро. Ничто не предвещало беды, но какое-то неосознанное чувство беспокойства у меня присутствовало. Я пытался подавить его, списывая все на прошлый неудачный выход в горы две недели назад — тогда от взрыва мины погиб лейтенант, а четверо ребят были ранены.

В тот раз все случилось, казалось бы, нелепо. Но именно так порой получается на войне, если хоть на секунду забываешь об осторожности. Да, там были именно секунды. Наша группа минирования, вытянувшись уступом, поднималась в гору, чтобы прикрыть позиции пограничного поста управляемыми минными полями. Инструкции обычные — ни шагу в сторону. Остановились передохнуть. И тут лейтенант-пограничник, который сопровождал нашу группу, вдруг встал и пошел вверх. Зачем — так и осталось неизвестно... Взрыв прогремел в десятке метров от прапорщика Юры, который, оставаясь на месте, только успел вскинуть руку, крича: «Стой!» Он получил осколок. Кроме него, досталось еще троим. Остальные из полутора десятков человек были невредимы благодаря тому, что склон напоминал каменные террасы. Если бы не эти уступы, прикрывшие ребят, мы бы не обошлись одним «двухсотым» — мина была осколочной.

...Лучший способ отвлечься от дурных мыслей — заняться делом. Я принялся еще раз проверять снаряжение и готовность группы к выходу. Это была третья неделя моего пребывания в погранотряде. Меня временно прикомандировали сюда для действий с группой минирования, чтобы помочь в выполнении одной ответственной задачи. Ребята были в основном опытные.

ДАНИЛА

Обычные приготовления перед убитием. Минимум разговоров. Врезался в память момент, когда вышел из палатки Даниил Покутнев, командир отделения — впрочем, все мы его звали просто Данилой. Этот молодой, симпатичный парень всегда был немногословен, но при этом собран и внимателен. А тут в его взгляде сквозила какая-то отрешенность, несвойственная ему. Это сразу бросалось в глаза.

...Сейчас я думаю: возможно, что человек все же чувствует свою гибель, хотя вряд ли кто-то может ответить на этот вопрос. У кого перед заданием не сосет под ложечкой? Данила мог отказаться в тот день идти на задание, но никогда бы не стал этого делать. Он был не из тех, кому все равно, посчитают его трусом или нет — лишь бы выжить.

Вышли на вертолетную площадку. Пришли четыре Ми-8, так что сегодня на нашу долю уж точно найдется «вертушка». Диспетчер определил, какой именно вертолет будет работать с нами. Мы переговорили с летчиками, и теперь оставалось только сидеть и ждать команды на вылет.

Тут села еще одна «восьмерка». Из нее, к нашей бурной радости, вышли двое наших ребят, получивших ранение на той злополучной мине. Все бросились к ним. Прапорщик Юра сердито крикнул: «Только осторожно! Болит же еще». Он рассказал, что в госпитале ему сделали операцию: осколок, прошив лопатку и легкое, полтора сантиметра не дошел навывлет.

Данила почти не отходил от Юры, радуясь за его поправку. При том взрыве получилось так, что прапорщик закрыл его собой, приняв осколок, а Данила находился за ним. Оставшись невредимым, он перевязывал ребят, затем тащил на себе с горы до вертолетной площадки одного из

раненых. Мы отправили их «вертушкой», а потом лазили в горах то под дождем, то под снегом пять суток, почти без продовольствия. Впрочем, ни один из бойцов не ныл. Данила тогда поделился со мной своими планами — оказывается, он собирался осенью поступать на курсы младших лейтенантов погранвойск. Я одобрил это решение, хотя профессия офицера давно уже перестала быть престижной и привлекательной. Но, признаться честно, выбору этого надежного во всех отношениях сержанта я порадовался. Из него получился бы хороший офицер. Так мне виделось это оттуда, со склонов Кавказских гор.

БОЛЬШОЕ НАЧАЛЬСТВО И «МАЛЕНЬКАЯ» НЕТОЧНОСТЬ...

...На площадку приехал командир пограничного отряда со свитой. Почему-то ему приглянулся именно наш вертолет, хотя этот экипаж выполнял разведполет по нашей задаче и отлично знал площадку высадки. Но командир есть командир. За время работы в погранотряде я уже успел привыкнуть к тому, что его командование относится к нам, прикомандированным «сухопутчикам», как к обузе, а к выполнению возложенных на нас задач — наплевать. Хотя именно от выполнения этих самых задач зависела жизнь многих солдат и офицеров, независимо от того, какую форму они носят.

Что ж, на другом вертолете, так на другом. Точка карандашом на карте — и на взлет. Долетели благополучно. Но только когда мы высыпались из «вертушки» и посмотрели ей вслед, я понял, что выбросили нас неточно. Всего лишь на каких-то 3—4 километра ошиблись вертолетчики. Но в горах это расстояние можно идти сутки, а можно и вообще не дойти. Смотря какие горы. Пока ори-

ентировались, ставили задачи бойцам — вновь рокот винтов. Садится Ми-8, из него выпрыгивает полковник Д. Тоже «сухопутчик», мой коллега и старший товарищ. Не удивляйтесь, и полковники ходят в горы. Только он в этот день готовился к выходу с другой группой. Спрашиваю у него, что случилось.

— Узнал, что вертолетчики вас выбросили не туда, — ответил он. — Хорошо, успел. У тебя нет формуляров минных полей этого района, я их прихватил. К тому же места эти мне знакомы.

Как говорится, дышать стало веселее. Пошли. Для выхода в запланированный район нужно было давать крюк в несколько километров, и мы решили двинуться напрямик. Для этого пришлось съезжать на «пятой точке» с высоты 2900 метров до 2500. Кажется, ерунда. Однако представьте себе спуск с высоты Останкинской телебашни по крутым, 50—70 градусов, склонам, иногда переходящим в отвесные скалы. На все ушло около двух часов.

Вышли к кошаре. Примерно месяц здесь никого не было. Однако следы пребывания боевиков остались — банки из-под консервов, надписи на камнях. Запомнилась вышеупомянутая: «Народы Кавказа созданы для войны». Усталые и грязные, как черти, мы только выругались по этому поводу, а где-то глубоко внутри кольнуло: «За что? Ради чего?» Уходя от кошары, я поставил мину с элементом неизвлекаемости. Те, кто расписывается от имени народов Кавказа, меряя их по собственной примитивной психологии наемного убийцы, понимают только такой язык. Свои здесь не ходят — до ближайшей погранзаставы 15 километров. Тогда я не мог знать, что мне еще придется вернуться к этой мине...

...Дальше нужна особая осторожность. Определили порядок следования и дистанцию между друг другом. Мет-

ров 500, стараясь двигаться незаметно, в «зеленке», идем вдоль реки. Десять минут передышки. Бойцы приуныли, пришлось подбодрить. Задерживаться нельзя. Сейчас главное — выйти в район, где нужно выполнять основную задачу...

ПОДРЫВ

...Козья тропа вдоль реки. По-прежнему вся группа движется рассредоточенной цепочкой. Первым идет полковник, за ним, на дистанции, Данила. Я — третий, за мной еще несколько человек. Очень похоже, что до нас здесь кто-то ходил. стараюсь ступать след в след впередиидущим. В основном приходится смотреть на тропу, хотя опасность может подстеречь откуда угодно. Кажется, что ты готов к этим опасностям. Однако все случается всегда неожиданно.

Взрыв!

Он «расцвел» перед моими глазами черным дымом и столбом земли. Как раз там, где шли первые двое. Я их до взрыва не видел — смотрел под ноги.

Несколько секунд оцепенения. Первая и глупая мысль: «А почему меня не задело?» Потом приходит осознание — значит, фугасная мина, раз не долетели осколки. Шум скалывающегося к пропасти тела. Кричу: «Данила, где ты, что случилось?! Где полковник?» Тишина. Метрах в двадцати от меня вниз по склону раздались стоны. «Всем ни с места! Санинструктор со мной!» — кричу назад, остальным, и начинаю спускаться вниз. Кровяной след. Метрах в пяти перед пропастью вижу Данилу — его остановил небольшой карниз. Картина жуткая. Левая нога оторвана выше колена, на правой, также до колена, выбиты все ткани, кость перебита, стопа болтается на коже... Он был жив и в сознании. Лежал ничком и стонал.

Откуда-то из кустов, матерясь и что-то крича, вынырнул полковник. Он был контужен и почти не слышал меня. На его вопрос, что с парнем, я скрестил руки над головой. Это значило — раненый. В тот момент даже представить себе не мог, что Данила может умереть. Мы с санинструктором вкололи ему два противошоковых препарата, наложили три жгута и бинты. Бойцы сделали из палок и плащ-накидки носилки. Данила лежал ничком и все время спрашивал: «Ноги целы?» Мне оставалось только врать, чтобы хоть как-то успокоить: «Целы. Потерпи, брат. Мы тебя сейчас вытащим отсюда, вызовем «вертушку», а в госпитале врачи сделают все, что надо».

ОН УСПЕЛ СКАЗАТЬ...

Нужно было срочно вызывать вертолет. Но как он найдет в горах маленькую группу и вдобавок сядет на малопригодной площадке? Это сложное дело. Принимаем решение — часть группы с полковником во главе выходят

к площадке десантирования, вызывают «вертушку» и наводят ее на нас. Мы с остальными бойцами выносим Данилу к кошаре, так как больше подходящего места для посадки нет, ждем там. Полковник с людьми ушел.

Когда мы стали укладывать Данилу на носилки, он увидел, что стало с его ногами. «Мужики, застрелите меня, я не хочу жить калекой! — полоснул по нервам крик. — Застрелите меня, мужики!» В этот момент я сам готов был застрелиться.

По крутому уклону мы вчетвером выносили его на тропу. Цепляясь руками за деревья, на «и р-раз» поднимали носилки все выше. Каждое движение приносило ему неимоверную боль. Я увидел, что он начинает закрывать глаза. Еще подумал по наивности, что это начали действовать противошоковые препараты. Я до конца верил, что мы его вытащим из этих гор живым. Но он умер, как только мы вынесли его на тропу.

Перед смертью ребята спросили, есть ли у него в разгрузке граната. Это было важно — если «да», то у гранаты могла быть от взрыва фугаса выдернута чека, а значит, она могла взорваться.

Даниил приоткрыл глаза и сказал: «Одна». Сразу после этого он умер.

Он не забыл о других даже в последнюю секунду своей жизни.

ДВА ШАГА

Я сидел и плакал над его телом. В этот момент мне показалось, что смерть сама по себе не страшна, страшно то, что жизнь людей, оставшихся в живых, разделилась на жизнь до взрыва и после него.

Данила, как же я скажу о тебе твоей матери?

Больше часа мы с его телом шли к кошаре. Вот и она. Теперь придется уничтожить ту самую нашу мину, установленную на неизвлекаемость. Я уложил рядом с ней тротилловую шашку и отошел к бойцам. Вместо одного взрыва прогремело два подряд. Что это было? При осмотре места взрыва оказалось, что рядышком был установлен «духовский» фугас, до которого я не дошел двух шагов. Точно такой же, на каком подорвался Данила.

Теперь восстанавливаю картину происшедшего у пропасти. Полковник, идя впереди, тоже прошел в шаге от своей смерти. Переступив фугас, установленный боевиками, он остановился. Что-то почувствовал по едва уловимым признакам профессиональной закладки заряда. Присел, сделал знак группе и начал осматривать место (замаскированный фугас в это время находился в шаге (!) от него). Но Данила, идя за ним, вероятно, этого знака не увидел. Он совершил ошибку — видя, что идущий впереди присел, не остановился, хотя я постоянно твердил, обучая ребят: «Держите дистанцию. Будьте внимательны». Недоучил, есть и моя вина в его смерти. Данила, подойдя к полковнику вплотную, левой ногой наступил на замыкатель фугаса, изготовленный из отрезка резинового шланга. Дальнейшее известно... Полковник же уцелел только потому, что не было осколков. Его отшвырнуло метров на пять, и он получил сильнейшую контузию: поначалу почти пропали слух и речь...

ТАКОЙ ВЫТАЩИТ ХОТЬ ИЗ ПЕКЛА...

...Площадка для посадки была готова. Но теперь, когда Данила уже не воскресить, понимаю всю поспешность нашего решения. Где гарантия, что несколько человек вместе с полковником, который сильно контужен, дойдут

до площадки десантирования? Их могут ждать и боевики, и очередные фугасы, и все это, вместе взятое. Беспокойство усилилось, когда мы услышали в стороне стрельбу. Я приказал занять круговую оборону.

После подрыва прошло уже более пяти часов. Солнце садилось. С приближением ночи таяли надежды на то, что мы выберемся из этого проклятого ущелья живыми. И тут раздался рокот винтов. Нас ищут! Сигнальной ракетой и дымом мы обозначили место посадки. Вертолет начал заходить на нее, но тут со стороны его правого борта по нему начали бить одиночными выстрелами. Командир экипажа принял решение не рисковать машиной и экипажем — Бог ему судья. Он тоже отвечает за своих подчиненных, значит, любое его решение — правильное.

А нам оставалось только начать окапываться. Надежда была лишь на то, что нас все-таки заметили и постараются снять отсюда, как только начнет светать, то есть часов в пять утра. До этого времени нужно было как-то продержаться. Судя по удалению выстрелов, боевикам до нас ходу часа полтора, не больше.

Но тут снова раздался рокот винтов. На нас заходил вертолет. Я снова обозначил нашу площадку. Будет садиться или... нет? Мы все молчали, думая об одном. По вертолету начали стрелять, но командир повел его на посадку. Безусловно, экипаж рисковал — ради нас.

Заскочив в «вертушку», я увидел суровое лицо командира. Это был Валера К., уже второй раз вытаскивающий мою группу после передраг. Кстати, это единственный, как мне сказали, вертолетчик в погранвойсках, награжденный нашим знаком «За разминирование». Здесь же, в вертолете, сидел и полковник Д. Он очень плохо слышал и говорил, речь его была нечленораздельной. Я до сих пор по-

ражаюсь, как он с несколькими ребятами сумел дойти и не наткнуться на засаду. Благодаря ему нас нашли.

Через двадцать минут борт сел в погранотряде.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Той ночью было не до сна. Утром у вертолета простились с Даниилом. Умытый, он лежал под флагом России. Похоронили его в родном городе Шебекино. Как нам стало известно, только через 18 дней...

Вернувшись из командировки, я написал письмо родителям Даниила, где описал гибель их сына. К несчастью, именно мне пришлось закрыть глаза героически погибшему парню, которого они воспитали НАСТОЯЩИМ ЧЕЛОВЕКОМ.

А что же государство? Через полгода после гибели сына, защищавшего Россию, его родители получили четыре с половиной тысячи рублей «боевых». И все.

Полковник два с половиной месяца провел в госпитале. За это время ни один из вышестоящих начальников не нашел времени его навестить...

Известную фразу «Родина вас не забудет» офицеры не зря часто дополняют: «...Но и не вспомнит».

Сергей СМОЛЯНИН

СПЕЦНАЗ

ОТРЯД УХОДИТ В ПОИСК...

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ СПЕЦНАЗ В ПЕРВОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ КАМПАНИИ

В свое время я искренне сожалел, что не успел попасть на афганскую войну. Шансы были высокими — весьма значительную часть офицеров частей специального назначения (СпН) ОКСВ в ДРА составляли выпускники именно Киевского ВОКУ. Но, как оказалось, все для нас было еще впереди.

Зимой 1994—1995 гг. началось формирование отряда спецназа для участия в «операции по восстановлению конституционного порядка». Боевой афганский опыт в бригаде уже подзабылся, а значительная часть военнослужащих давно разъехалась по «национальным» квартирам. Все это привело к многочисленным большим и малым упущениям. Часть из них, дабы не повторять ошибки впредь, будет описана ниже.

Сборы

«Вспомнишь сейчас — и страшно становится, как мы ехали на войну...»

Боевая подготовка благодаря усилиям командира бри-

гады — полковника Л., в отличие от соседней гвардейской танковой дивизии, проходила в целом «на уровне». Офицеры ходили в караул только начальниками, но не караульными, как у танкистов — впрочем, это была их беда, а не вина. *(Молодежь может не понять, о чем речь. Дело в том, что в те «славные» времена так называемого создания профессиональной армии «до 2000-го (!!!) года», наскоком по-ельцински, реальная картина жизни войск представляла собой полупустые или пустые казармы. Бойцов-«срочников», как и «сборно-сбродных» контрактников первой волны, набранных в основном с улиц — и в основном в тылы (кто же пойдет за копейки тем же механиком-водителем!) — не хватало даже на несение караульной службы, причем такое наблюдалось почти повсеместно. О полноценной боевой подготовке тогда не могло быть и речи. Так что сохранение боевого потенциала в тех условиях действительно было чем-то выдающимся, и это характерно для спецназа, который даже в то время старался не терять лица. — Ред.)*

На этапе формирования «экспедиционного» отряда возникли сложности с укомплектованием ряда должностей. Я тогда командовал ротой, и в качестве старшины мне пришлось взять контрактника (по принципу «лучше хоть кто-то, чем вообще никого»). Толку от него впоследствии было очень мало. Роту перестроили по особому, ничем, по-моему, не обоснованному штату. Третью людей к нам перевели вообще из другого подразделения, что, очевидно, было вызвано указанием брать на войну только солдат, уже прослуживших определенный срок. Это резонно, однако в результате перетасовки личного состава получилось недостаточно слаженное подразделение, которое еще только предстояло «сколачивать», но уже в зоне боевых действий.

С вооружением и имуществом также были сплошные проблемы. Роту укомплектовали штатными средствами связи, как КВ, так и УКВ: излишне объяснять, что в условиях чеченского конфликта они были малопригодными. А ведь связь, пожалуй, самый важный вопрос. О коммерческих радиостанциях мы тогда еще и не слыхивали. Такое оружие, как ВСС и АС, видели только на картинках. Командирам групп выдали пистолеты ПБ, а командирам рот — ПМ. Очевидно, предполагалось, что ротный будет руководить из канцелярии... *(Последующие события показали, что командир роты ходил на боевые задания не меньше своих командиров групп.)* Очень мало было ночной оптики, а имевшаяся в наличии НСПУ (даже не НСПУ-М) морально устарела. Это обещало дополнительные хлопоты с питанием. Забегая вперед, скажу, что новенькие бинокли Б7 на поверку оказались негерметичными и в условиях чеченских туманов сразу «нахватали» влаги.

Вообще не было холодного оружия, штатные штык-ножи не в счет. Конечно, умение солдат срочной службы пользоваться в бою ножом следует оценивать скептически, но это не означает, что нас не должны были ими обеспечить. Офицеры брали свои боевые ножи, как и остальное индивидуальное снаряжение. У меня, например, был штык от АК, который, впрочем, я так ни разу по прямому назначению не использовал.

Словом, экипировка была, честно говоря, убогой. На свои деньги всего не купишь. Из-за отсутствия опыта и общего ажиотажа упустили многие элементарные вопросы (во многом, конечно, здесь вина командиров подразделений, но я ее с себя и не снимаю). Например, не взяли даже веревок. Компасы были только у командиров отделений. Зато взяли... валенки (это даже в газетах отметили), а вот галош к ним, к сожалению, не было. Сейчас, как

вспомнишь, страшно становится, как на войну ехали. Наше командование выдало все, что имелось в наличии, но в том-то и дело, что очень многого просто не было на снабжении.

В «лучших» традициях нашей армии отряд оснастили БТР-70, простоявшими на хранении примерно 15—20 лет (комментарии излишни). Для перевозки имущества рот отдельные машины выделены не были. В результате печки, палатки и разный другой скарб полностью заполнил внутреннее пространство БТР и, кроме того, огромным горбом возвышался сверху.

Практические выводы

Дальнейшая наша боевая работа показала, что своя бронетехника спецназу в условиях вооруженного конфликта необходима (это еще афганский опыт). Хотя бы для использования в качестве «боевого такси» — доставки групп в назначенный район и последующей их эвакуации. Я даже считаю, что с учетом различных факторов оптимален именно колесный бронетранспортер (например БТР-80), но, во-первых, это должна быть исправная и боеготовая техника, во-вторых, ее целесообразно сосредоточить в отдельном подразделении (рота БТР), и, в-третьих, нужен мощный ремонтный орган. Последнее обусловлено тем, что в спецназе существует объективная «аллергия» на бронетехнику и офицеры зачастую имеют слабые навыки в ее эксплуатации. К тому же используется она не всегда, а только при необходимости.

Мудрым оказалось решение командования включить в состав отряда специальную машину с базой для зарядки всевозможного питания — радиостанций, оп-

тики и т.д. Это впоследствии полностью себя оправдало и существенно разгрузило командиров рот в процессе боевой работы.

Прибытие

«Вот где остро не хватало эффективно действующей военной полиции!»

...18 января, Моздок. Всех несколько шокировала активная стрельба трассирующими патронами по периметру аэродрома. Потом думали: что за придурки палили, это ведь даже не Чечня, а Северная Осетия. Наверное, сказывался общий ажиотаж.

На окраине аэродрома, в капонирах для самолетов, базировались наши коллеги — спецназ из Сибири. Все — контрактники. Им было труднее всего, ведь они были первыми и вытянули на себе самый тяжелый период. Мои первые впечатления (тогда я был еще «зеленым» и «не нюхавшим пороха»): оружие в пирамидах ржавое и все «жрут» спиртное. Потом я, конечно, многое переосмыслил, так что пусть не обижаются.

Мне так хотелось на войну, что я никак не мог поверить — вот оно, «сбылась мечта идиота»! Первые изменения в сознании произошли, когда услышал в докладе вернувшегося с задания офицера, что разведгруппа (РГ) не смогла вынести убитого товарища из Грозного и захоронила его на территории противника. Тут-то до меня начало доходить, что это уже не игрушки.

В Моздоке поражали общий бардак и неразбериха. Это постоянно приводило к различным ЧП. Сгоревшая соседская палатка не в счет. На наших глазах мчащийся на бешеной скорости «КамАЗ» с нетрезвым водителем насмерть сбил офицера. Вот где остро не хватало эффективно действующей военной полиции.

Ханкала

«Практически все потери отряда за время этой командировки — результат огня своих войск или неосторожного обращения с оружием»...

Прибыв в Ханкалу, расположились в домиках на краю аэродрома, рядом с карьером, который использовался в качестве стрельбища. Бросалось в глаза обилие учебных самолетов, ставших жертвой превентивного удара российских ВВС. Это наводило на мысль, что война могла быть значительно «веселее», если бы приходилось подвергаться нападениям незаконных вооруженных формирований (НВФ) еще и с воздуха — например, Л-39 с блоками НАР или бомбами. *Кстати, на этот случай в штате отряда целесообразно было иметь подразделение ПЗРК — как в целях противовоздушной обороны, так и для выполнения специальных задач.*

Пехотные офицеры мигом «оприходовали» брошенную чеченцами на аэродроме 57-мм зенитную пушку С-60. Имевшиеся боеприпасы были тут же «отправлены прямым назначением» на туберкулезный диспансер, находившийся в руках противника (там мы позже оборудовали передовую базу). Этот случай подтверждает одну из заповедей войны: **«Уничтожить врага — доблесть, уничтожить врага его же оружием — двойная доблесть, добиться, чтобы враги уничтожали друг друга, — высшая доблесть»**. Хотя, к сожалению, примеров последнего за все время той войны в Чечне было больше со стороны НВФ...

Дополучили имущество: ночные бинокли, радиостанции и т.д. Самое ценное — 9-мм ВСС («Винторез»). К концу командировки их количество достигло аж (!) двух на каждую РГ. Автоматов АС не получали вообще, а «патронный голод» на 9-мм СП-5, СП-6 был в основном преодолен

только «под занавес». Между тем *обстановка зачастую требовала вооружить бесшумным оружием всю группу.* ВСС, конечно, нуждались в особом, профессиональном обращении, были у нас проблемы и с их надежностью, но в целом они оправдали возлагавшиеся на них надежды. К примеру, «винторезы» сыграли ключевую роль в огневом контакте, когда при проведении дневного поиска РГ офицера И. столкнулась с аналогичной группой НВФ. Наши первыми заметили противника, открыли огонь из ВСС и успели «завалить» несколько человек, пока боевики поняли, в чем дело. Таким образом, с помощью бесшумного снайперского оружия была захвачена огневая инициатива в бою.

В процессе боевой работы стали проявляться слабые звенья — результат поспешной переформировки роты и групп. Так, например, во время ночного поиска в одной РГ потерялся боец: будучи морально не готовым к подобной психологической нагрузке, он полностью утратил самоконтроль и отстал от группы. Солдат был найден ценой срыва задания. Перед отправкой в Чечню он был переведен из другого подразделения, так что комментарии излишни.

Незабываемо прошел для меня выезд на рекогносцировку. На перекрестке аккуратно рядом с транспарантом «Грозный. Счастливого пути!» наш БТР-70 подорвался на противотанковой мине, установленной братьями-десантниками: они располагались здесь раньше и ушли, не сняв свои мины. Только благодаря тому, что все сидели на броне, обошлось без жертв, контузии не в счет. Отметим, что *колесный бронетранспортер подтвердил свою противоминную живучесть.* Пока я летел, отброшенный взрывом, говорят, орал известное ругательное слово (в памяти остался «вид сверху» на родной БТР). Позже в

этом же месте, на этой же группе мин подорвалась ремонтная мастерская воинской части, вводившейся в Чечню...

Пока я со своим отрядом находился на передовой базе, появились первые потери. Личный состав, стоявший на построении, был обстрелян колонной войск, вводившейся в Грозный. В результате убиты два человека, один ранен... Чем это было вызвано и кто виноват, выяснить не удалось.

Практически все потери отряда за время этой командировки — результат огня своих войск или неосторожного обращения с оружием. До боли всем известная картина, не так ли?

Практические выводы

Во-первых, прежде чем начинать боевую деятельность на новом месте, тщательно ознакомься с минной обстановкой вокруг и поставь в известность о своем появлении соседей; во-вторых — медицинскую подготовку личного состава необходимо поднимать на новый качественный уровень: солдат должен иметь твердые навыки по оказанию первой медпомощи как товарищу, так и себе. Пример: после подрыва, находясь в состоянии шока, я не сумел с двух попыток вколоть себе промедол. Игла первого шприц-тюбика согнулась, а у второго не проткнул капсулу, так как в том состоянии это просто вылетело из головы...

Пока у нас не появились первые убитые и раненые, командование отряда имело проблемы с получением у довольствующих органов некоторых видов обеспечения. Мотивировка: «Так вы еще не воевали — у вас даже потерь нет». Это, видимо, характерно для нашей армии, когда эффективность боевой работы воинского формирования оценивается величиной потерь личного состава...

Зона ответственности

«Основным оружием командира РГ являются его мозги, бинокль и радиостанция внутренней связи»...

На племенной станции, что в 2 километрах южнее совхоза Гикаловский, кроме нас стоял также 324-й мсп. Запомнились два огромных племенных быка, которых, правда, вскоре не стало...

Типовой задачей № 1 отряда стал вывод подразделений мотострелков и морской пехоты (после предварительной разведки, разумеется) на господствующие высоты. В таких случаях наиболее сложной была вторая часть задания, то есть собственно вывод бойцов. В отличие от нас, снаряженных для выполнения короткого задания, пехота тащила на себе все необходимое для того, чтобы закрепиться, и звукомаскировка, конечно, была уже довольно условной. Кроме того, несмотря на всю убогость нашего снаряжения, все равно оно было несравненно лучше: внутренняя радиосвязь, удельное количество ночных прицелов и биноклей и т.д.

Типовой задачей № 2 на этом этапе стал ночной поиск на небольшую глубину (до 5 км) с задачей вскрыть район размещения НВФ или их инфраструктуру, чтобы нанести огневое поражение поддерживающей артиллерией (не путать с классическим поиском, где требуется переползти через нейтральную полосу и взять «языка»). Специфичными для этого периода являлись сильнейшие туманы и «пластилиновые поля», то есть непролазная грязь.

Действовали обычно отрядами в составе 2 групп. Каждый отряд специализировался на своей зоне ответственности. Моя рота работала из района обороны мотострелкового батальона 324-го мсп, командир которого за свою характерную внешность получил у нас прозвище Бу-

дулай. Командир 1-й мотострелковой роты Олег запомнился мне настоящим боевым офицером, его духу можно было позавидовать.

Главная огневая мощь РГ — в количестве и качестве поддерживающей ее артиллерии. Как правило, с нами взаимодействовала «будулаевская» штатная батарея 120-мм минометов. Реже дополнительно придавалась полковая артиллерия (122-мм самоходные гаубицы 2С1), огневые позиции которой располагались рядом с племенной станцией. Артиллерийским корректировщиком со мной обычно ходил командир огневого минометного взвода Володя. Взаимодействие с минометчиками было более эффективным благодаря меньшему времени реакции на открытие огня, что для РГ в тылу противника очень важно.

Практические выводы

Прежде всего командир РГ должен хорошо представлять себе основы боевого применения артиллерии и ее возможности.

Как бы ни владел разведчик искусством корректировки артиллерийского огня, все равно лучше брать с собой на задание профессионального артиллериста. Это значительно повышает эффективность огневого поражения. Но надо учесть, что для такой работы годится не каждый. К примеру, нам приходилось работать на таком удалении от разрывов снарядов, что корректировщикам становилось не по себе. Словом, человек должен не только отлично знать свое дело, но и соответствовать по складу характера. Хочешь, чтобы у корректировщика была устойчивая связь со своими, — окажи ему помощь в подготовке питания для его радиостанции и продумай запасной канал связи для него на своих средствах связи.

*Пришлось внести изменения в снаряжение разведчиков. Например, я запретил командирам групп иметь на личных автоматах подствольные гранатометы. Вопрос может показаться спорным, однако я считаю, что **наличие оружия вызывает соблазн его применения**, и, вместо того чтобы руководить своей группой, ее командир будет сознательно или подсознательно подыскивать цель для своего ГП-25. Основным же оружием командира РГ являются его мозги, бинокль и радиостанция внутренней связи. Сформулированный мною закон вообще широко применим для различных аспектов боевых действий.*

Из всей достаточно объемной документации, положенной для отправки РГ на задание, в первое время оформлялся только самый юридически необходимый минимум, что, очевидно, было оправдано в конкретных условиях.

Эффективность руководства действиями РГ возросла благодаря созданию решением командира отряда подполковника Г. импровизированного мобильного передового командного пункта. Комплект средств связи и рабочее место офицера и радистов были размещены в кузове-фургоне на базе ГАЗ-66, который выезжал в расположение общевойсковых подразделений на участок, где работала разведгруппа.

Только один поиск...

«Половина успеха РГ зависит от дозорных»...

Пожалуй, самое поучительное в любой операции — это детали. Они учат быть предусмотрительным... Поэтому для примера расскажу об одном выходе подробно. Тогда предстояло уточнить расположение и характер инженерного оборудования опорного пункта боевиков в районе железобетонного моста через реку Аргун (дорога на Шали).

Выходящий на задание разведотряд включал в себя две РГ и артакорректировщика, всего 18 человек. На всестороннюю подготовку выделялась половина (!) светового дня. Такая вот сложилась порочная практика. Задачу ставил командир части подполковник Г. К слову, иногда это делал начальник разведки округа генерал-майор К., находившийся с отрядом. Конечно, присутствие в части помимо штатного командира еще и курирующего старшего начальника — не самый лучший вариант. Однако безусловной его заслугой является то, что он не позволил втянуть отряд в какую-нибудь авантюру, а такие попытки, надо сказать, представителями вышестоящих инстанций периодически предпринимались.

К этому времени в роте среди бойцов («слонов») уже определились наиболее надежные и подготовленные разведчики («боевые слоны»). Именно они, как правило, работали в поиске в качестве дозорных. Эти бойцы имели индивидуальные радиостанции (Р-163-0,5У), были включены во внутреннюю радиосеть отряда, вооружены бесшумным оружием и несли значительно меньше имущества. У них была наиболее ответственная задача, ведь половина успеха РГ зависит от дозорных...

«Сержант внизу готовился к последнему бою, приготовив гранату»...

Выдвинулись ночью. Сделав крюк, отряд вышел на обрыв возле моста с юга. Абсолютная темнота имела и положительные, и отрицательные стороны. Люди передвигались, почти касаясь впереди идущего. Мешало постоянное освещение местности своей артиллерией (в Чечне не было, наверное, ни одного дерева, с которого не свисал бы парашют от осветительного боеприпаса), но его не отменишь — это может насторожить противника. Так же постоянно действовал на нервы почти непрерывный беспор-

рядочный огонь нашей пехоты на передовой. Туман, оседающий на оптике, сильно осложнял ее использование. Я некстати надел спецназовские ботинки старого образца (подошва у них без протектора, совсем гладкая) и проклял все на свете: на «пластине» в них — как корова на льду.

Старший головного дозора — младший сержант Т., не разглядев в темноте обрыв, свалился с 4-метровой высоты вниз. «Винторез» улетел в сторону. Внизу под обрывом — расположение НВФ, обороняющего мост...

Веревок нет (вот позорище командиру, то есть — мне). Пришлось снимать ремни с оружия и связывать их вместе. Пока шла «операция по спасению», сержант внизу готовился к последнему бою, приготовив гранату с разогнутыми усиками — один из патрулей проходил рядом с ним. Обошлось...

Несмотря на приключения, мы выяснили, что по самому краю обрыва проходит траншея, а вниз спускаются лестницы. В траншее никого не было.

«Если бесшумный налет перейдет в «шумный» — к своим не прорвемся»...

Сделав еще один крюк, мы вышли к мосту уже низом, по урезу воды. Теперь нас от своих отделял не только бивуак противника, но и обрыв более 4 метров высотой. Внизу, на берегу реки стояли замаскированные палатки, молотила техника. Выяснили, что в самом обрыве противник оборудовал норы — укрытия от артиллерийского огня. Обнаружили отдельно стоящую палатку (насколько это можно было определить в темноте).

Засевшие в подсознании сцены из армейских боевиков, где разведгруппа совершает налет на базу врага, всех «мочит», а затем отходит без потерь, толкали на совершение «бесшумного» с использованием соответствующего оружия налета. Однако трезвость рассудка все же возоблуда-

ла. Детальное размещение и количество противника были неизвестны, а если «бесшумный» налет перейдет в «шумный» и отряд обнаружат, то к своим не прорвемся. Налет же, тем более ночной, требовал профессиональной подготовки на два порядка выше, чем была тогда у нас.

Здесь «потеряли» еще одного разведчика. Как он потом рассказывал: *«Шел, осветительный снаряд повис, присел, потом встал — никого нет»*. Помогло то, что у него была индивидуальная радиостанция. Пришлось открытым текстом (а во внутренней сети работали только тонами — пять условленных тонов) и шепотом — лежали практически в расположении противника — вывести его в точку встречи.

«Ночью слышно хорошо»...

Близился рассвет. Отойдя на безопасное (по нашим меркам) расстояние, скорректировали огонь артиллерии. Был спланирован несложный огневой мешок: первый артоналет — по опорному пункту, второй — по берегам, в начале и в конце моста. *Весь огонь — без пристрелки: в ущерб точности, но для достижения внезапности*. Расчет был на то, что с противоположного берега к обороняющимся бросится помощь.

Перед началом артоналета начались какие-то вопли непонятного происхождения. Позже выяснилось, что это командуют артиллеристы на огневых позициях в трех километрах от нас (ночью слышно хорошо). Ранее на этом участке боевики, заслышав такую активность в нашем расположении, успевали спрятаться в своих недосягаемых убежищах.

Загрохотало. Высшей наградой для нас прозвучало громкое обращение к Аллаху после последней упавшей мины. Позже якобы проходила информация, что огонь был достаточно эффективным.

«Была разыграна классическая лобовая атака»...

Все добытые сведения, разумеется, были доведены общевойсковому начальнику. Позже, в преддверии планировавшегося штурма этого моста, мы предлагали провести операцию без «шума и пыли», в спецназовском стиле. Например, *ночью в пешем порядке «тихо-тихо» вывести в тыл противника мотострелков, а дальше — «возможны варианты».*

Командование 324-го мсп по тем или иным неизвестным мне причинам на это не пошло...

Была разыграна классическая лобовая атака. Полк понес существенные потери. В частности, многих потеряли полковые разведчики...

Реализуемость разведывательных сведений в первую кампанию оставляла желать лучшего.

Р. С. Ну что ж, в этот раз вроде «мы — их»...

Евгений ИВАНОВ

РАЗВЕДЧИКИ! В АТАКУ?..

НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ ИЗ ПРАКТИКИ СПЕЦНАЗОВЦА

Начало моей командировки в Чечню было интригующим и многообещающим. На аэродроме вылета нам выдали новенькие бронежилеты в нетронутой заводской упаковке, но почему-то в каждом из них отсутствовало по несколько пластин. Еще интереснее стало, когда нам передали БТР-80, а водителей-пехотинцев, страстно желавших поехать с нами, отправили обратно в часть. Мы остались наедине с этими великолепными, но совершенно нам неизвестными машинами.

Отмечу, что особенностью армейского спецназа является то, что на вооружении у него нет никакой техники, а

в подготовке офицеров имеется соответствующий пробел. Даже война в Афганистане, где большую роль в успешных действиях спецназа сыграли бронегруппы, не заставила поставить в каждую часть хотя бы несколько учебных БТР и БМП. Так что пришлось брать в руки «букварь» — инструкцию по эксплуатации и изучать ее.

Из-за этого не обошлось без приключений. Через день после прибытия в Моздок моя группа была отправлена на выполнение задачи в составе отряда специального назначения. До мелочей в устройстве машины и 14,5-мм пулемета КПВТ мы тогда еще не докопались, учебных стрельб не успели провести и пребывали в полной уверенности, что у нас все готово к бою. По счастью, в тот раз открывать огонь не пришлось и мы благополучно вернулись. А на первых же учебных стрельбах оказалось, что через каждые 4 выстрела пулемет «ловит клин» из-за отсутствия лотка в системе отвода пустой ленты и как следствие этого невозможность ленты беспрепятственно проходить в звеньеотвод. Она собиралась у края звеньеотвода и не двигалась дальше. И так у всех БТРов.

Вот и пришлось наводчикам из-за отсутствия этих деталей на полевой ремонтной базе срочно учиться одной рукой нажимать на спуск, а другой протаскивать ленту. А что было бы с нами, попади мы под обстрел на первом задании? Конечно, мы учились воевать не только на своем печальном опыте, но и на примерах использования на этой войне других подразделений специального назначения. О них нам, новичкам, становилось известно от более опытных друзей, уже прошедших боевое крещение и успевших оценить противника. Уж боевики-то, как никто другой, умели использовать все преимущества обороны в городе, получаемые от хорошего знания ими места боевых действий и использования наступающими на узких ули-

цах танков и БМП, которые становились «братскими могилами пехоты».

Неудивительно, что на улицах Грозного было сожжено большое количество техники, ведь стрельба велась, как правило, с 30—40 метров сосредоточенным огнем нескольких РПГ по каждой медленно движущейся бронетели поочередно.

Зная об умении боевиков воевать, я не был удивлен, что в подавляющем большинстве подвалов домов на улицах, мало-мальски пригодных по ширине для движения техники, были сосредоточены запасы выстрелов к РПГ-7. Тактику оставления «зачаек» с боеприпасами используют боевики по всему миру. Однако, хотя опыт локальных конфликтов иногда и обобщается нашими военными специалистами, до доведения его до «подрастающих» командиров дело все равно не доходит. Каких-либо учебных курсов или пособий по ведению контрпартизанских боевых действий в Сухопутных войсках не существует. Вот и приходится учиться в каждом новом локальном конфликте «с нуля» на своем кровавом опыте.

Боевики применяли и засады, устраиваемые большими силами на перекрестках. При этом огонь велся одновременно из 5—20 гранатометов, большого количества пулеметов и снайперских винтовок. Именно в такую засаду попала 2 января 1995 года колонна российских войск из 16 боевых и 30 колесных машин, шедшая к железнодорожному вокзалу.

Задача вывезти с вокзала в тыл тяжело раненного командира соединения была поставлена общевойсковому подразделению, которому придали разведгруппу из состава батальона специального назначения. Разведчики размещались следующим образом: четверо на первой БМП и по двое на второй и третьей. В 100 метрах от места назна-

чения голова колонны была обстреляна с трех сторон массированным огнем противотанковых средств и стрелкового оружия. Сразу загорелась первая БМП. Вскоре у нее сдетонировала боеукладка. Однако спецназовцы сумели выбраться из машины и приняли неравный бой, ставший для них последним.

Начальник колонны, находившийся на второй БМП, приказал своему механику-водителю уводить машину по примыкающей улице и таким образом оставил колонну без управления. Два спецназовца, сидевшие в десантном отделении этой машины, из-за ограниченного обзора из бойниц, не увидели, что их товарищи попали в беду, и не смогли им помочь. Через 3—4 квартала БМП начальника колонны была подбита. И снова бой приняли разведчики, но, находясь одни в окружении и положив гору «духов», погибли. В живых остались лишь контуженные механик-водитель и начальник колонны, которых местные жители затащили в подвал дома и прятали 3 недели.

Третья машина из-за отсутствия управления колонной и боем также ушла с места засады, но заблудилась и упала в р. Сунжу. Все находившиеся в ней, в том числе спецназовцы рядовой-контрактник Согинов и рядовой срочной службы Кузнецов, спаслись. Лишь пехотный майор-медик не смог выбраться и застрелился.

Спецназовцы вышли в боевые порядки наших войск и еще десять дней воевали на передовой (командуя шестью солдатами-пехотинцами, захватили и удерживали здание библиотеки).

Только в одной этой засаде погибло около 40 российских военнослужащих. Это, к сожалению, не единственный пример эффективных действий «духов». К таким результатам приводила тактика нашего командования «водружения знамени на ключевых объектах».

Задачу сохранения жизни личного состава решали начальники всех степеней. Правда, иногда это делалось весьма странным образом. Некоторые командиры, заботясь о жизни своих подчиненных, а кое-кто боясь за свою «заднюю часть», доходили до того, что старались на наиболее опасный участок отправить чужих солдат и тем самым сберечь своих. Примерами могут быть случаи выполнения подразделениями специального назначения задач, неспецифических для них, типа штурма зданий, их удержания, использование в качестве походного охранения общевойсковых колонн вместо ведения разведки в интересах группировки войск.

Это опасные задачи, и отдельные пехотные командиры, которым придавались подразделения спецназа, использовали для их выполнения чужих бойцов.

А иногда спецназовцам приходилось выполнять и вообще мифические задачи. Так, 18 января 1995 года отряд разведчиков из 19 человек на двух БТРах был отправлен на командный пункт тыла, находившийся у населенного пункта Толстой Юрт. В задачу отряда входило обнаружение и захват агента боевиков «Ракета», постоянно передававшего по радиосвязи о передвижениях наших войск на участке дорог Червлёная — Грозный. Действовать было приказано с КП как с базы.

Замечу, что когда потребовалось найти старшего начальника на КП, то поступили очень просто — отыскиали среди 200 машин управления и связи тёплый туалет. Сколоченный из свежеструганных досок, он возвышался над замаскированными автомобилями. А в 15 шагах от него стоял автомобиль с кунгом старшего начальника. Вот такая страусиная маскировка.

В последующие за приездом 10 дней отряд выезжал на дорогу в надежде засечь шпиона. Иначе как случайно-

стью предполагавшуюся поимку было назвать нельзя, ведь у спецназовцев не было никакой связи с местными осведомителями, никаких средств радиотехнической разведки, да и вообще это работа других служб. Несолоно хлебавши они вернулись в Моздок. Зато избежали участия в наступлении по улицам города в качестве мотопехоты на БТРах.

О высокой эффективности применения подразделений специального назначения при их грамотном использовании свидетельствует следующий пример. 31 декабря 1994 года отряд спецназа из 4 офицеров, 17 прапорщиков и контрактников был в 10 часов утра переброшен вертолетами в предгорье Северного Кавказа в район населенного пункта Сержень-Юрт. Затем, совершив 26-часовой пеший марш с полной экипировкой (до 20—30 кг вооружения, боеприпасов и минно-взрывных средств) по горам в условиях снегопада, отряд к 12 часам дня вышел в район, где командир и приказал устроить базу.

После тщательнейшей подготовки оружия к бою, а минно-взрывных средств — к подрыванию отряд разделился. Два офицера и 8 контрактников заняли круговую оборону на базе, а остальные, оставив часть снаряжения, выдвинулись к дороге, которая проходила по дну неглубокого горного ущелья. Ширина ущелья у дна составила от 200 до 300 м, и, кроме дороги, в нем находились несколько бывших пионерлагерей.

По сведениям разведки, полученным федеральными войсками ранее из агентурных источников, и благодаря аэрофотосъемке, в одном из этих лагерей располагалась школа чеченских диверсантов. Дорога усиленно патрулировалась бронетехникой, и по ней осуществлялась перевозка личного состава и грузов.

В 8-м часу утра следующего дня боевые позиции на середине склона ущелья заняла подгруппа обеспечения в

составе заместителя командира отряда и трех солдат-контрактников, а чуть ниже расположилась подгруппа огневая и минирования в составе офицера Л. и шестерых контрактников. Они заложили управляемые по проводам фугасы: один под полотно дороги, а второй — под находившуюся в 100 м электротрансформаторную станцию.

Около 8 часов на дороге у места засады показалась БМП с боевиками на броне. Взрывом управляемого фугаса и огнем подгруппы огневой и минирования за считанные секунды с противником было покончено. Затем была подорвана трансформаторная станция. Не успели стихнуть выстрелы и осесть пыль от взрывов, как на дороге показалась еще одна БМП. Выстрелами из РПГ-22 ее удалось отогнать.

В результате засады была уничтожена боевая машина, 7 боевиков, на дороге образовалась огромная воронка, что в дальнейшем привело к скоплению техники противника в этом месте, была обесточена база диверсантов.

Разведчики установили мину направленного действия на месте засады и отошли (сначала огневики-минеры, затем подгруппа обеспечения). Еще находясь на хребте над местом засады, то есть в 500 м от него, спецназовцы услышали взрыв своей мины — это на подмогу боевикам, попавшим в засаду, подошли новые силы.

Началась многочасовая «гонка выживания». Следующую МОНку оставили в месте расположения своей базы, положив за ней сумку подрывника, которая обязательно должна была привлечь внимание боевиков. Эта мина сработала через 40 минут, когда отряд разворачивал радиостанцию, чтобы вызвать вертолеты для эвакуации. Командир решил временно отложить сеанс связи, так как удаление от бывшей базы составляло не более 1 км (разведчики за 40 минут только и успели пересечь еще одно ущелье).

Третью мину оставили на месте несостоявшегося се-

анса связи. Она сработала через час. К месту эвакуации, которое находилось в 5 км от района засады, пришлось идти по тропе, проложенной днем раньше, потому что снежный покров был неглубокий, снег мокрый и на нем оставались черные следы спецназовцев.

Через 3 часа ускоренного марша по горам люди, не спавшие уже третьи сутки, стали «вырубаться». Всем было выдано по 2 таблетки сиднокарба, что привело разведчиков в чувство, и они смогли идти дальше.

К этому моменту 6 человек уже получили обморожение ног 2-й степени. Сеанс связи «продавить» все-таки удалось, и вертолеты, несмотря на совершенно нелетную погоду, вовремя были в районе эвакуации. Пришли три Ми-24 — вертолеты огневой поддержки, два Ми-8 под личный состав и один Ми-8 с подгруппой обеспечения эвакуации во главе с начальником штаба батальона спецназа.

Как потом рассказывали летчики, отряд преследовали около 40 человек в камуфлированной форме — боевики из центра подготовки диверсантов, около 20 из которых подорвались на четвертой mine, установленной на тропе отхода. А за ближайшим хребтом на окружение отряда шел «КамАЗ» с боевиками.

Вертолеты дали несколько залпов НУРСами по преследователям. Отряд занял круговую оборону на площадке эвакуации и вступил в бой. Забирали разведчиков под плотным огнем противника, однако среди наших потерь не было. А командир одной из групп отряда смог даже выскочить обратно из вертолета и подобрать меховые штаны товарища, отвязавшиеся от РД-54. Когда его потом спросили, зачем так рисковать, он ответил: чтобы не вычли за утерянное несписываемое имущество.

В общей сложности отряд уничтожил около 60 боевиков из состава разведшколы, боевую машину, электро-

трансформаторную станцию. В последующие 2 дня авиацией было совершено около 40 самолето-вылетов, в результате чего было уничтожено еще до 14 единиц техники, скопившейся у воронки на дороге, и сама база подготовки диверсантов. С нашей стороны потерь не было.

Вот чего можно достичь при правильном использовании по прямому назначению высокой профессиональной подготовленности в сочетании с высоким боевым духом спецназа.

Советы профессионала

Одежда для снайпера-профессионала

«Пример из личного опыта для осенне-зимней температуры. Нижнее белье, затем тонкий костюм из материала «Полартек-50», поверх него теплый костюм из «Полартек-300» (отличается плотностью и теплоизоляцией). Сверху — непромокаемый костюм из «Гор-Текс». Носки обычные, хлопчатобумажные, поверх них носки из «Полартек». На руки — перчатки из этого же материала. На голову — балаклава из «Полартек». На ноги — французские ботинки с высоким берцем «Гор-Текс» (я носил не армейские, а горные, предназначенные для альпинистов). В январе 1996 года, во время операции под Первомайском, такая одежда позволила мне даже спать на голой земле в достаточно комфортных условиях.

«Полартек» — это «дышащая» теплоизоляционная ткань. Держит тепло, даже когда намокнет, очень быстро сохнет, не стесняет движений и не приводит к потертостям.

«Гор-Текс» — «дышащая» водоветроноепроницаемая ткань, держит любую внешнюю влагу и выводит наружу влагу потоотделения. Недостаток, с которым приходится мириться, — шуршит при передвижении».

Тарас ЗИКОВ

СПЕЦНАЗ ПРЕДСТАВЛЯТЬСЯ НЕ ЛЮБИТ...

Спецназовцы представляться не любят. А уж объективов фото-, кино- и видеокамер просто на дух не переносят. Как-то один из них, увидев в руках журналиста «мыльницу», беззлобно, предупреждаяще пошутил: «Угадай с трех раз: кто быстрее нажмет — ты на кнопку или я на курок?..» Таково уж их нелегкое и смертельно опасное ремесло. Боец, уходящий за линию фронта в тыл врага, доверяет свое имя, свое прошлое тем, кто остается. Ни одного документа, ни клочка бумаги, которые могли бы, если группа погибнет, рассказать врагу, кто это был. Только оружие, боеприпасы. И радиопозывной. Один на всех. Всего лишь кодовое слово в голове командира группы и радиста. Ибо одна «засветка» — и у самой отлично подготовленной группы может не остаться ни одного шанса выжить. Ведь как бы ни был подготовлен спецназовец, жизнь его обрывается самой обычной пулей.

Стойкая «нелюбовь» спецназовцев к пишущей и снимающей братии — отнюдь не высокомерие суперменов, а суровый закон профессии. Поэтому на вопрос о самых удачных операциях их ответ однозначен: «Не узнает никто и никогда. Именно потому, что удачные!» Такова уж жесткая логика профессии. Вот почему «на слуху» широкой публики зачастую оказываются дела не самые удачные. И все же мы расскажем о некоторых случаях, когда бойцы спецназа представлялись, что называется, по полной программе. Правда, не словесно, а мощью огня, профессиональной выучкой...

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

По должности Михаил Ленцов «химик», как в войсках кличут бойцов взвода химической защиты. Но в силу то ли военной логики, то ли обстоятельств именно «химикам», наверное, самым «мирным» после медиков военным, были определены в заведование «Шмели» — едва ли не самое грозное боевое оружие из всего носимого. Короткие толстые тубусы «Шмелей» таят в себе ракеты, начиненные сверхмощной горючей смесью, которая, сдетонировав, способна испепелить все. Поэтому «химик» с «двухстволкой» — блоком из двух «Шмелей» за спиной — стал на этой войне почти обязательным номером боевого расчета разведчиков.

...В тот день Ленцов шел левофланговым разведгруппы. Задача у разведчиков была обследовать и обеспечить выдвижение основных сил. Шли, привычно «читая» незаметные для непосвященного детали. Ведь небрежно брошенная пачка из-под сигарет, окурки, обрывки бинта, вошенная бумага от патронной укупорки или остывающие угли костра так много могут рассказать бывалому разведчику. По «окаменелости» окурка, свежести бинта легко можно понять, как давно были здесь боевики. По размеру и количеству кострищ определить примерное их количество. По бумаге от укупорок — тип оружия. И еще многое, включая даже состояние тех, чьи следы найдены...

Разведчики осторожно пробирались между деревьями, чутко вслушиваясь и вглядываясь в «графику» леса. Группа, развернувшись веером, прочесывала его параллельно трассе. Ничто пока не указывало на присутствие боевиков. Стрелки на часах прошли полдень. Пора бы место выбрать для привала, скорого обеда. И вдруг прямо на бойцов группы вразвалочку, руки в карманах вы-

шли из зарослей орешника два боевика. Разведчиков здесь явно не ждали. За эту беспечность «чечам» пришлось заплатить своими жизнями. Очереди в упор опрокинули их.

Ленцов краем глаза заметил движение за спиной. Резко обернулся, инстинктивно рухнул на землю. Невысокий холм, обойденный разведчиками, оказался землянкой. Черным зевом распахнулась дверь. Из темноты, щурясь от света, выскочил бородатый «чеч» с автоматом наперевес. Но понять что к чему он не успел. Ленцов поймал в прорезь прицела бритый лоб, и через мгновение его проломила, разбрызгивая мозги, автоматная пуля. А из землянки на свет лез уже очередной «дух». Подождав, пока он весь окажется на улице, Ленцов вогнал пулю между глаз и ему. Лишь после того как на пороге землянки рухнул запертво четвертый боевик, до тех, кто в ней оставался, стало доходить, что происходит наверху. Но слишком долго размышлять им над судьбой Ленцов не дал, метнув в черный зев двери рубчатую картофелину «лимонки».

Несмотря на фактор неожиданности, ситуация складывалась крайне опасная. Группа оказалась прямо в центре лагеря боевиков. Из многочисленных землянок, как черти на белый свет, лезли испуганные, обалдевшие от неожиданности «чечи». Пользуясь неразберихой, разведчики густо валили их, но силы были слишком неравные. Пятнадцати десантникам было не под силу противостоять сотне боевиков. Тем более что с каждой минутой те все больше приходили в себя. Землянки ошетинивались огнем, под прикрытием которого «чечи» змеями расползались по траншеям.

Надо было отходить. Но оторваться от боевиков днем, да еще находясь почти в центре их лагеря было очень не просто. Огрызаясь огнем, прокладывая путь гранатами,

разведчики пробивались в глубь леса. Замыкал группу Ленцов с одним из автоматчиков. Неожиданно на пути группы оказалось болото. Через него тянулся «язык» сухой земли. Разведчики проскочили по нему на другой берег. Совсем близко, за спиной затрещали очереди. Поняв, что десантников совсем немного, «чечи» бросились в погоню...

В разведке именно такие ситуации всегда самые тяжелые. Чтобы дать возможность группе отойти, сбить след, кто-то должен остаться прикрывать отход. В девяти из десяти случаев остаться на верную гибель, жертвуя собой, чтобы спасти жизни своих товарищей.

На краю прохода через болото остался Михаил Ленцов. Стащил со спины тубусы «шмелей», привел их в боевое положение. Выложил на снег гранаты, сменил «магазин» у автомата. Замаскировался.

Крики и стрельба приближались. И вот на краю болота показались боевики. Чувя близкую добычу, они бежали по следам десантников. Некоторые из них сунулись было напрямик через болото, но провалились почти по пояс в грязную жижу, ругаясь, вылезли на снег и затрусили к «языку» прохода. Ленцов осторожно поднял «Шмель». В прорезь прицела поймал пробирающихся по «языку» боевиков и, выждав еще несколько мгновений, пока на переходе соберется их как можно больше, надавил на спуск. Оглушительно ахнул выстрел.

Граната черной молнией метнулась к цели, и через долю секунды «язык» утонул в огненно-черной вспышке. По ушам сухо ударил взрыв. Не давая боевикам очухаться, Михаил подхватил второй «Шмель» и, быстро прицелившись, вогнал его гранату в самое начало прохода. Вторая вспышка накрыла подбегавших к нему из леса боевиков. Ленцов ударил в это огненное месиво из автомата. Когда

дым рассеялся, тут и там бугрились изуродованные тела. Уцелевшие «чечи» торопливо отползали под защиту кустов. За некоторыми из них тянулись кровавые следы. Ленцов быстро сменил позицию, переполз к развилке старой ивы, замер. И вовремя. Спустя мгновение воздух распороли сотни пуль. Трещали срезаемые ими ветки, визжали рикошеты. Но били боевики неприцельно, куда попало, так и не поняв, где же находится позиция огнеметчика. Спустя несколько минут стрельба стихла, и от леса к проходу, сгибаясь, то и дело приникая к земле, устремились два боевика. Подождав, пока они окажутся на расстоянии броска гранаты, Ленцов рванул чеку «лимонки» и, разжав ладонь, отпустил предохранительный рычаг. Выждав мгновение, бросил. Как он и рассчитал, взрыв прогремел в воздухе над головами бандитов, навсегда пригвоздив их к земле. Воздух вновь распороли выстрелы. Ленцов попластунски переполз на новую позицию. Еще дважды пытались боевики прорваться через проход в болоте и оба раза откатывались, оставляя убитых и раненых. Наконец, решив, что прорваться здесь не удастся, они прекратили стрельбу, бросились искать путь вокруг болота. Воспользовавшись этим, Ленцов отошел и через час нагнал свою группу.

А в это время по лагерю боевиков уже мощно работала артиллерия группировки, чей огонь вызвали и скорректировали разведчики.

Когда утром на место боя вышли подразделения десантников, только у болота валялось более двадцати тел бандитов.

Вечером того же дня командир полка полковник Юрий Эм представил рядового Михаила Ленцова к званию Героя.

ВОТ И ПОКУРИЛИ...

Как ни странно, но и за линией фронта бывают ситуации почти комичные. Как-то одной из разведгрупп была поставлена задача скрытно выйти в тыл к боевикам, замаскироваться и наводить артиллерию и авиацию на обнаруженного противника. Под утро группа заняла позицию в старом, еще с прошлой войны сохранившемся опорном пункте. Пока серая предрассветная хмарь не рассеялась, бойцы после ночного марш-броска торопливо приводили себя в порядок, готовясь на долгие часы залечь в «секреты». Один из них, снайпер, присел на поваленное дерево. Едва успел стянуть обувку, как захрустела под чьими-то шагами подмороженная прошлогодняя листва. Прямо на снайпера из хмари вышел здоровенный боевик с пулеметом в руках. Увидев сидящего на стволе спецназовца и, видимо, приняв его за кого-то из своих, он бодро бросил:

— Аллах акбар!

— Аллах акбар! — откликнулся разведчик, сообразив, что «дух» его не узнал.

Тот опустился рядом на бревно и, поставив пулемет между коленями, вытащил из кармана сигареты, протянул их спецназовцу.

— Я травки в них забил. Курны на дорожку. Хорошо бэрет!

— Да не хочется что-то.

— Зря. А я под кайфом этих свинэй лучше рэжу... — Тут он наконец присмотрелся к сидящему рядом разведчику.

— Э, брат, а ты откуда?

— Из русского спецназа, брат...

На мгновение повисла тишина.

У «чеча» пулемет между ног, у разведчика винтовка приставлена к бревну...

«Чеч» рванул с пояса нож и наотмашь ударил им спецназовца. Но на полпути его рука попала в жесткий блок ладоней, и через мгновение борьбы нож выпал из выкрученной в суставе руки. А еще через мгновение мелькнул уже нож спецназовца. Каким-то чудом тот увернулся и сталь только распахала лицо от глаза до уха.

— Виктор! Микола! — взвизгнул было боевик, но второй удар заткнул его навечно.

— Чего орешь, Ширвани! — раздалось из темноты. — Опять обкурился, бисова душа?! Москалив на тебя нет!

Стало ясно, с кем перепутал его «чеч».

Разведчик буквально рухнул за трофейный пулемет, а через мгновение из темноты уже вычертились две фигуры.

— Ну, ты где?

Ответом им была длинная очередь в упор, буквально изрешетившая боевиков. В темноте кто-то закричал. И тотчас по всему опорному пункту густо затрещали выстрелы. Бой был короток. Разведгруппа боевиков, состоявшая из чеченцев и украинских наемников, переодетых в российскую форму, беспечно заночевавшая на старых позициях, была почти полностью уничтожена. Наши разведчики отошли без потерь.

НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

«Вертушка» за спиной взревела движками и, круто накренившись, отвалила куда-то за недалекий лес к передовой, где ее ждали раненые. У ближайших палаток я вдруг неожиданно нос к носу столкнулся с невысоким, крепким и очень знакомым человеком в армейском «горнике». Юрьев! Валера Юрьев!

...Пять лет назад, когда только начиналась та, первая чеченская война, я прилетел в Чечню с полком разведки

ВДВ. Созданный буквально за год до этого, полк был качественно новой боевой единицей, сформирован с учетом опыта использования армии в локальных конфликтах, имел в своем составе, кроме боевых, собственные разведывательные подразделения, причем не только войсковые, но и агентурные, технические. А также отряд психологических операций со своей типографией, теле- и радиостанцией. И отряд беспилотных самолетов-разведчиков — до этого вообще для линейных частей дело невиданное. В общем, это был мощный кулак, который перекрывал практически весь спектр конфликтных ситуаций, с которыми мог столкнуться в ходе выполнения боевой задачи. Командовал полком в Чечне Юрьев, бывший в ту пору начальником штаба полка.

В полк специального назначения разведки воздушно-десантных войск вошли лучшие подразделения ВДВ. 218-й батальон спецназа, проявивший себя в Карабахе, Приднестровье, Абхазии, стал его основой. К нему добавили «непромокаемый» (как шутят в ВДВ) 901-й десантно-штурмовой батальон, выдержавший годичную блокаду в осажденном Сухуми. Всего за год из этих батальонов сложился элитный, абсолютно новый полк, приспособленный для участия в локальных конфликтах, имеющий полный арсенал средств для проведения как боевых, так и психологических операций. Первого января его бросили в Грозный как последний резерв всей Российской армии.

Полк спецназа не имел ни пушек, ни танков, ни минометов. В бой пошли всего четыреста бойцов со стрелковым оружием да десяток БТР — вот и все силы. А в городе после разгрома и гибели 131-й бригады, 81-го полка, после отступления штурмовых группировок на одного российского солдата приходилось восемь боевиков. Казалось, что полный разгром и гибель остатков наших войск уже неизбежны. Вот в эти часы полк с боем прорвался к

генералу Рохлину. Тогда-то и стали понятны мудрость, дальновидность разведки ВДВ, создавшей и обучившей этот полк.

С первых часов разведчики захватили инициативу. Умелые, обученные, психологически подготовленные спецназовцы начали беспощадно и страшно перемалывать опьяненных успехом, уверенных в безнаказанности боевиков Дудаева. Уже через сутки после прорыва полка к Рохлину боевики окрестили его «президентским» и при одном упоминании о нем начинали нервничать. А еще через двое суток Дудаев издал приказ о запрещении прямых столкновений с «серыми волками» (эмблема полка), объявил их личными врагами и назначил огромные премии за каждого убитого спецназовца и особую премию за пленного. Эта премия так и осталась невыплаченной...

Полк специального назначения ВДВ переломил ход боев за Грозный, нанес боевикам тяжелейшие поражения, овладел ключевыми узлами сопротивления и обеспечил удачное наступление других частей.

...Прилетев на «вторую чеченскую», я, конечно же, стал гостем родного полка. Вечером в командирской палатке, отхлебывая из армейской кружки душистый чай, я с жадностью узнавал последние новости. О том, как воюют разведчики, как вообще дела у группировки ВДВ, как друзья-товарищи. Там-то и узнал об эпизодах, которыми начал эту публикацию. Интерес у меня был к полку особый еще и потому, что в нем два своих солдатских года отслужил по моей «протекции» мой близкий друг Игорь, мечтавший служить только в спецназе. Вместе с полком он был переброшен в Дагестан и с первых дней воевал в составе группы спецназа. В ней он принял неравный бой с бандой боевиков, буквально выкатившихся на замаскировавшихся в камышах разведчиков. В неравном бою раз-

ведчики рассеяли боевиков, уничтожив более десятка бандитов. Но не обошлось без потерь и у нас. Погиб командир группы майор Яценко. Игорь был ранен. Осколки гранаты посекали спину. Один из них, раздробив левую лопатку, ушел под легкое. И вот теперь я узнавал подробности того боя.

Конечно, говорили и о роли и месте «десантуры» на этой войне. Бойцы ВДВ находились на острие наступления группировки генерала Трошева. И десантники, как и полагается ВДВ, ни разу не подвели.

Группировка ВДВ — сплоченный единый кулак. Именно поэтому здесь меньше потерь, а одно упоминание о «голубых беретах» вгоняет в тоску самых отчаянных боевиков. Наблюдая за жизнью и бытом десантников, я все больше восхищался этими людьми. Они живут, выполняют задачи, сохраняют боеготовность и свой особый, ни на что не похожий десантный дух. Водитель подорвавшегося БТР, сам будучи тяжело контуженным, теряя сознание, смог остановить неуправляемую машину, вывернуть в сторону от обрыва, спасти товарищей и лишь затем отключился. Это ВДВ!

Ленцов — это ВДВ.

Эм — это ВДВ.

Юрьев — это ВДВ.

ВДВ — синоним победы армии России!

Владислав ШУРЫГИН

ПРОВЕРЕНО НА СОБСТВЕННОЙ ШКУРЕ

В ЗАЩИТУ АК74

Заявляю с полной уверенностью, проверенной на собственной шкуре, что **АК74** — это действительно классное оружие по сравнению с заслуженным, но уже являющим-

ся «каменным топором» **АКМ**. Все шишки на АК74 катятся только из-за того, что в нашей армии не используют достоинства этого вида оружия. Даже китайцы уже переходят на 5,56 тип.97.

На мой взгляд, у АКМ только три, и то спорных, преимущества — это мощь патрона, возможность установки ПБС и ненамного большая надежность. Встать перед стеной из кирпича, всадить в нее один магазин из АКМ и один из АК74 и убедиться в мощи 7,62-мм патрона, эффектно крошащего кирпич, это, я вам скажу, рекламный трюк для чеченов, грузин, — они любят такое. Но даже здесь видно, что площадь разброса пуль с АКМ и АК74 несоизмеримо разная. Причем не в пользу АКМ. Известно, что во время операции «Буря в пустыне» америкосы из своих М16 успешно расстреливали иракцев, которые пытались достать их огнем АКМ.

Прodelайте простой эксперимент: поставьте в 10 м от себя ростовую мишень и по очереди с бедра выпустите одной очередью по магазину из каждого оружия. Вы сразу почувствуете, как бросит АКМ и как поведет себя АК74. Ну а посмотрев результат стрельбы на мишени, будете иметь пищу для размышлений.

Приведу случай из практики. Моя разведгруппа, действуя тройкой, ночью в строении застала спящих шестерых боевиков. У входа стояла легковая машина, где, как выяснилось позже, отдыхало их охранение. Мои двое из «Валов» стали бить спящих, я прикрывал спину. И тут у молодого разведчика затряслись руки. Спящие начали просыпаться и кричать, хватаясь за оружие. Я развернулся и стал помогать, и вдруг почувствовал толчки в тело. Резко обернулся. Как в замедленном кино, в меня с четырех метров из АКМ стрелял бандит, не замеченный

нами за тонированными стеклами автомобиля. Я свалил его из своего «Вала». Второго добил в машине. После отхода я насчитал на себе три касательных ранения — в обе руки, правое бедро, а также были пробиты приклад и ножник. Вот видите, какой большой разброс попаданий получился. А был бы у него АК74 — я вам уже не писал бы.

В головном дозоре, когда сталкиваешься неожиданно в упор с «головником» бандитов, тогда почти одновременно замечаешь друг друга. Тут время идет на доли секунды. Кто выдаст больше точного огня в упор, тот и выиграет бой, даст возможность ядру группы с хвостом развернуться, командиру принять решение. В хаттабовских инструкциях боевикам вообще рекомендуется иметь в голове группы два ПКМ, чтобы при встрече быстро создать высокую плотность огня.

Исходя из всего этого, я в отряде поменял все АКМ на АКС74Н2, оставил только АКМН с ПБС, пристреляв механику на ПС, а с НСПУ на УС. В голове разведгруппы у меня обычно шли люди с АКС74У с коллиматорными прицелами со спарками эрпэковских магазинов, забитых через один бронебойный патрон трассерами. БП пробивает деревья, а трассером хорошо корректировать стрельбу, да и психологический эффект немалый. Также с ними шел боец с ВСС и гранатометчик с РПГ-7 с ТБГ7. Чуть поодаль двигался пулеметчик ПКМ с лентой, снаряженной вперемешку ПЗ, БЗТ.

Чтобы проанализировать эффективность данного вида оружия, обратимся к цифрам. Посмотрим таблицу 1, где указывается, сколько необходимо патронов для поражения одиночных целей одиночным огнем из АКМ и АК74. Положение для стрельбы лежа с упора. И таблицу 2 превышений.

Таблица 1

Дальность	АКМ		АК-74	
	Головн. фиг.	Бегущая	Головн. фиг.	Бегущая
100	4	3	1	1
200	7	4	1	1
300	14	5	2	1
400	22	6	3	1
700	Даже не рассматривается	17	8	2
800	Даже не рассматривается	17	11	2

Таблица 2

Таблица превышений АК74/АКМ

Приц.	Дальность								
	50 м	100 м	150 м	200 м	250 м	300 м	350 м	400 м	450 м
1	0/ 0 см	0/0	-3/ -7	-10/ -20	—	—	—	—	—
2	3/ 5 см	5/10	5/9	0/0	-10/ -17	-25/ -49	—	—	—
3	6/ 13 см	13/25	17/31	16/30	11/20	0/0	-17/ -31	-43/ -77	—
4	11/ 22 см	24/44	33/60	38/ 69 см	37/68	32/68	20/35	0/0	-27/ -52
5									
6									
7									
8	1,0 м/ 1,8	1,9/ 3,4	2,7/ 4,6						

Комментарии излишни.

Теперь о боеприпасах. С появлением пуль ПП и БП 5,45-мм наш АКМ вообще стал «дедушкой», хотя и к нему сделали ПП. У себя в подразделении я постарался опти-

мизировать стрелковое оружие под 5,45-мм боеприпасы. Хотя не против 7,62-мм калибра. Дмитрий в своем материале с сарказмом заметил насчет ППШ. А ведь неплохая машина. Я был поражен ее мощностью, большим темпом стрельбы 1000 в/мин, устойчивостью при стрельбе, которая, правда, достигается слишком большой массой — 5,3 кг. Начальная скорость пули — 500 м/с, есть трассеры. Убойность — 800 м, прицельная дальность — 500 м, короб на 71 патрон. Воистину лавина огня. Но их можно приобрести только в виде ММГ. Поэтому я остановился на АКС74УН2. Днем на это оружие можно поставить коллиматор. Напомню, что скорострельность его 650—700 в/мин. Что выше, чем у АК74 и АКМ. Он и легче, и короче, а коллиматор в ближнем бою намного повышает возможности «Ушки». (Хочу заметить, что коллиматоры контрактники покупали сами.) И вообще стрельба длинными очередями нужна только в начале боя, чтобы ошарашить, рассеять, вогнать в оцепенение противника. Потом бой переходит в фазу точечного поражения противника, где как раз АК74 незаменим. Это же маленькая снайперская винтовка, когда бьет одиночными. Для длинных очередей лучше ПКМ.

Не буду описывать достоинства автомата, но я бы хотел иметь такое оружие.

Теперь о недостатках АК74. Я их вижу только в последней модернизации автоматов АК74М, да и то выпущенных после 1995 года. Многие грамотные бойцы заметили, что по сравнению, скажем, с АКС74УН2 АК74М явно хандрит в кучности и надежности. Если, пристреливая старые акаэсы, я на 50 стволов находил 4—5, которые в 5-копеечную монету пули друг за дружкой укладывали, то у эмок мне вообще такой не попадался. Зато отказов в работе УСМ на 50 стволов хоть один, да попадался.

ПРОСТАЯ АРИФМЕТИКА

В отряде, на мой взгляд, надо иметь два РПГ-7ДН2. Причем при ведении поиска граната должна быть в стволе. При неожиданной встрече с противником время идет на секунды. Сколько надо времени, чтобы прицельно выстрелить с 26-го? Давайте посчитаем, учитывая то, что семерка несется на плече, а 26-й или висит на плече, или приторочен к рюкзаку.

РПГ-26:

1) снять, 2) вытащить чеку, 3) поднять планки, 4) прицелившись выстрелить.

Теперь РПГ-7. Гранатомет на плече, взведен, на предохранителе, прицельные планки подняты. 1) Снять с предохранителя, 2) прицелившись, выстрелить. Проверено, можете не спорить!

Даже если брать по массе 3 РПГ-26 — это 8,7 кг, а РПГ-7 с ПГ-7ВС — 8,3кг, в рюкзаке 3—4 шт. (в собранном виде), у второго номера еще 4 выстрела. Натренированный расчет создает высокую плотность огня. Хотя и не это дает выигрыш, а новая граната термобарического действия ТБГ-7. Правда, тяжеловата — 4,5 кг, зато противник, даже если имеет численное превосходство, после двух выстрелов панически отходит. Эффект РПО-А. Но выюк из двух РПО весит 23 кг. Есть еще РШГ-1 на базе РПГ-27 массой почти 10 кг. Да только ее размеры и масса никакого преимущества перед РПГ-7 не дают. Но главный секрет в том, что граната у РШГ и ТБГ-7 практически идентична. Получается один выстрел ТБГ-7 в стволе и три в рюкзаке. А четыре РШГ-1 на себе не утащишь.

НЕКОТОРЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Теперь о **дальномере**. Хороший дальномер стоит слишком дорого. А вот старый добрый ЛПР-1 в отряде имел, и при нормальной связи я вполне успешно выдавал целе-

указания снайперам и пулеметчику, и всем остальным. Диапазон измерений от 145 до 20 000 м, макс. ошибка 10 м, вес 2,5 кг, при температуре — 40° дает 200 измерений.

Таблицы превышений у меня в отряде были приклеены скотчем на магазинах и коробах пулеметов, что очень удобно (не на каждом, конечно).

Что касается **гранат**, то РГО и РГН летом в лесу бросать нельзя, лучше, конечно, РГД-5. Но в засаде, когда нет суматохи боя, особенно сверху вниз и если противник в кустах, — эти гранаты дают большой эффект. А осколки от Ф-1 летают и на 300 м.

Мины — самое страшное оружие в горах. Бесспорно, МОН-50 — хорошая мина, да и весит всего 2 кг. Самый большой эффект с 20 м, хотя в характеристиках заявлено 45. При установке обязательно учитывайте угол разлета осколков в 54 градуса, пользуйтесь всегда прицельным приспособлением, а не только отверстием под него, это намного повысит точность. На отряд 3—4 МОН-50 достаточно на случай засады или охраны дневки.

Рекомендую мину ПОМ-2Р. Особенно хорошо ставить при отходе: дернул чеку, бросил на тропу, через 50 сек. мина встает в боевое положение, разбросав четыре «растяжки» по 10 м. Если вы хотите достичь наибольших результатов, в засаде рекомендую ОЗМ-72. Один недостаток — тяжеловата, масса 5 кг. Зато радиус сплошного поражения 25 м, дальность сплошного поражения 50 м, 2400 осколков, да еще выпрыгивает на 90 см. Устанавливать только в управляемом варианте. Две такие мины перекрывают фронт в 100 м. Двумя минами сразу закрываем почти всю группу! Но выбирайте позиции в укрытиях, иначе можно получить осколок от своей мины.

Самые опасные — это фугасные мины и их бандитские импровизации. Перед выходом рекомендую изучить кар-

ты наших минных полей из мин ПФМ-1. Иногда бандиты их собирают и разбрасывают у баз и на тропах. При отсутствии мин и мне доводилось их собирать и подбрасывать бандитам. Эта мина хорошо обнаруживается миноискателями ИМП-2, ИМП-2С «Кондор». Но сейчас бандиты применяют нажимники типа «кнопка» или делают устройство из шприцев или из двух пенопластовых пластин, в которые вплетена тоненькая медная проволока, и все существующие виды миноискателей их не берут. Вот это действительно проблема! Подрыв на такой мине — и группа занимается эвакуацией раненого, а не выполнением боевой задачи.

ЧТО НУЖНО В ГОРАХ

У меня по штату в каждой группе три СВД было, а в отряде 9. Пришлось все их убирать и получать три СВД-НЗ. Бои в горно-лесистой местности идут в основном на расстоянии от 20 до 400 м, дальше уже идет просто обстрел. Конечно, хорошо бы иметь профессиональных снайперов, при обстреле уверенно поражающих головные фигуры на 400 м и дальше в горах. Видел юмористическую картину, когда крутые стрелки после зимнего марша по горам, имея винтовку SR100 Ерма, компьютер, лазерный дальномер, решили сразить бандитов на дальности около 800 м. Компьютер крутых снайперов очень долго считывал данные, и кончилось тем, что я дал команду установить «Утес», но враг уже успел скрыться.

Лучше винтовки, чем СВД, в маневренном бою в горах нет. Когда свистят пули и нужно постоянно двигаться в пыли и грязи, а еще и в сумерках, а снайпер помнит таблицу превышений до 500 м и правила стрельбы в горах, хорошо определяет дальности и ведет огонь, не меняя прицела, никакая AW 308 не нужна!

Получив «Утес» с ночником, я понял, как он необходим в горах. Разбирается на три части. Общая масса — 25 кг, ствол — 9 кг, станок — 11 кг, оптика. Все отлично переносится. Не берите с собой короб для лент, просто ленты. От «Утеса» за камнями и толстыми деревьями не спрячешься, сметет все. В лентах вперемешку БЗТ44 и МДЗ — вспышку МДЗ видно далеко. У меня расчет всегда шел в хвосте ядра, и он успевал развернуться. На дальностях до 2000 м на склонах Веденского ущелья и Ингушетии лучше оружия нет.

Необходимо иметь **ПТУР**. У меня из-под носа два раза «зверьки» из-за этого уходили. Дальность 2—3 км, артиллерию пока допросишься, уйму времени потеряешь. А был бы ПТУР — нет проблем. После этого начал у начальства выбивать ПТУР. «Метиса» я не допросился, дали две ракеты «Конкурс» и две «Фагот», пусковое устройство 9П135М, благо оно универсально для обеих. Масса пускового устройства чуть более 10 кг, переносится нормально. А вот «Фагот» — две ракеты 20 кг, тяжеловато. «Конкурс» — одна ракета 15 кг. Дальность у «Фагота» 75—2500 м, у «Конкурса» 75—4000 м.

Когда выходил весь отряд для совместных действий с ВВ, ФСБ брал на усиление 82-мм миномет с расчетом и АГС. Зимой в горах, когда видно далеко, миномет очень сильная вещь.

О ПРИЦЕЛАХ

Пора переходить на полное оснащение разведывательных подразделений **ночными прицелами**. Этим достигается в ночном бою почти подавляющее превосходство. Наши прицелы 1ПН34, 1ПН58, 1ПН51, 1ПН93 (вся серия) в горах в «зеленке» слабоваты, зато осенью, зимой, в

населенных пунктах хороши. В 2002 г. в населенном пункте Старая Сунжа группа проводила адресные мероприятия совместно со спецназом ФСБ, у которого вообще не оказалось ночников. Бандиты попытались нас окружить. В результате короткого боя — 7:0 в нашу пользу. Бойцы их просто расстреливали, как в компьютерной игре. В группе было ПКМН, СВД-Н, «Вал» с 1ПН93, РПГ7ДН2, АКМН с ПБС, остальные АК-74Н2.

Получить прицелы в части, где командир заинтересован в сильной разведке, нетрудно. Жаль, пока в армию не идут прицелы с ЭОП 3-го поколения. С ними уже можно не бояться густой «зеленки», света фар, освещенных окон. Да и «видит» он подальше. А ведь на Западе про 2-е поколение ЭОП уже забыли. Случись нам с ними столкнуться в ночном бою и — крышка! Мой друг — охотник — достал себе армейский американский тепловизор. Я в него посмотрел и понял, что нас будут расстреливать, как «свиней в клетке». Неизвестно, что будет в Абхазии, а ведь у грузин на оружии уже ночники с ЭОП 3-го поколения. И с воздуха их прикроют «апачи» с «хеллфайерами» и тепловизионными прицелами (американцы уже любезно 2-е машины предоставили). Судьбу абхазов в ночном бою прогнозировать несложно, следует только посмотреть американские ночные съемки в Ираке.

О ВАЖНЫХ МЕЛОЧАХ

О воде в горах. Весной-осенью на Кавказе действительно много воды, но не всякую воду попьешь, да и не стоит забывать, где ты находишься и чем могут закончиться эти поиски.

Насчет **дичи** вообще анекдот. Бывало, и на мою груп-

пу выходили волки, кабаны, медведи, козлы. Но неужели вы будете демаскировать группу, даже используя ПБС? А если не убьете, а раните? У меня однажды козел ночью наступил на замаскированного бойца, так все ущелье встало на дыбы от орущего козла. В лесу главный закон — ТИШИНА. А главный принцип — СМОТРИ И СЛУШАЙ! Вообще, лес тишину любит!

Теперь по подбору **снаряжения, ботинок, термобелья**. Я так скажу, кто серьезно собрался воевать — на термобелье и ботинках экономить не будет. Ведь это твоё здоровье, от этого будет зависеть самочувствие при выполнении задачи. Будешь ты лежать и дрожать или грамотно вести наблюдение. У нас в отряде существовала касса взаимопомощи, благодаря чему мы решали вопросы по экипировке. Именно поэтому мы смогли приобрести радиостанции «Моторола», коллиматорные прицелы и многое другое.

Все, братья-разведчики, будет зависеть от вас и вашего отношения к своей работе. Если вы пришли честно служить, грамотно воевать, то вы на себе экономить не будете. Обычно в толковых разведротках такие ребята и собираются.

СЕКРЕТЫ УСПЕХА

Самое главное — постоянно тренироваться. Проводить учения со стрельбой, ежедневно натаскивать людей. Особенно тактика. Все должно быть отработано до мелочей. И конечно, огневая подготовка. Не следует забывать об организации взаимодействия среди своих подразделений и с соседями. Разведка должна быть активной, непрерывной, своевременной, достоверной, действия разведчиков должны быть внезапными для противника. Если придерживаться всех этих условий, успех неминуем. Приведу пример.

В населенном пункте Эрсеной ночью в домах местных жителей постоянно находились бандиты. После получения этой оперативной информации отряд военной разведки и группы спецназа ФСБ на двух БТРах, бронированном «Урале» выдвинулся на один из блокпостов в районе Веденского ущелья. Подойти к селу незамеченными было очень сложно. Стояла зима, и местность хорошо просматривалась. В 500 м от села находилась база боевиков. К селу вела одна дорога, вокруг был лес, а ущелье прикрывало село Тазен-Кала, где войска всегда несли крупные потери. В населенных пунктах по маршруту движения было много бандитских осведомителей, а на дорогах находились наблюдатели с радиостанциями. Изучив оперативную обстановку, способы и тактику действия боевиков в этом районе, пришли к выводу, что наблюдение за дорогами ведется только днем, а ночью — лишь при входе в село. При организации действий исходили из того, что зимой не каждый наблюдатель добросовестно будет наблюдать за дорогой, тем более ночью, когда отсутствуют ночные средства наблюдения. Совершив пеший ночной марш по дороге в сторону Агишбатоя, отряд, не доходя до поворота на Эрсеной, свернул в лес и обошел возможные места НП «чехов». На случай боя у нас имелись «Утес», миномет, АГС, и по команде нам на помощь с блокпоста была готова выдвинуться бронегруппа. Зайдя со стороны леса, отряд спокойно вошел в село. Противник даже не мог представить, что мы уже здесь. Собачий лай не привлёк его внимание, так как боевики сами круглые сутки ходили по селу, вызывая недовольство собак. В отличие от чеченских домов на равнине в горных населенных пунктах дома не имеют высоких заборов и двери здесь не закрываются. Бандиты даже не проснулись, и их теплень-

кими брали прямо в постелях. Закончив, мы вызвали бронегруппу, но не к селу, а к месту, где отряд свернул в лес. Здесь мы погрузились на БТР и убрались восвояси. Бандиты отреагировали поздно. С нами в бронегруппе был «УАЗ» со спецоборудованием, и мы хорошо слышали, как они послали 25 человек на перехват. Приятно слушать врага и опережать его в действиях!

Самое интересное, что через месяц мы повторили вылазку по той же схеме, в этом же селе, и имели успех. Пишу в память о своих погибших разведчиках: К. Чурсине, А. Слободянике, С. Сарангове. ВЕЧНАЯ ИМ ПАМЯТЬ!

В. ГЕРАНИН

АРГУНСКОЕ УЩЕЛЬЕ: СЛЕД «СИГМЫ»

Успех уникальной операции декабря 1999 года, направленной на лишение басаевцев и хаттабовцев «дороги жизни» на чеченском участке российско-грузинской границы, во многом был обеспечен действиями суперсекретного спецназа Федеральной пограничной службы.

О спецподразделениях всех без исключения силовых структур и немало числе проведенных ими операций известно достаточно много. О спецназе ФПС известно только то, что он существует и называется «Сигма». Однако любые попытки журналистов узнать хоть мало-мальские подробности, показать хотя бы одного супербойца-пограничника, пусть даже и в черной маске, до сих пор не увенчались успехом. Тем не менее нам удалось немного заглянуть за те семь печатей, за которыми сокрыта «тайна сия».

ПЕЧАТЬ ПЕРВАЯ

«Чтоб никто не догадался»

Впервые упоминание о «Сигме» появилось в начале 1996 года. Первый директор ФПС (а ныне депутат Госдумы и председатель ее комитета по обороне) генерал армии Андрей Николаев на одной из своих многочисленных встреч с представителями СМИ объявил о создании в недрах своего ведомства особого подразделения.

Почему именно «Сигма»? Николаев обнаружил в ответе на этот вопрос изрядное чувство юмора:

— Я думаю, потому, что «Альфа» уже есть... Вообще над названием мы голову долго не ломали. Почему, например, «Операция «Ы»? — знаете же этот известный фильм. А ответ помните? — «Чтоб никто не догадался».

И действительно, экс-директор пограничников ни словом не обмолвился ни о специфике деятельности «Сигмы», ни о хотя бы «обтекаемом» месте ее базирования, ни о принципах отбора, ни о численности этой элитной группы разведки «зеленых фуражек», ни — само собой — о том, на какие участки охраны государственной границы будут выезжать для проведения спецопераций камуфлированные пограничные парни.

Между тем все это — вопросы весьма актуальные для нашего времени. Какие такие «особые условия» могут возникать у пограничников, что для соответствующего реагирования на них необходимы бойцы с уникальной, отличной от других известных нам спецподразделений подготовкой?

Попробуем разобраться.

ПЕЧАТЬ ВТОРАЯ

Наследники «андроповцев»

Почему именно в 1996 году (а, скажем, не годом раньше или годом позже) создается «Сигма»?

Ответ очевиден — Чечня. Именно тогда, когда шапкозакидательская операция тогдашнего министра обороны Павла Грачева по захвату мятежной республики «двумя десантными полками» успешно провалилась, и чеченские головорезы начали свободно курсировать в периметре войны через административные границы своей взбаламученной Ичкерии, организуя снабжение себя оружием, припасами и пополнением, Ельцин вызвал Николаева в Кремль и потребовал в кратчайшие сроки перекрыть, как он, должно быть, выразился, «все лазейки, понимаешь».

Ельцин проговорился об этом позже сам на памятном разносе, который он устроил директору ФПС на совещании силовиков по поводу прорыва банды Радиева в дагестанские города и захвата там заложников. «Пограничники проспали, понимаешь! — негодовал тогда президент. — Я же вам, Николаев, ставил задачу...» За шумихой вокруг того, что генерал Николаев после этой телевыволочки, транслировавшейся на всю страну, якобы подал в отставку, никто не задался вопросом: а при чем здесь, собственно, пограничники?

А между тем они-то к тому времени уже были очень даже при чем. На административной границе Чечни на ряде направлений уже стояли хорошо оборудованные заставы «зеленых фуражек», снятых с других участков госграницы. Пограничники, как никто другой, имеют богатый

опыт адаптации к любым экстремальным условиям в кратчайшие сроки с одновременным налаживанием службы.

Тем не менее все это была лишь своеобразная имитация участия. Николаев отлично понимал, что охрана его людьми «внутренней» границы России — это чушь большой мути как с юридической, так и с практической точек зрения. И готовились-то пограничники к другому, видя свою задачу в том, чтобы надежно перекрыть не административную чеченскую, а государственную границу России в месте соприкосновения ее с территорией Грузии со стороны Чечни. То самое Аргунское ущелье — основную «лазейку», через которую Джохар Дудаев намеревался снабжать свои банды в том случае, если федеральные силы лишат-таки его всех остальных возможностей. Так что вон еще когда пограничники начали подготовку к занятию этой «дороги жизни» чеченских боевиков!

После соответствующей рекогносцировки и оценки ситуации в том районе был, однако, сделан вывод, что «простым» пограничным подразделениям решение этой задачи не под силу. Тогда-то под Воронежем и Москвой в оперативном порядке и приступили к подготовке разысканные по стране и зачисленные на контрактную службу военнослужащие запаса пограничных войск бывшего СССР, участвовавшие в свое время в афганской войне.

Это были не простые «афганцы». Это — единственные в своем роде спецы, в той или иной степени владеющие тактикой и методами контрпартизанской войны. Когда в 80-е годы по Союзу загуляли вдруг рассказы об «андроповцах» в Афганистане, якобы чуть ли не в одиночку уничтожающих целые группы, а то и крупные банды «духов», — это не столько об «альфовцах», сколько о «спецпогранцах». Один из главных разработчиков операции «Аргун-96», начальник оперативного управления Феде-

ральной пограничной службы генерал-лейтенант Владимир Макаров сразу сделал ставку именно на таких профи. Сам «афганец», Владимир Николаевич, может быть, лучше других понимал, что эти ребята представляют собой уникальную силу в борьбе с различного рода «повстанцами» — от басмачей и достопамятных бандеровцев до пресловутых Хаттаба и Басаева.

А пока в базовых лагерях собирались и приступали к обучению отобранные кадры, пограничная разведка с помощью Министерства обороны провела подробную аэрофотосъемку данной местности, попутно выявляла альпинистов и скалолазов-любителей, кто хотя бы несколько раз бывал в этих горах. В дни разработки операции столы самого Макарова, а также начальника Департамента разведки ФПС были буквально завалены фотографиями (в том числе и любительскими), сделанными в аргунских окрестностях, а также картами и схемами, которые хранились еще в союзном Комитете по туризму и альпинизму.

Таким образом, захват участка был подготовлен. Секретность была соблюдена самая что ни на есть высочайшая, элемент внезапности, от которого в решающей степени все зависело, не вызывал сомнений, и пограничники ждали только сигнала к десантированию. Но провалившаяся операция федеральных сил, а потом и Хасавюртовские соглашения, торжественно положившие «конец» войне, сделали проведение этой операции бессмысленным... С другой же стороны, может быть, именно эта «отсрочка» позволила подготовиться «зеленым фуражкам» к этому делу еще лучше.

На первый взгляд в такой ситуации «Сигма» оказалась как бы не у дел. Но в то же время ее командиры не просиживали сложа руки.

ПЕЧАТЬ ТРЕТЬЯ

Воронежская база: шлифовка бойцов экстра-класса

Базовый лагерь под Воронежем официально именуется Центром подготовки личного состава Западного регионального управления (ЗРУ) ФПС. Но по характеру тренировок, в которых здесь натаскивают бойцов, можно сделать однозначный вывод, для какой категории личного состава была создана эта часть.

Командиром Центра был назначен полковник Сергей Сысоев. Он, если угодно, прирожденный спецназовец. Семей до поры до времени не обзаводился — именно потому, что не вылезал из «горячих точек», где мог погибнуть. А в сентябре он вернулся с Черного моря с молодой женой Леной и пятилетним сыном Димкой. Помимо этого известно о нем следующее. Срок выслуги полковника едва ли не равен его возрасту, хотя и «одних календарных лет» набегало уже под 30. Афган он проходил в середине 80-х, а готовиться к своим «андроповским» рейдам начал года за два до этого.

К подчиненным полковник беспощаден — в том смысле, что тренирует их не до седьмого и даже, скажем, не до четырнадцатого пота, а — до сточетырнадцатого! Тут немудрено услышать и проклятия бойцов, согласившихся на такую службу. После очередного такого «всплеска» Сысоев, прервав на короткое время занятие, рассказал следующее:

— Семнадцать лет назад в Термезе, когда я был еще капитаном, меня и таких же, как вы, бойцов-десантников один майор таким же вот образом «истязал» в течение нескольких часов. Вам несравненно легче. Сколько сейчас градусов тепла? 25? Ну, пусть 30. А мы тренировались при всех сорока пяти. 45 было в тени! Мы прыгали с табу-

реток, майор сказал, что это для нас «Ми-восьмые». Прыгали в пыль, на камень, шустро отшныривали в сторону и окапывались, долбили этот бетон лопатками. Вам несравненно легче: под вами — глина, пусть спрессованная, вязкая, но глина... Тот майор, заканчивая наконец тренировку, говорил нам: «Все. Все живы? Все довольны? Вижу, что довольны. Ладно, сейчас «спасибо» не надо, после скажете...»

— Ну и что, сказали? — попробовал его как-то кто-то «подколоть».

— Нет, не сказал, — сразу парировал полковник. — Не доучил нас тот майор. Потеряла моя группа пять человек убитыми...

Хитрый жук. Не уточнил, что пятерых его десантно-штурмовая группа потеряла за три года непрерывных боев с «духами»...

Из-за скромности не уточнял руководитель вновь созданного Центра и некоторых других фактов своей лихой биографии. Действовать его группе приходилось не против простых моджахедов, мобилизованных в афганских селениях, а против лучших спецов, прошедших подготовку в элитных лагерях на территории Пакистана. Они не только отменно владели навыками террора, но и были обучены действовать в самых непредсказуемых обстоятельствах боевой обстановки в горах. Но почему-то всегда проигрывали группе Сысоева, которую узнавали уже по «почерку». Тогда же они принимали активные меры к ликвидации командира этой группы — вплоть до того, что разбрасывали листовки, в которых голова удачливого «андроповца» оценивалась и в 10, и в 20, и даже в 50 тысяч долларов, — вот как он им досаждал.

О самих бойцах Центра рассказать можно следующее. Средний возраст их — 28 лет. Но есть и те, кому под 40, и даже двое 44-летних. Все бывшие пограничники, десант-

ники, спецназовцы. До заключения с ФПС контрактов работали кто где, но в основном перебивались случайными заработками, а у каждого семья, дети. Цену жизни знают очень хорошо. Три четверти из них прошли в свое время Афганистан, другие — таджикско-афганскую границу, Косово. Но есть и весьма любопытные «экземпляры». Например, братьям Кириллу и Александру Чумаковым по 23 года. Кирилл окончил четыре курса медицинской академии и... взял академотпуск, чтобы попасть в Чечню. Попал. Сегодня на его груди медаль «За спасение погибавших»: однажды, действуя совместно с группой спецназа ГРУ, он вынес с поля боя тяжело раненного лейтенанта, сам оказал ему помощь, иначе бы офицер умер...

— ...Сергей Анатольевич, — как бы невзначай было спрошено у Сысоева, — а «Сигма» у вас тоже тренируется?

— Что еще за «Сигма»? — отвечал он вопросом на вопрос, но не поспешно, а как бы запоматовав. — Не слышал о такой...

Но то, что бойцы «Сигмы» здесь не просто бывают, что они — завсегдатаи Центра, вряд ли может вызывать сомнения. Это их непосредственный лагерь перед «последним броском» на юг.

ПЕЧАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Игры на натуре и дела в натуре

Как известно, одна из важнейших составляющих тактики антипартизанской войны — это ликвидация баз, «питающих» боевиков. И на первых этапах подготовки к Аргунской операции люди Сысоева оборудовали и маскировали такие «базы». А бойцы «Сигмы» должны были их найти. Но оценка «отлично» ставилась лишь в том случае,

когда экзаменуемая группа находила и обезвреживала все ловушки, расставляемые вокруг учебного схрона.

Впрочем, речь надо вести не о каких-то конкретных «предметах» или «тренажерах», а о тех уникальных тренировках, которые проводит «Сигма». К примеру, исходя из имеющихся последних данных о партизанских методах боевиков готовится небольшая группа людей и рассредоточивается, что называется, в определенном месте в определенный час. «Сигмовцы» этих людей не знают. По условиям задания, у них имеются только «оперативные установки» на их счет. И их задача — в том самом определенном месте выявить этих «учебных боевиков», растворившихся опять-таки в определенном конкретном пространстве.

Пограничный спецназ учится также действовать против засад. Засада — это едва ли не основной способ партизанской войны. Страшная штука. Главная цель тут, как известно, — нанести максимальный урон противнику, а самому уйти безнаказанным. Случаи с гибелью колонн омоновцев в Чечне известны всем. Но, как оказывается, есть и эффективные хитрые способы противодействия засадам. Равно как способы выхода из них уже в ходе завязавшейся схватки.

Например, сапер капитан Олег Ефремов в ходе операции «Аргун» вел группу саперов к селу Ведучи на инженерную разведку с поиском минных полей. К слову сказать, Олег служил в 1994 году на 12-й заставе в Таджикистане, был там тяжело ранен в известной переделке, когда застава была практически полностью разгромлена афганскими боевиками, получил орден Мужества. Так вот, группа Ефремова попала в засаду. Но итоги нападения оказались не в пользу экстремистов: засада была сбита, три бандита захвачены в плен.

А вот как, по сути, один человек, а именно наводчик

автоматического гранатомета Андрей Суязов, сорвал замысел бандитов, намеревавшихся ликвидировать наш пост на одной из господствующих высот. Ночью боевики подошли довольно близко, вели разведку, а в отдалении жгли какие-то огоньки. Другие бы открыли по этим приметам огонь и тем самым обнаружили себя. Наши же не поддавались на провокации. К утру бандиты исчезли. Суязов засек место, где они обозначали свое присутствие, и пошел в разведку проверить, что там да как. Догадка не подвела его — на месте он обнаружил затушенные факелы из бараньего жира. Ага, значит, опять придут, опять будут себя «демаскировать»... Однако где же они сами могут прятаться? Наметанный взгляд разведчика определил и эти места. И когда во вторую ночь факелы вновь запылали вдалеке, Андрей немедленно накрыл из своего мощного оружия — но не дезориентирующие огни, а истинную цель числом до полутора десятков «воинов ислама». Больше те в это место в горах не совались.

ПЕЧАТЬ ПЯТАЯ

Реальный рейд, или Как был взят один из полевых командиров

Удивительное дело: о «Сигме» мало что кому известно, но о ней уже слагают легенды. Те же журналисты называют ее бойцов то «ночными тенями», то «призраками гор», то — со ссылкой на чеченские источники — «бешеными». Все эти эпитеты довольно точно характеризуют действия «сигмовцев» в Чечне. Вот что рассказывает один из наших источников, которому, несмотря на массу ограничений, удалось сходить в рейд с одной из групп суперзасекреченных «зеленых фуражек»:

— Разрешение на мое участие в рейде было получено только после того, как было выяснено, что я служил в армии и могу в случае чего оказать медицинскую помощь себе и раненому солдату.

Условия же были таковы: ни с кем из состава группы в разговоры не вступать, общаться только с командиром, не задавая ему при этом никаких вопросов. О пользовании фотоаппаратом, диктофоном или ведении каких-то записей в ходе рейда я уж не говорю. О деталях операции и экипировке военнослужащих какую-либо информацию давать категорически запрещалось. Кроме того, ко мне в качестве охранника был приставлен парень — косая сажень в плечах, команды которого я обязан был выполнять беспрекословно.

Самого же меня экипировали в бронежилет, дали четыре фляги для воды, обеззараживающие таблетки, сухой паек и спальный мешок. Фельдшер вручил еще индивидуальный перевязочный пакет.

В район операции летели на двух Ми-8. Выше нас, насколько я понял из разговоров спецназовцев, шла еще пара Ми-24, или «горбатых», как их там называют. Кстати, одновременно поднялась еще одна четверка вертолетов. Пустых. Конечно, возможно, они вылетели на какое-то свое задание, но можно предположить, что эта «эскадрилья» винтокрылых имела задачей имитировать высадку десанта, дабы отвлечь внимание от нашей группы.

Летели очень низко. Я все боялся, что в какой-то момент летчик не сможет отвести машину от очередной надвигающейся горы. В районе высадки площадки для посадки не оказалось, и вертолеты зависли в нескольких метрах над землей. Прыгать было страшно, но пришлось, глядя на то, как десантники один за другим в полном снаряжении без раздумий покидают борт. Наша «выброска» проходи-

ла уже под прикрытием снайперов, которые десантировались чуть раньше и сразу же взяли в кольцо всю площадку.

Первыми движение начали разведдозоры — авангардный и два боковых. Потом двинулись мы — основная группа. Ступали след в след. Уже минут через 20 дышалка моя начала сдавать, пот катил ручьями — давало себя знать высокогорье. Начинала мучить жажда, и я понял, зачем меня обвешали столькими флягами.

Часа через два движения дозором была обнаружена на тропе осколочная граната на растяжке. Ее обезвредили бесшумно. Граната — явный знак того, что могут быть и еще «подлянки». И точно. Метров через триста заметили вход в пещеру. Окрестность вокруг нее немедленно обследовали саперы. Из-под большого камня, прикрывающего лаз, извлекли гранату Ф-1 без чеки. Если бы камень отодвигали, не проверив его на наличие сюрпризов, гибель была бы неизбежна.

С моей точки зрения, в этой пещере не было ничего интересного — проржавевшие консервные банки, гильзы, использованные бинты, рваный камуфляж... Однако спецназовцами все это было осмотрено и ощупано очень внимательно. Должно быть, найденные предметы им давали какую-то дополнительную ценную информацию. А разместиться в пещере могли не менее 50 человек.

На другое логово мы вышли через три часа еще до наступления темноты. Тут уж и я заметил, что незадолго до нашего появления здесь были люди. Чрево же пещеры представляло собой настоящий арсенал — штабеля цинков с патронами к ручному пулемету, десяток «Мух», гранаты к РПГ-7 и мины к 82-мм миномету и — что больше всего меня поразило — большое количество реактивных снарядов к «Граду». Для освещения убежища применялся довольно-таки мощный дизель-генератор иностранного

производства. Плюс ко всему в глубине пещеры в горную породу были вбиты несколько колец — явный признак того, что здесь содержались заложники.

Судя по тому, как четко группа вышла к этому арсеналу, она, по всей видимости, реализовывала информацию агентурного источника. А может, эту «наводку» дал кто-то из местных жителей или боевик, решивший порвать с бандой.

Командир группы принял решение организовать засаду. Несколько бойцов притаились в пещере, а остальные перекрыли все возможные и невозможные пути подхода. Саперы оперативно расставили мины замедленного действия и растяжки.

Тем временем сумерки как-то быстро сгустились и наступила ночь. В горах это происходит очень быстро. Начал одолевать и холод. Время тянулось медленно, и было такое ощущение, что кто-то рассматривает тебя в прицел и вот-вот нажмет на спусковой крючок... Я подумал о том, что психологическая подготовка пограничных десантников должна быть очень высокой!

На связь с базой группа не выходила, видимо, опасаясь перехвата боевиков.

Обстановка изменилась только к середине ночи. На дальних подступах к пещере были захвачены двое. Сопротивления они не оказали. Допрашивал их командир группы лично. Выяснилось, что оба они — из российской глубинки, в Чечне давно и работают за кусок хлеба на человека, купившего их в Грозном на базаре. Как конкретно «работают»? Охраняют эту пещеру. Почему не сбегут? Боятся: хозяин сказал, что достанет их и из-под земли и отрежет головы. Кто этот человек? Полевой командир. Их выслали проверить, все ли в порядке вокруг «схрона», и дать условный сигнал. Когда пожалует сюда сам? Уже должен: раз в десять дней боевики возвращаются в убежище отдохнуть,

пополнить запасы боеприпасов. Сколько человек в отряде? Порядка сорока. Допрос, надо сказать, велся очень умело, по несколько раз командир группы спрашивал плененных об одном и том же, но другими словами, видимо, сопоставляя в уме сказанное ими ранее, а также уже имеющуюся у него информацию. Наконец, убедившись, что задержанные не врут, он принял решение подождать «хозяев» арсенала.

Расчет оказался верным. На рассвете появился «авангард» банды, который был беспрепятственно пропущен. Увидев в пещере рабов, бандиты сообщили по рации главарю, что «все тихо»... Огонь по подошедшим основным силам был открыт с коротких дистанций. Никаких шансов у «верных воинов ислама» не было. Бой длился всего 20 секунд, может, полминуты.

И только после этого радист вышел в эфир и запросил вертолеты для срочной эвакуации группы. Пока их поджигали, уничтожили склад. «Мухи» и дизель-генератор вынесли — пригодятся самим.

Охота на этого полевого командира шла давно. Он был тем еще садистом — во время первой чеченской войны лично казнил десятки российских солдат и кровь «неверных» снимал на видео. Кстати, на пленках с этими записями палач и бизнес делал. Кассеты свободно продавались в той же Чечне, а также в Дагестане, Ингушетии, в Москве на знаменитой «Горбушке»...

ПЕЧАТЬ ШЕСТАЯ

«Здравствуй, мама, возвратились мы...» Все!

К операции «Аргун» было подготовлено 200 человек пограничного спецназа. 200 воевали в Чечне до середины лета. Все 200 вернулись в Воронежскую базу и разъехались по отпускам.

В декабре 1999-го, прощаясь с бойцами накануне начала операции, полковник Сысоев им сказал:

— Мужики, вы здесь многому подучились и научились, но, как известно, всего предусмотреть невозможно. Мелочей же в разведке не бывает. Поэтому прошу и приказываю: будете там — каждую такую мелочь подмечайте, фиксируйте, будет возможность — и записывайте. Вернетесь — все свои замечания изложите письменно. Подробно!... А мы потом над ними помыслим... Не для отчета они будут — для совершенствования нашей работы, а значит — для сохранения жизней.

Вскоре начальник штаба Центра подготовки личного состава ЗРУ майор Геннадий Макаров представил такой анализ командиру. С 1 октября в «Центре полковника Сысоева» занятия возобновились. Неясно пока, в какой степени и каким числом сысоевцы будут вновь востребованы в Чечне, но занятия проходят так, как будто идет подготовка к новому «Аргуну»...

ПЕЧАТЬ СЕДЬМАЯ

Самая секретная

Признаться, хотелось бы рассказать больше, чем сказано. Очень уж подмывало обнародовать по возможности всю информацию. Познакомились ведь мы и с самими сигмовцами, узнали кое-что об их московской базе, о том, чем они там занимаются. Например, существует такое довольно конкретное понятие, как «вскрытие обстановки». Так вот, бойцы «Сигмы» занимаются отчасти и этим. А более подробно... извините, как-нибудь в другой раз.

На юге России продолжается война... Пограничный спецназ работает сейчас над ошибками — и над теми, которые были, и возможность которых исключать нельзя. И было

бы большой ошибкой рассказать все об этих людях, об их деле. Это было бы равносильно предательству наших парней.

Но придет время — расскажем.

Павел БРУНТАЛЬСКИЙ

ПРО «ЗАЧИСТКИ» БЕЗ ПРИПИСКИ

Наша первая встреча с ним была похожа на боестолкновение в Чечне. Неожиданное, стремительное и требующее полной выкладки всех своих сил общение.

...Передо мной лежит часть его дневниковых записей. Еще один дневник, еще одного человека, прошедшего дорогами войны. Без знаков различия, без фамилий и имен — его взгляд на события. Для таких, как он, эти страницы написаны черными сгустками крови. На грани жизни и смерти все события принимают черно-белое изображение. Каждый решает сам, где негатив, где позитив...

Из дневника

*Если путь прорубая отцовским мечом,
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал, что почем —
Значит, нужные книги ты в детстве читал!*

В. Высоцкий

31.12.01

Решил попытаться вести дневник. Спустя некоторое время все события сливаются в единое целое и уже трудно вспомнить детали.

24-го выехали на спецоперацию. Окружили Чечен-

Аул, но никого не выловили. По радиоперехвату стало понятно, что о нашем приходе заранее было известно, и все бандиты ушли.

Следующий день тоже результатов не дал. Одному солдату оторвало руку по локоть при зачистке села. Когда открыл дверь — мина взорвалась.

26-го снимаемся и идем на Старые и Новые Атаги. Это осиное гнездо. Блокируем их. Начинаем работать. В первый день под Ст. Атагами командир разведроты при проверке места подрывается на «растяжке», сильно ранен.

По радиоперехвату узнаем, что в Чечен-Ауле после нашего ухода все, кто был «на природе», возвращаются. Ночью высылаем туда спецназ.

И вот первая удача, нами убит эмир Чечен-Аула. Фигура довольно крупная и зловещая. Когда его брали, он выпустил целую очередь в офицера, который первым открыл дверь, бронежилет спас. После такого «приветствия» из дома убрали женщин и детей, а дом расстреляли. Убиты эмир Набиев и телохранитель. Труп Набиева привезли в Ст. Атаги, и он долго валялся возле «филтра», где сидели задержанные.

В Ст. Атагах был большой улов. Более 2 десятков гранатометов, пулеметы, бандиты в больших количествах (кстати, почти всех отпустили, остались 5, по которым были возбуждены уголовные дела).

В первый день в Атагах были волнения. На центр площади собралось почти все население. Прикрываясь женщинами, в середине стояли мужчины, танцевали свой зигерт по кругу. Видно было, что этим кто-то руководит. Когда мы согласились устроить проверку документов в школе, а не в поле (как хотели), страсти улеглись. Следующие дни работы принесли большие плоды, как выше сказано, было изъято много оружия.

Вчера, 30-го, все уже собирались на Ханкалу встретить Новый год, но под Октябрьским (Соци-Юрт) завязался бой, который длился с 11 до 17 часов...

Бросаем Ст. Атаги и идем на Соци-Юрт. Результат вчерашнего дня — 21 «чех» убит. наших погибли двое, оба офицеры, ранены — 17. Двоих убитых «чехов» привезли сегодня (которые убиты вчера). Семеро из них лежат возле «фильтра», в одного, видно, попали из гранатомета.

На «фильтре» человек 30. Их все время подвозят. ФСБ потихоньку работает с ними, делают их разговорчивыми.

Печальный случай: ночью в 2.15 при проведении арт-обстрела в соседнем дивизионе ВВ в стволе миномета взорвалась мина. Двое солдат погибли. Одно разорвало в мясо, а второй еще минут 15 пожил.

Сегодня 31-е, конец 2001 г.

Результаты за сегодня: убито — 11 бандитов, среди них был командир Ташухаев и один из спонсоров Хаттаба Абудар Фарид (араб).

2.01.02

Вчера убиты еще два бандита. При осмотре двора нашли подвал. Заходить не стали, бросили туда гранату. После вошли и нашли двоих. У одного из них был автомат.

Завтра, 3-го, собирались домой на Ханкалу, но, видно, не судьба.

У нас на исходе продовольствие, ГСМ. Только боеприпасов достаточно, их вчера подвезли. Надежду на возвращение перечеркнуло руководство ОГВ. Мы еще должны заглянуть в Курчалой и посетить Аргун.

Кроме работы в Соци-Юрте, одна наша группа была отправлена в пос. Новая Жизнь «по адресу».

Когда «Витязь» вошел в дом, хозяйка выбежала во двор и повесила белое полотенце на забор.

Разведчики заметили, что из соседнего двора вышел старик и пошел в сторону сараев...

Наши решили прочесать эти сараи. Видно, у «чехов» не выдержали нервы. При подходе группы к одному из сараев из него были выброшены две гранаты. Завязался бой...

Расстреляли этот сарай (в том числе и из гранатометов). Четверых убитых привезли. Двоих после обстрела сарая не смогли собрать, остались только фрагменты тел.

«Доброго дедушку-горца» тоже ранили и привезли на «фильтр». Он оказался бывшим работником «Ичкерийской службы безопасности».

Всех убитых, которых привезли, опознали. Один из них оказался эмиром этого поселка, а также сыном этого «дедушки».

На фильтре «дедушка» долго просил, чтобы его доби- ли, но его отпустили. Демократия!

Кроме шестерых убитых в сарае, взяли хозяина дома. Он оказался участником нападения на Дагестан.

Вообще среди убитых ранее много участников буден- новских событий.

Вечером выяснилось, что десантники уничтожили еще троих, когда те пытались установить мины.

Такое впечатление, будто мы — бригада по отстрелу бешеных собак. Нет ни страха, ни жалости, когда рассмат- риваешь трупы убитых.

Все в чистом белье (моджахед готовился к смерти). Все откормленные, ухоженные по сравнению с нашими солдатами, грязными, затюканными.

Этот эмир — жирная, холеная свинья, валяется у «фильт- ра». Под задранной рубахой в левом боку три дырки от

пуль. Отгулялся, не скакать больше ему по кругу в своем зигерте.

Завтра утром снимаемся и уходим на блокировку г. Аргун (если сегодняшняя ночь не внесет свои коррективы). Две группы спецназа ушли в Курчалой «по адресам».

6.01 19.00

Среди всего прочего вопиющий случай: в детской больнице бандиты под видом федералов подложили взрывное устройство. Оно было выполнено в виде женского кошелька. Повезло, что вовремя заметили и вызвали военных.

В общем-то, население относится к нам не так уж плохо, как об этом бытует мнение. Многие дают солдатам продукты, хотя есть и другая сторона.

Сегодня, например, нам доложили, что трое солдат зашли в дом и насилюют женщину. Целая толпа чеченок прибежала и кричала об этом. Когда туда приехал офицер с

главой администрации, то оказалось, что никто никого не насиловал.

Трое солдат купили лаваш. Зашли по приглашению в этот дом. Выпили по кружке горячего чая, которым их угостила хозяйка, и ушли. Глава администрации смачно выругался в адрес этих баб и уехал. Одна из них даже извинилась за клевету. В общем, народ здесь довольно своеобразный.

В 9.20 в боестолкновении на промзоне нами убит эмир аргунского джамаата Хатаев. Он занимался финансированием аргунских бандформирований, правая рука Бараева.

За сегодня задержаны 58 человек, после проверки на «фильтре» остались 13 (которые числились в бандитах). Остальных отпустили. В общем, дела идут своим чередом.

Сегодня великий праздник.

Рождество Господа Нашего. Господи Иисусе Христе, помилуй нас грешных! Аминь!

7.01

Вот тебе и Аргун!

Вчера собирались остаться здесь еще на одни сутки, но сегодня с утра была дана команда сворачиваться для ухода на Ханкалу. У всех праздничное настроение, но...

Где-то около 10 часов за рекой в городе началась перестрелка. Все происходило недалеко от реки, и некоторые пули посвистывали над нашими головами. Все попрятались за броню.

Случилось то, на что надеялись, но не ожидали: пока мы здесь стояли, ходила информация о том, что в Аргуне есть где-то бункер, сделанный на черный день, и так как Аргун мы блокировали неожиданно, то многие из бандитов не успели уйти из города. Кроме того, в городе оказались три эмира, которые приехали сюда на совещание.

В общем, этот бункер, находящийся под домом, найти было почти невозможно. В его поисках чуть ли не все дачные участки перелопатили — и тщетно. Нашли его по наводке (мир не без добрых людей).

Наши приехали в этот «адрес». Когда вошли, по ним открыли огонь (никто и не думал, что это то, что ищем). Двое погибли, четверо ранены...

Срочно выехали на БМП в район боя. Тем временем наши обработали этот дом из «Шмелей», и он загорелся (вернее, то, что от него осталось).

Вскоре пришел Ми-8. Подвезли раненых. Их погрузили, и командир попросил летчиков, чтобы они пришли еще раз, так как забрали не всех раненых. Сразу после его ухода появились два Ми-24. Они пришли к нам на помощь. Сразу же почти у всех зачесались руки попросить их поработать по окраине города... В это время бандиты были уже окружены нашими войсками. Дать хотя бы один залп с воздуха было невозможно, так как свои войска стояли очень близко (да и надобности в этом не было). Затем, где-то минут через 40, пришел еще один Ми-8 и забрал одного контуженного. Больше пострадавших не было. Командир попросил Ми-24 покружиться над этим районом, а мы поехали к месту происшествия.

Увидев Ми-24 над своими головами, все «чехи», бегавшие до этого по улицам вокруг места боя, резко пропали, что принесло немалую пользу. В конце концов мы прибыли на место происшествия.

Горели руины дома, горел газопровод. Нашли обгоревший ПМ, АКС с подствольником. Внутри горевшего дома нашли почти что обуглившегося «чеха» и вдруг обнаружили этот знаменитый подвал.

...На БТРе привезли убитого «чеха». Его удалось накрыть невдалеке от этого дома. Ему разворотило полголо-

вы, но так, что лицо осталось цело. Одна рука была оторвана и лежала рядом (вещдок для прокуроров, которых собралось здесь великое множество). Оказалось, что это известная личность (опознали сразу) — Магомед Гулуев, полевой командир. Под его началом было около 100 бандитов. Одновременно он был зам. эмира Аргунского джамаата и замом Удугова по идеологии.

Попробовали взорвать дом, чтобы добраться до бункера. Заряд 2,5 кг ничего не дал, только рухнул окончательно дом. Вызвали пожарную машину. Начали тушить пожар, иначе добраться до подвала было невозможно. Наверняка от взрыва все находящиеся в нем бандиты как минимум были контужены.

Пожар потушили. Только после третьего подрыва удалось проникнуть в бункер...

Результаты нашей сегодняшней работы: убито — 9 бандитов.

На «фильтре» на сегодняшний день находятся 27 участников НВФ.

Самое страшное — это прокуратура ЧР. Например, позавчера приехал зам. прокурора Аргуна и освободил трех «чехов», сидевших у нас на «фильтре». Впоследствии выяснилось, что все трое были бандитами и проходили по спискам ФСБ.

Выдающийся случай произошел с «Беланом». Его взяли на одной из предыдущих операций (в доме, где убили «Якуба») ... Так вот, этот «Белан» — матерый бандит, один из соратников высших бандитов — был отдан прокуратуре ЧР и... выпущен под подписку о невыезде.

Так что одни кровь проливают, а другие...

Сегодня при штурме бункера эти слуги Фемиды бегали вслед за нами со своими бумажками. Описывали и снимали камерой каждое наше действие (смешно и грустно —

тут война идет полным ходом, враг сидит в бункере, а на поверхности — составляются протоколы!). Д е м о к р а т и я!!

Был с нами и военный прокурор. У нас он появляется только тогда, когда мы работаем на равнине, в горы носа не кажет. В первый день своего появления он весь вечер рассказывал, как он не боялся один ходить в деревне по дворам при проверке... Взяли его с собой в Ст. Атаги на осмотр русла реки (после того как открыли плотину и спустили воду), место было опасное, и он сказал, что из бронемобиля не выйдет. Все время, пока там трудились, он «мужественно и самоотверженно» следил за событиями сквозь бронированные бойницы.

Завтра — домой, на Ханкалу. Итог операции: убито — 63 бандита, остальные цифры точно не знаю.

Вторая встреча с автором дневниковых записей была также непродолжительной. Его размышления о войне дополнили сухие строчки блокнота. В отличие от дневниковых записей он разрешил опубликовать частичку того, что считается очень личным и редко выносятся на всеобщее обсуждение.

19.01

Вчера прибыли на спецоперацию под Бачи-Юрт. Эта группа работает с 11.01. Операция принесла свои плоды. 17.01 убит полевой командир по кличке Узбек. От него здесь даже сами чеченцы страдали. (Ходили легенды — и стрелял он на звук, и мастер по рукопашному бою, и такой подготовленный, навороченный, а завалил его солдат-срочник. От бедра одной короткой очередью срезал.) Еще уничтожили его сподвижника, русский, весь в наколках (видимо, бывший уголовник). Много «чехов» на «фильтре», однако подробности всего мне пока неизвестны — о т д ы х а ю!

21.01

Вчера в боестолкновении погиб один наш.

Это было в Аллерое. Туда направили группу по «адресу». При возвращении с задания группа, следовавшая на «Урале», была обстреляна из стоявшей на обочине легкового... Пулевое ранение в голову. Мужика срочно доставили в лагерь... Затем, прихватив БМП, вернулись назад для проведения зачистки. Надежды найти этих оборзевших «духов» не было. Каково же было удивление, когда обнаружили машину практически на том же месте...

Расстрелянную «копейку» притащили в Бачи-Юрт. Рядом с ней выложили четверых убитых пассажиров-бандитов и все оружие, которое было изъято в ходе работы в Бачи-Юрте. Выставку готовили для журналистов с Командующим.

Сегодня день начался с того, что отвезли на броне раненого солдата в Ново-Грозненский медпункт.

Два бойца ночью решили сходить в Бачи-Юрт. Видно, эти великовозрастные детишки так и не поняли, где они находятся. Свой блокпост их не пропустил. Они поперлись в обход, где блокпост ВВ принял их за «духов» и открыл огонь... Идиоты есть везде, но здесь они плохо кончают.

Только вернулись из Ново-Грозненского, как доктора вызвали к раненому офицеру. Пришли проверять «адрес», где по ним внезапно открыли огонь. Офицера ранило в плечо. Одного выскочившего из дома бандита убили сразу, второго взорвали вместе с домом, потом застрелили еще одного.

5.02

Так и не получилось написать что-либо в прошлый раз. Писать не хотелось, хотя и было о чем.

Сегодня из Ст. Атагов мы перекочевали под Шали.

О результатах работы писать рано, так что пока постараюсь восстановить события прошедших дней.

В этот заезд в Ст. Атагах ФСБ нашла «в адресе» личное дело Дудаева и еще много серьезных документов, среди которых был план захвата атомной подводной лодки Тихоокеанского флота. Этот случай имел большой резонанс даже на нашем телевидении. Среди сидевших на «фильтре» «душков», кажется, выявили эмира Ст. Атагов.

Количество изъятого оружия и заведенных уголовных дел на пойманных «чехов» перечислять не буду. Точными цифрами я не владею, да и набили оскомину все эти раскладывания изъятого оружия на брезенте и интервью Командующего, прилетающего сняться на фоне стоящих лицом к стене с задранными руками «духов».

2-го работал в ВПШГ.

Мы минут 40 кружили над Атагами, летали низко, ис-

кали во дворах серый «УАЗ» и зеленую «Ниву». Наконец увидели эти машины в двух разных дворах на южной окраине Ст. Атагов.

На берегу реки высадились из вертолета и побежали в село. Вертолет завис над этим двором, и мы ориентировались, куда нам бежать, по нему. Группой ворвались в этот двор. Здесь мы сразу накрыли пятерых «чехов», затем взяли еще двоих. «УАЗ» оказался не тот, который был в розыске. Видно было, что он давно не ездил. Документы были в порядке.

Мы вызвали в этот двор ОМОН. Семерых «душков» отвезли на «фильтр».

Все это время возле ворот двора стоял хорошо организованный вой и плач соседей, в основном женщин. Говорю «хорошо организованный», потому что все это началось как по команде и закончилось сразу же после того, как «душков» увезли. После окончания «плача» народ оставался на месте. Отработав «обязательную программу», женщины начали улыбаться и даже подтрунивать над нами.

Вернулся из Ханкалы вертолет. Завис над двором с зеленой «Нивой», и мы рванули через несколько кварталов к нему (пугая прохожих и разгоняя домашнюю птицу в разные стороны).

Во дворе с «Нивой» мы не стали вызывать ОМОН. Забрали документы у хозяина машины и сказали, чтобы он сам за ними пришел на «фильтр». В этом дворе — обычная картина. Богатый двор. Крики баб о том, что мы перепугали детей, летая на вертолете над деревней. Я не выдержал и сказал, что в домах, взорванных в Москве, Волгодонске и Каспийске, тоже были дети (только русские). Как ни странно, они сразу заткнулись.

Выйдя со двора, мы повернули в сторону реки. Вышли на берег, где нас уже ждал Ми-8.

6.02

Продолжаю восстанавливать события.

К событиям в Ст. Атагах. Кроме пойманных бандитов, изъятого оружия и всего прочего, можно добавить один печальный случай. Участником этих событий довелось стать и мне.

А было это 3.02.

При подходе к аэродрому Ханкалы пропал Ми-24 Погранвойск. Это случилось около 16 часов, шел густой снег с дождем. С группой разведбата в 17 часов отправились на поиск в район Чечен-Аула.

Мы выехали в такую ненастную погоду сверху на броню. Очень быстро стемнело. Уже в темноте наши три БМП сошли с дороги на пашню и, растянувшись цепочкой на расстоянии прямой видимости, пошли по полю. Из-за темноты снег казался еще гуще. Мы видели друг друга метров на 300. Вызывая «805-го» и пуская сигнальные ракеты, вышли на Чечен-Аул. Затем на БМП, которая была у ком. роты, вылетела пружина переключателя передач, и мы стали среди поля. Пока механик чинил коробку передач, одна БМП была выслана на разведку к стоящему километров за 10 от нас бурятскому ОМОНу.

На этом блокпосту нам рассказали, что слышали в районе 16 часов за соседней сопкой звук летящего вертолета, выстрелы и три взрыва. Последний был гораздо сильнее, чем два первые. Связались с командованием, и нам приказали возвращаться. Ротный опустил голову и сказал: «Жаль мужиков...» Всю обратную дорогу на Ханкалу он молчал.

Мы вернулись, все промерзшие, промокшие. Моя зимняя куртка тоже промокла насквозь, не говоря о штанах, но болячки меня здесь уже брать перестали. Ночью я «сушился».

В 6 утра тем же составом выехали опять на поиски. Подъехали к горушке. На подъеме наша БМП заглохла и начала скатываться назад. Выяснилось, что молодой разгильдяй-водитель с вечера не проверил в баке топливо, и оно на подъеме закончилось. Эх, д е т и ш к и!

Мы спешили и пошли в гору налегке, оставив этого балбеса под командой прикрытия переливать солярку ведрами из баков других БМП.

Да, ходить с разведгруппой по горам — это лучше любой эротикой. За этой горой была еще одна гора, за второй — третья. В общем, настоящая «лосиная работа» на территории, не занятой нашими войсками. Эти места частенько обстреливаются нашей артиллерией. Когда мы поднялись на первую гору, то по соседней стреляли. Такая вот несогласованность, а ведь там мог лежать наш Ми-24. Вышли по радиостанции на командование, доложили об этом. Стрельба прекратилась.

Лес после обстрелов артиллерией выглядит своеобразно. Поскольку снаряды попадают в деревья раньше, чем достигают земли, взрыв происходит на уровне 2—3 метров. Примерно на этой высоте очень много поломанных деревьев. В одном месте наткнулись на минометную мину, которая вошла в землю по самый стабилизатор и не взорвалась.

Мы заглянули во все складки, во все ущелья северо-западнее пос. Гикаловский, но так ничего и не нашли. С последней горушки уже хорошо была видна Ханкала. Очевидно, Ми-24 упал в другом месте. Зашли в деревеньку, которая была на вершине последней горы. Спросили у местных чеченцев, но они тоже ничего не слышали о вертолете. Они-то уж знали бы. Потом спустились к своим БМП и вернулись в Ст. Атаги.

Теперь о работе в Шали.

В первый день (5.02) убиты двое бандитов (причем далеко не рядовых). Проверая дом за домом, дошли до жилища главы администрации Шали. Жена объяснила, что хозяин в Ингушетии, приедет вечером. Прокурор принял неожиданное для нас решение — проверяем. Результат обескуражил всех. Обнаружен огромный схрон с оружием и боеприпасами. Такие вот здесь перевертыши.

Прокурор стал героем дня. Может, зря я был про него плохого мнения?

6.02

Найден цех по производству взрывных устройств, по иронии судьбы размещавшийся в аптеке.

Освобождено 5 русских рабов. Один из них находился в рабстве с 1991 г.

14.02

Вчера из Соци-Юрта нас вернули под Ст. Атаги. Здесь сейчас вся группировка.

Блокированы: Ст. Атаги, Нов. Атаги, Чери-Юрт.

Из пропавших 4 эфэсбэшников найдены двое. Они были убиты и сожжены в «Жигулях» 06-й модели. Очень сложно было их опознать. Судьба еще двоих неизвестна.

Ближе к обеду в Ст. Атагах в трех местах завязался бой.

Оказывается, после прошлого нашего ухода из Атагов сюда зашла крупная банда, на них и напоролись эфэсбэшники.

«Духи» блокированы. На «фильтре» уже человек 30. Сейчас 17.45, «духи» ждут темноты, чтобы прорваться.

17.02 9.00

Позавчера нашли оставшихся двух эфэсбэшников метрах в 80 от первых... Бандиты добили их в голову и подбросили тела на опушку.

Итоги 14-го числа: 16 «духов» — уничтожены, один дом пришлось расстреливать из танка. Возбуждено около 20 уголовных дел на тех, кто попал на «фильтр».

Следующий день работы результатов не дал (за исключением изъятого оружия). Бандиты превратились в «мирное население».

Ночью в близлежащие деревни были высланы засады. Где-то около 2 часов ночи отряд спецназа, подходя к месту, где они должны были сесть в засаду, столкнулся с бандой, выходящей из Дуба-Юрта. Со стороны «чехов» потери не знаем, т.к. они отошли обратно и забрали своих. Самое главное то, что они не смогли уйти. Дуба-Юрт полностью блокирован. Началась зачистка.

Вчера при езде на БТР на кочке с «брони» упали солдат и офицер. Ехавший за ними «Урал» не успел остановиться. У офицера раздавлены ноги, а у солдата — бедра, таз ...

Сегодня в Дуба-Юрте был взят русский наемник. При зачистке его обнаружили — обрезан, нижнего белья не носит. На вопрос, как он здесь оказался, сказал, что приехал в гости. Такого же «орла», только раненого, духи утащили с собой в горы. В бою с разведчиками один «чех» был убит.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Раньше на любой войне умирали за Веру, Царя и Отечество. Царя как Богом данную власть свергли. Православие, служение Отечеству... Не каждый сегодня откроет свою душу, но люди ищут то, что может сделать их жизнь

более осмысленной. У каждого свой выбор. Я искал на этой войне тех, кто вернулся к вере своих предков. Мы находили друг друга, но были похожи на путников в пустыне.

На этой войне чувствуется духовное опустошение нашей армии. Человеку противоестественна смерть. Смерть с косой — это символ подведения итогов. Коса — жатва урожая. Умирая на войне, умирают за правое дело. Каждый внутри себя опирается на духовный стержень служения Отечеству. А если его нет, то ради чего ты прожил жизнь? Духовная пустота требует заполнения. На Ханкале в штабах об этом не думают, а вот чем ближе к передовой, тем больше появляется вопросов на духовные темы. Не каждому дано испытать ужас боя и упоение победой. «Кто положил... душу свою за други своя», как завещал нам Господь. Прошедшие через это возвращаются к вере предков.

Чудо-богатыри Суворова — православное воинство. Они погибали, свято веря в великое предназначение России. Сила Суворова не в обливании холодной водой. Он был глубоко верующим человеком, а Господь всегда дарует победу верным ему людям.

Бандиты — это наркоманы и отморозки, полчища сатанинские, пришедшие на нашу землю. Они принесли с собой зло. Взяв в руки оружие, они воюют против себя, против своей истории. Меня не интересовала их личина правоверных мусульман. Личина выдавала себя наркотиками или записями об их продаже. Личина трещала по швам, когда ее хозяин не мог внятно рассказать про Коран. Все его познания сводились к одному — убивай неверных, а кто они и почему их надо убивать, так и не мог объяснить. Их бог — деньги.

Деньги стали символом времени. Раньше поклонялись Господу, а теперь — золотому тельцу. Россия пережила

многих внешних и внутренних врагов, победим и эту мерзость запустения, ибо «Мы — Русские, с нами Бог!»

Наше общение прервалось. Он убыл на задание. Боже, храни его на пути познания истины...

Юрий ЗАРЕЦКИЙ

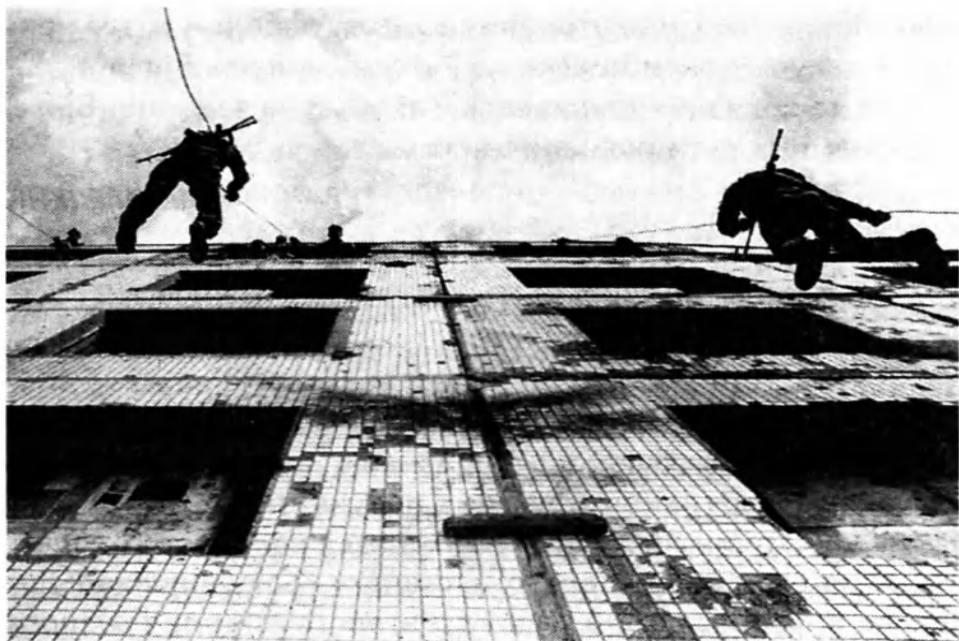
ВО ВЗВОДЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ШТУРМОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ!

Надо с горечью признать, что некоторые важные элементы тактической, тактико-специальной подготовки в нашей армии вообще не отрабатываются, так как даже не отражены в регламентирующих документах. В то же время нашей армии постоянно приходится воевать в городах. Начиная со времен «первых ласточек» (Баку в январе, Душанбе в феврале 1990 г.) — до второго штурма Грозного (благодаря «лебедю мира»).

Поскольку в Сухопутных войсках нет егерей (легкой пехоты по натовской терминологии), через уличные бои прошли формирования всех силовых ведомств: от мотоманевренных групп Погранвойск до морской пехоты ВМФ. И если в штатно-организационном плане опыт боев в городе все же как-то учитывается (создание штурмовых групп, снайперских подразделений, действия в составе троек), то индивидуальная «городская» подготовка была и остается на нулевом уровне.

Открываем «Методику тактической подготовки мотострелковой роты и батальона». Читаем о штурме здания: «...Командир батальона в ходе штурма учит проникать в здание с верхнего этажа... с помощью канатов и других приспособлений».

Писавший эту ахинею «большой чин» Минобороны не имеет даже понятия о предмете суждения. Кому и как

учить? Действия с применением альпинистского снаряжения — это ведь дело серьезное. Самое горькое, что в линейных частях Минобороны данный вид подготовки невозможно организовать из-за отсутствия снаряжения. Для штурма с крыши нужна динамическая (альпинистская) веревка, на каждом бойце должна быть страховочная обвязка. Нужны СУР (спусковое устройство регулируемое), карабины. Да и спецов в пехоте нет и быть не может.

Проблема эта зреет годами и все не находит своего разрешения. Вспомним стандартные боевые эпизоды конца 80-х — начала 90-х годов: огонь ведется из окна высотного дома, в котором находятся жильцы. Тактика изначально подлая, противопоставить ей нечего. Мне запомнился рассказ прапорщика из нашей части, вернувшегося из командировки в Закавказье в 1991 г. Он вспоминал обстрел военного городка (кажется, в Ереване): «Хлещет,

гад, из ПК с балкона, прикрывается женщиной с ребенком. К этому дому-то мы подобрались, а стрелять боимся».

Но ведь то, чему не учат мотострелков и десантников, отрабатывается и шлифуется в боевых формированиях иных силовых ведомств (от ФСБ до СОБРов) при региональных управлениях. Давно уже разработаны наставления по разделу «Штурмовые операции с использованием альпинистского снаряжения».

Так что в Вооруженных Силах не нужно «изобретать велосипед». Что делать? Ждать, когда умы чиновников Минобороны осенит озарение и мгновенно будут созданы отдельные егерские батальоны в мотострелковых (танковых, ВДВ) дивизиях? Но это уже из области ненаучной фантастики. В то же время никто из ротных и взводных командиров не может ручаться, что их часть не будет брошена на какой-нибудь очередной штурм.

Не было бы смысла писать этот материал, если бы проблему снаряжения и подготовки штурмовых троек решить было бы невозможно. Расскажу, как мы это делали около десяти лет назад.

...Начало девяностых. На мне висит подготовка личного состава одного из ранее упомянутых формирований. В наличии из снаряжения — лишь одна веревка. Но для тренировок ее не используешь, так как она предназначена лишь для реальных дел.

Помощь пришла в лице старшины подразделения. Я рассказал ему все о «снаряде», о различных туристических хитростях и тонкостях. Старшина был настоящим старшиной, то есть обладал обширными связями и большой житейской сметкой. Он помог мне достать все необходимое для действий с применением альпинистского снаряжения.

Теперь обо всем по порядку.

ВЕРЕВКА

Основное — это ее динамические свойства (способность удлиняться под нагрузкой). Средняя прочность динамической веревки — не менее 2200 кг/кв. см, максимальное удлинение на разрыв — около 50%. Прочность от толщины не зависит. Обычно диаметр составляет от 9 до 11 мм.

Но есть еще один тип веревки, имеющий приемлемые динамические характеристики — это рыболовецкий фал. Кроме рыболовства он широко используется в строительно-монтажных организациях, выполняющих высотные и кровельные работы. В свое время им пользовались спелеологи, альпинисты, туристы (для Запада это, понятное дело, дикость).

Словом, старшина, пообщавшись с начальством одного ЖЭУ, привез списанный фал длиной 30 метров. Плата была символической (литр с закуской).

Тридцать метров — оптимальная длина. Можно работать и на пяти-, и девятиэтажах (высота одного этажа в среднем составляет три метра).

Еще одна тонкость — дилетанту легче достать настоящий фал, нежели купить настоящую динамическую или спелеоверевку. Например, мне в 1998 г. в одном туристическом магазине предлагали «лажу», убеждая, что это фирменная веревка.

СТРАХОВОЧНАЯ ОБВЯЗКА

Напомню, что при штурмовых операциях возможно использование только нижней обвязки (беседки). Если использовать систему, состоящую из грудной обвязки и «беседки», меняется центр тяжести, что не позволяет делать переворот и спускаться вниз головой.

Именно брезентовые «абалаковские» обвязки с тяжелыми стальными карабинами имеют армейские спецназовцы (и то не все). Но в этих же частях в программу горной подготовки входит умение делать импровизированную обвязку типа «беседка» из куска репшура, парашютной стропы, используя в качестве соединительного звена карабин. На этой обвязке можно выполнять все элементы штурма (опробовано лично). Этот вариант прост и приемлем для мотострелков.

Впоследствии мы делали обвязки из подвесной системы списанных парашютов.

КАРАБИНЫ

Они должны удовлетворять трем основным требованиям — быть прочными на разрыв, удобными и иметь малый вес.

Мы закупили дюралевые карабины «Ирмель». Вес 36 г.

До того как достали СУ (спусковое устройство) типа «решетка» (она наиболее приемлема), в качестве «спусковушки» использовали тоже карабин.

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ И УМЕТЬ

Как делается навеска

Совокупность всех элементов, образующих опору, за которую крепится веревка (сама веревка, карабин), называется навеской.

При работе с крыши здания возможны три варианта навески:

- 1) крепление к опоре;

2) V-образное крепление;

3) крепление к горизонтальным перилам.

Данные способы позволяют «навеситься» там, где, казалось бы, и зацепиться не за что.

Такелажная подготовка

Нужно уметь вязать узлы, применяемые при работе с веревкой. Они следующие:

1) для крепления к опоре — восьмерка, булинь, штык;

2) для связывания веревок — встречная восьмерка;

3) вспомогательные узлы — УИАА (для спуска на карабине).

Конечно, сразу возникает вопрос — у кого всему этому научиться?

Напомним, формирования МЧС находятся в каждом населенном пункте (пожарники к ним тоже относятся). Проникать в помещение, работая с крыши, им приходится часто. К этим людям можно смело обращаться, в помощи они не откажут.

Итак, вы можете делать обвязку, бухтовать веревку, «навешиваться» разными способами. Дело за личным составом.

О ПОДГОТОВКЕ ШТУРМОВЫХ «ТРОЕК»

Идеально, если в каждом взводе будет подготовлено отделение (три штурмовых «тройки»).

Достаточный минимум тактико-специальной подготовки:

— обыкновенный маятник и вход в окно;

— переворот и ведение огня.

Когда не нужно влетать в окно (бросок гранаты, разведка), на левой ноге крепится транспортный мешок

с веревкой — чтобы не демаскировать себя раньше времени. Вообще же давно выпускаются «специзделия МВД» — это обвязка со встроенным сзади «транспортником». Вещь легкая, прочная и удобная.

Главное, что все элементы такелажной и тактико-специальной подготовки реально отработать за 2—3 недели. Естественно, все это возможно при понимании и помощи «сверху».

Идеально было бы также отработать высадку на крышу с вертолета.

Теперь пару слов о вооружении штурмовых «троек». На мой взгляд, предпочтительно вооружить их АПС и А-91, но использоваться при штурме это оружие должно с теми патронами, пули которых не дают рикошетов.

Не могу не заметить, что нашим оружейникам давно бы следовало создать терочный воспламенитель вместо УЗРГМ (и не только для уличных боев). Предательский щелчок сводит на нет внезапность применения.

Из холодного оружия желательно мачете.

И вновь о наболевшем — егерям необходим русский рукопашный бой. Влетев в окно и оказавшись среди ошалевших врагов, нужно мгновенно действовать автоматом, ножом.

★ Афган. Чечня. Боевой опыт

Вообще, если говорить о егерских частях, способных, кроме городов, действовать на труднодоступной местности, окажется, что все это мы уже проходили. Вспомним пограничные ДШМГ времен афганской кампании. За годы войны в этих подразделениях был накоплен уникальный опыт подготовки личного состава и проведения боевых операций. Отсутствие тяжелого вооружения компенсировалось грамотным взаимодействием с авиацией. Умение работать в качестве авианаводчиков было обязательным для начальников застав.

Многое из того бесценного опыта «ушло в песок»...

Сергей КОЛЬЦОВ

ТЕХНИКА

ПРЕДЛАГАЮ ДОРАБОТКУ «УРАЛА 43—20»

Желательно чтобы «тачка» была с движками «ЯМЗ-236» «ЯМЗ-238». Среди водил они называются «лиазовскими» и «кразовскими». Эти двигатели намного мощней, надежнее и неприхотливее остальных. В основном надо переделывать кузов. Борта, тент — все должно остаться таким, каким было.

Сами борта укрепляются следующим образом: на пол кузова заднего борта приваривается уголок, чтобы образовался бортик сантиметров десять высотой. Посредством того же уголка пол в машине делится на равные квадраты примерно 70x100 см. Эти ячейки засыпаются чистым сухим песком. Сверху — металлический лист толщиной минимум 5 см. Пол лучше промазать гудроном, разведенным бензином. Меньше ржавеет. От фугаса, конечно, не защитит, но от мелких осколков, рикошетов снизу, мин и СВУ небольшой мощности убережет.

Борта на расстоянии 8—10 см также усиливаются листом стали 5 мм. Промежуток между собственно бортом машины и листом можно также засыпать галькой, песком... Верх же борта хорошо закрыть швеллером. Бойницы можно окантовать резиной. Задний борт надо усилить листом

стали толщиной минимум 5 мм, подняв высоту борта на 30—40 сантиметров. Тяжеловато, конечно, но это защита от всякой металлической мелочи, что летает в бою. Наружные запоры заднего борта убрать, оставить только усиленное ушко из прутка стали диаметром 10 мм. На боковой борт приварить палец от БМП, БМД и т. п., который будет входить в ушко на 3 см, чтобы борта не расходились. Запор делается изнутри кузова.

В середине кузова вдоль крепятся емкости — баки с водой, топливом, охлаждающей жидкостью, маслом, высотой не более 30—35 см, шириной 80 см. Желательно устанавливать не сплошные баки, а отдельные с отдельными горловинами на резьбовой крышке.

Сливы на краниках желательно иметь с обеих сторон, причем краник отдельно на выходе из бака обязателен. Слив можно вывести в общую трубу сзади или сбоку. Тент тоже слегка переделывается. Для этого нужны пружины, не слишком большие, лучше всего, по моему опыту, подходят от эспандера. Правда, их надо зашить в хлопчатобумажный чехол, чтобы не привлекли внимания. Можно заменить жгутами из аптек, но они недолговечны. Однако крепление тента к бортам другое: крючья просто забиваются или срезаются, в низ тента вшивается проволока из алюминия.

Через 50 см в низу тента в отверстия вклепывается медная или латунная трубка диаметром 16 мм, длиной 3 см, разрезанная с обеих сторон крестообразно. Лепестки раздвигаются и расклепываются — получается петля из металла под проушину.

На две проушины делается чека из стальной проволоки с кольцом под руку, которая проходит через дырку в борту. На стойке-дуге в двух местах под тент привариваются четыре пластинки.

Пружина в чехле крепится к проушине в центре дуги через дырку в тенте, пластинки под тентом не дают соскочить в бок. При нужде бойцы выдергивают низ тента. Под действием пружины тент резко задирается на крышу кузова — отличный мгновенный обзор. В основном все. Фактически машина снаружи не изменилась, если не считать шпалы на бампере. В нынешнее время, конечно, это сделать не просто трудно, фактически иногда невозможно — металл, электроды... Но и новой техники ведь тоже кот наплакал.

Я старался. Удачи вам.

Н. БУЛАТ

ПОРА МЕНЯТЬ ТЕХНИКУ И ТАКТИКУ...

Прочитав в «Солдате удачи» статью о применении автопоездов в конфликтах типа чеченского, решил также высказать свои соображения, правда, по другому поводу.

Давайте повнимательнее присмотримся к тому, чему нас учат боевые уставы и как мы собираемся воевать в будущей войне. Возьмем для примера мотострелковый взвод, тактику его действий и способы боевого применения. Чего греха таить, он имеет вооружение для ведения боевых действий в войнах типа Великой Отечественной, когда лоб в лоб сталкиваются крупные противоборствующие группировки. И то, пожалуй, имеющейся у него огневой мощи для победы в современных боестолкновениях может и не хватить. А если учесть возможное применение противником вертолетов и высокоточного оружия, то надо прямо сказать о заведомом проигрыше наших мотострелков, вооруженных старой техникой и не менее старой тактикой действий.

В современном общевойсковом сражении командир взвода приходится решать непростые огневые задачи, плюс организация боя, взаимодействия, наладка связи и т. д. Малейшие просчеты здесь ведут к неоправданным потерям и неразберихе: танки отрываются от пехоты, артиллерия утюжит своих, саперы не могут помочь в оборудовании позиций или проделывании проходов в минных полях... Одним словом, тут есть над чем призадуматься.

Идея же моя такова: мотострелковый взвод в количестве 30 человек вооружить не боевыми машинами пехоты, а модифицированными «бэтээрами» на танковой базе и боевыми машинами поддержки танков, но только с разными модулями вооружения. Причем во взводе должно быть не три машины, как сейчас, а четыре. Возможно также применение боевых машин на базе бронетранспортеров в зависимости от решаемых частями задач.

Что будет представлять собой такой взвод? Первая машина должна иметь на вооружении скорострельную пушку, пакет направляющих ПТУР и пулемет для поражения живой цели.

Вторая машина — это своего рода танк, вооруженный 100-мм пушкой, пулеметами, ПТУРами, которые будут запускаться через ствол орудия. В отличие от настоящего танка в такой боевой машине пехоты должно быть место для десанта.

В третьей машине необходимо предусмотреть модуль вооружения, состоящий из нескольких пулеметов, гранатомета АГС и направляющей ПТУР, причем в боекомплект должны входить не только кумулятивные выстрелы, но и ракеты, предназначенные для поражения противника в долговременных огневых точках.

Поскольку в современной боевой операции решающая роль в уничтожении бронированной техники отво-

дится авиации, то очень желательно иметь в боевых порядках взвода оружие или же целую специальную машину, способную эффективно бороться с самолетами и вертолетами противника.

При наличии такой техники цели на дальних дистанциях будут уничтожаться огнем 100-мм и скорострельной пушек, а также ПТУРами, на ближних — огнем пулеметов и гранатометов, стрелковым оружием взвода.

Тактические нормативы при этом не изменятся, а эффективность огня и маневра возрастет. Между прочим, многие армии наиболее развитых стран имеют во взводах по четыре машины. У нас же командир взвода до сих пор в цепи бежит!

Вот еще несколько аргументов в пользу предложенной мною схемы.

1. Машины действуют в одной линии с танками или же чуть позади их, но имеют при этом те же, что и у танков, технические характеристики подвижности.

2. Поскольку предполагается общее шасси, упростится порядок эксплуатации и обслуживания техники, в наличии у ремонтников всегда будет большое количество запасных частей. Таким образом можно достичь экономии сил и средств, а также существенно упростить и удешевить производство.

3. При единой базе подготовка механиков-водителей может вестись в единых учебных центрах. Это значительно облегчит обучение и распределение специалистов.

4. В бою в первую очередь поражается цель наиболее опасная и мощная, так? В нашем случае это должны быть танки, приданные мотострелкам. Но сможет ли противник определить на большой дальности типы боевых машин, если все они будут на одной базе? Тем более когда и танки, и боевые машины пехоты стремительно наступают?

Стараясь как можно скорее остановить такую «танковую» атаку, он вынужден будет на предельных дистанциях демаскировать свои огневые позиции, что, безусловно, станет на руку наступающим.

5. Учитывая скудное финансирование ВПК, использование базы танков Т-55 и Т-62, которые имеются у нас в достаточном количестве, — это на некоторое время (пока не появятся новые образцы) выход из положения. Переделка одного Т-55 в БТР-Т примерно равна стоимости капитального ремонта БМП-2.

6. Получившуюся боевую машину можно одинаково успешно использовать как в Сухопутных, так и во Внутренних войсках. Что имеется в виду? Бронированные машины с легким вооружением могут использоваться при сопровождении колонн, проведении «зачисток», патрулировании, в общем, решать специфические задачи. И в то же время мотострелковый взвод на таких боевых машинах с вооружением «на все случаи жизни» сможет с большей эффективностью выполнять задачи в современной войне. И действительно, зачем придавать мотострелкам танки, усиливать их гранатометным отделением, средствами ПВО, когда под рукой есть универсальные боевые машины, экипажи которых способны действовать и за танкистов, и за гранатометчиков, и за зенитчиков. Правда, наводчики-операторы в первую очередь, да и весь личный состав такого мотострелкового взвода должны быть в высшей степени профессиональными. Но это уже тема другого разговора. Можно только отметить, что если солдаты будут заниматься боевой подготовкой, а не поддержанием жизнеобеспечения и порядка в части, то эта проблема легко решится сама собой.

Возможно то, о чем я говорю, уже кем-то предлагалось, может быть, отдельные элементы и были где-то реа-

лизованы. Только об этом в печати не сообщалось. А хотелось бы узнать мнение читателей и специалистов на этот счет, поскольку только в споре рождается истина.

Владимир САВЕНКО

ДОБРАТЬСЯ ЖИВЫМ...

Как известно, при проведении контртеррористической операции в Чеченской Республике основными транспортными средствами для наших войск являются бронетранспортер и автомашины различных модификаций Ульяновского автозавода. Это грузовик «Урал» и «УАЗ» («козел» и «буханка» в просторечии). В отличие от БТР данные машины, разработанные несколько десятилетий назад, не приспособлены к боевым действиям. Малоскоростные, с плохим обзором, при подъеме по горным дорогам «закипают» уже через полчаса, а вся «защита» для экипажа — брезент и тонкий металл — только от непогоды, но не от пуль. Кроме того, по иронии судьбы или с легкой руки «мудрого» московского начальства все поступающие в распоряжение той или иной силовой структуры транспортные средства — одного типа и практически одинакового цвета. Что в Грозном, Гудермесе, то и в Шелковской или Шатое...

Словом, выживать приходится с тем, что имеем. Поэтому поделюсь некоторым приобретенным опытом передвижения по районам Чечни — как по горным, так и равнинным. Остановлюсь на основных средствах передвижения — это «УАЗ-469». Чтобы попасть из пункта «А» в пункт «Б», необходимо выполнить ряд неперемennых условий.

Автомашина должна быть в хорошем техническом состоянии, заправленная топливом «под завязку», с исправ-

ным запасным колесом, необходимым инструментом, с тонированными стеклами. Водитель должен быть опытным.

Нужно заранее разработать маршрут движения (схема, отметки на топографической карте с указанием действующих блокпостов федеральных сил или родственных силовых структур). Стоит предусмотреть несколько вариантов следования по параллельным дорогам и улицам в населенных пунктах. По возможности исключить возвращение по тем же участкам дороги, особенно в течение одного светового дня.

Необходимо иметь несколько различных госномеров для замены в случае необходимости. Нужен и заранее подготовленный транспарант, свидетельствующий о принадлежности к той или иной рядом расположенной строительной организации, где на стройке работают автотранспортные средства частных лиц из числа чеченцев. Его можно изготовить на любом принтере, формат А-4. Прикрепляется на внутренней стороне лобового стекла скотчем.

О маршруте движения, цели, времени выезда и возвращения должен знать ограниченный круг лиц. Накануне необходимо по возможности несколько раз выезжать из места расположения на незначительные расстояния, чтобы «зашифровать» время истинного выезда.

Теперь о распределении обязанностей членов экипажа во время движения. Каждый должен наблюдать за обстановкой в своем секторе. Водитель отвечает за дорогу, выполняет команды старшего, следует с максимально возможной скоростью по колее впереди идущей машины, находящейся в поле зрения. Выполняет те же маневры, что и она, объезжает выбоины, разрушения дорожного покрытия, люки канализационных колодцев. При движении вне колонны целесообразно держаться в 30—50 метрах от идущей впереди машины. Если сзади кто-то догоняет —

прибавить скорость, а в момент обгона резко ее снизить, чтобы увеличить дистанцию.

Старший машины контролирует сектор впереди и справа. Он руководит движением, его команды должны выполняться беспрекословно. При обстреле из стрелкового оружия — максимальная скорость, при значительном повреждении автомобиля — быстрое спешивание и занятие круговой обороны в ближайших кюветах. За колесами своей машины укрываться нельзя, разве что в случаях, когда нет выбора, так как велика вероятность поражения из гранатомета или взрыва бензобака.

Стрелки контролируют ситуацию слева и справа, в случае необходимости ведут огонь через открытые окна. В так называемом «собачнике» находится пулеметчик с РПК и отвечает за сектор сзади. При угрозе нападения распакивает задние двери и прикрывает машину огнем. Поэтому двери должны четко фиксироваться в открытом положении, замки — смазаны. Запасное колесо — внутри салона.

При поломке надо стараться любым способом дотянуть до ближайшего блокпоста. Если это невозможно, желательно выбрать открытое место с хорошо просматриваемыми подходами, вне населенного пункта. Затем занять оборону и приступить к устранению неисправности.

Все попытки своими силами бронировать «УАЗ», в том числе бронежилетами, не приводили к желаемому результату. Стальные пластины существенно не усиливали защиту, а только утяжеляли машину и ухудшали обзор в тесном салоне. Другое дело, что на каждом члене экипажа должны быть бронежилеты, это обязательно. Вооружение экипажа обычно составляют АК-74 с «подствольниками» и уже упомянутый ручной пулемет с ленточной подачей патронов.

Кроме того, желательно оснастить лобовое стекло съемной защитой с наружной стороны, состоящей из мелкой

сетки-рабицы. Это поможет избежать поражения ручной гранатой. К примеру, летом 2000 года имел место случай, когда подросток бросил гранату Ф-1 в лобовое стекло «УАЗа». Она пробила его и разорвалась внутри салона. К чему это привело — понятно без объяснений.

Александр БАРХАТОВ

ПРИКАЗ — ПРОВЕСТИ КОЛОННУ...

Этот отдельный гвардейский мотострелковый батальон располагался в Ханкале. Здесь была его база, а радиус действия — вся Чечня. Ребята шутили называли себя «королями дорог»: боевые машины батальона сопровождали колонны центроподо́воза в самые разные точки, независимо от того, какие войска там стояли. Их задача — сохранить и довести всю вереницу машин до пункта назначения и обратно. Это главное.

В палатках бойцов отсутствовали телевизоры, и они редко слышали, что говорят о Чечне. Да и особого желания не испытывали. Знали, что про них не скажут. Вот если бы здесь — а интересно вообразить на секунду — служил сын кого-нибудь из видных политиков, тогда, наверное, батальон стал бы сенсацией нового тысячелетия. Но таких нет. Простые здесь люди, рабоче-крестьянские. И вот они идут на броне, солдаты и их командиры, через недоброй славы Аргун и Джалкинский лес, дальше за ним, где постоянно ждут засады. Идут на Шали, на Энгиной, на Дарго. Никому не дано заглянуть в душу бойца в бронежилете, сжимающего автомат с заранее передернутым затвором. Да и нужно ли заглядывать? Лучше спросите от-

крыто, не жалеет ли о том, что он здесь? «Кому-то надо», — так же просто ответит вам солдат по призыву с почерневшим от загара лицом и в потертом донельзя камуфляже...

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ НЕ ВЫБИРАЮТ

...Первая «нехорошая» примета — опустевший рынок. Так было и в тот день, когда длинная колонна центроподвоза втягивалась в небольшой городок. Стояла жара, запыленные «КамАЗы» двигались по безлюдной улочке. Через каждые пять машин — БТР сопровождения. Все как обычно, в небе барражируют вертолеты прикрытия. Только вот помочь они в населенном пункте не смогут, как сразу отметили про себя бывалые мотострелки, сопровождавшие колонну. Готовясь к бою, они уже заранее прикидывали «сценарий». Ударят в городке, а не на выезде — стопроцентно. Это излюбленная тактика боевиков — прикрываться мирными жителями. Хотя таковых сейчас в упор не наблюдается ни сверху, ни снизу. Попрытались. И никто из мирных, разумеется, не предупредит, где укрылись боевики. Хотя об этом знают все. Знают и другое: русские — это не американцы, которые могут ровнять с землей все, что шевелится, как в Югославии, а потом учить других демократии. Российские же «вертушки» по населенному пункту не ударят.

...Взрыв. Подорвался «КамАЗ» центроподвоза в середине колонны, заблокировав дорогу. Окна близлежащей к дороге школы тут же «приветливо загораются» вспышками выстрелов. Огонь сильный. Общеобразовательное учреждение чеченской молодежи оказалось неплохим местом для засады — подступы открыты. Работает пехота.

Один БТР разблокирует колонну, сдвигая подорванную машину в сторону: раненого водителя уже успели забрать. Другой БТР устремился к школе, поливая окна из крупнокалиберного пулемета, несколько бойцов во главе со старшим лейтенантом Василием Лашуком, опытным боевым офицером, спешили и заняли позиции. Одновременно по школе бьет «зушка» — зенитная установка.

Сейчас главное для пехоты — дать пройти колонне. Но ее застопорили не только посередине: перед головным «бэтром» вроде бы нечаянно глохнет «Волга». Ну, здравствуй, нежданно-негаданно встретившийся на пути «мирный житель»! А как же — оружия, естественно, у сидящего за рулем чеченца нет. Даже бороды нет! Документы — если бы они в этой заварухе вдруг стали кому-то нужны — тоже в полном порядке. Можно не сомневаться. Он вроде бы как беспомощно машет рукой — дескать, вот беда-то, заглохла! И опрометью кидается в сторону, во двор. Дело, как он думает, сделано. Сдвигать «Волгу» некуда, дорога узкая. Но не все учел. Головной БТР прет прямо по ней, подминая под себя и пробивая путь колонне. Машины следуют за ним.

В это время у школы идет бой. Два «бэтра», укрытые в постройках от гранатометов, сосредоточенным огнем бьют по целям. Бойцы, которых всего несколько человек, прикрывают огнем друг друга, меняя позиции и продвигаясь все ближе к школе. Сериями одиночных выстрелов — так огонь гораздо точнее, чем очередями — прицельно бьют из автоматов бывалые бойцы — рядовой Вадим Рожков, старший сержант Александр Шишков. Точным выстрелом из гранатомета накрывает пулеметную точку в окне Андрей Рябинин.

Наконец школа «умолкла». Мотострелки проникают в

здание. Там уже никого нет, только густые пятна крови в нескольких местах.

Открытые боестолкновения, подобные вышеописанному, случались нечасто. В тот раз, прежде всего благодаря умелым и мужественным действиям пехоты, все прошло благополучно, хотя, к сожалению, один из солдат был ранен. Что касается подрывов и обстрелов на маршрутах, особенно горных, — это постоянно. Можно сказать, привычно. Если, конечно, к такому можно привыкнуть...

ЧТО БЫ НИ СЛУЧИЛОСЬ — КОЛОННА ДОЙДЕТ...

В августе, когда мне довелось быть в этом батальоне в командировке, страшно и буднично звучала фраза «боевые потери». При сопровождении колонн за лето погибло несколько человек. Командир минометной батареи старший лейтенант Андрей Домашенко... Заместитель командира роты по вооружению капитан Андрей Цапенко... Опытные, истинно боевые офицеры. Вместе с двумя воинами они подорвались на бронемашине, наехавшей на фугас. И это еще не все, кто погиб в это лето... В расположении батальона можно увидеть скромные крестики в память о тех, кто не вернулся из сопровождения колонн. И это в то самое время, когда Чечня на телеканалах отошла как бы на второй план.

Тогда же, в конце июля, с проникающим ранением обоих глаз в результате подрыва был эвакуирован в госпиталь старший лейтенант Геннадий Остапенко. Замечательный офицер с боевым опытом, с которым уверенно чувствовали себя на маршах солдаты.

Скромный, непривычный к вниманию, немногословный, с прямым бесхитростным взглядом солдат пехоты... Их

лица проходили передо мной. Младший сержант Евгений Власов. Рядовой Виталий Ермилов. Младшие сержанты Александр Панков, Александр Воронин, сержант Сергей Захаров, рядовые Алексей Никонов, Евгений Дудченко... У каждого из них, как и у других бывалых бойцов, есть что рассказать. Вот какими выглядели их будни.

Евгений Власов: *«Сопровождали колонну по горному маршруту, опасные места. Наш БТР шел в техзамыкании, мы приотстали из-за сломавшегося «Урала». Недалеко от блокпоста были обстреляны из «граников» и пулеметов. Остановились, спешили, открыли огонь. «Бэтр» поставили под наклоном, обеспечивающим угол поражения в низине. Он начал шерстить «зеленку» из КПВТ. Мы с двух «мух» влупили по выявленным целям, вроде наверняка. С блокпоста нам помогли огнем десантники. Обстрел прекратился. Ребята из десантуры нас потом спросили: «Вы из спецназа, мужики?» Нет, говорим, из пехоты. Они сильно удивились, когда услышали. Сказали, что работали мы очень шустро...»*

Виталий Ермилов: *«5 июля у меня был день рождения. 6-го шел в сопровождении колонны на Дарго. В горах нас встретили на машине, чтобы провести другой дорогой, была информация, что на основном маршруте нас ждут «духи». Нас вели саперы, последних пару километров двигались очень долго — они прощупывали каждый метр. При этом колонна была обстреляна из гранатомета и пулемета, к счастью, никого не зацепило. Мы ответили сосредоточенным огнем из КПВТ. Все нормально...»*

Александр Панков: *«На маршруте попали под обстрел из «граников». Дорога узкая, «зеленка» почти вплотную подступает... «Наливник» перед нами взорвался, водитель был тяжело ранен. Мы вели огонь из вооружения*

БТР, стрелкового оружия, прикрывали колонну. У нас обошлось без потерь...»

Евгений Дудченко: *«Шли совсем недавно колонной через город Аргун, одно из самых беспокойных мест. Уже смеркалось, тут начался обстрел. С нами в экипаже были наводчик Макс Керелян, Андрюха Шевяхов, тоже опытный солдат. Водила одной из машин, что шли перед нами, необстрелянный попался — остановился. Видно, был в шоке. Из-за этого и мы застопорились. Тут три выстрела из «граница» рядом прошло, вплотную. Повезло, мимо. Наверное, «чайник» стрелял... Вообще же главное — чтобы при обстреле колонна шла вперед и как можно быстрее».*

Такие они были миновавшим летом, будни солдат и офицеров батальона. Последних немного, всего с десяток, командиров взводов практически нет. Двухгодичников же, как сказал комбат, лучше и не нужно. А кадровых взводных — их всюду после славных лет реформ не хватает, а здесь и подавно. Но зато каждый офицер, как говорится, дорогого стоит. Например, замкомбата майор Виктор Кушнир, представленный к награждению орденом Муже-

ства. Вся его служба — это одни «горячие точки». Практически все офицеры, кроме одного вновь прибывшего (при мне), — с боевым опытом.

В колонны ходит каждый, даже заместитель командира по тылу по имени **Валерий**. Вот что он мне рассказал: *«Памятный случай был, когда на маршруте однажды увидели «духов», внаглую снимающих нашу колонну на видеокамеру. Как позже выяснилось, у них было при себе оружие. Колонна наша, как нам потом сообщили, исходя из информации, была «заказана», видно потому ее и снимали, заранее... По прибытии на место нас несколько дней не выпускали, пока не дождались гранатометного обстрела прямо на месте. Все целы остались, хотя как раз нашу «фазенду» обстреляли, мы на краю расположились. Когда пошли назад, «вертушки» — редкий случай — обнаружили засаду, видно, по наводке разведчиков. Начали их утюжить конкретно. Уничтожили, как потом выяснилось, порядка сорока боевиков, ждавших колонну. Там же, естественно, ждал фугас, его сняли саперы, спасибо мужикам. Почему все это запомнилось? Потому что ничего не случилось...»*

Были, естественно, потери и в технике. Один БТР «кувыркнулся» в пропасть, когда техзамыкание пыталось его вытащить под обстрелом. Пехота успела прыгнуть — в горах все идут сверху на броне. Второй «бэтр» тоже в пропасти, третий подорвался на управляемом фугасе... Вообще же стареньким, но постоянно ремонтируемым и на удивление живучим «бэтрам» в батальоне отдают большее предпочтение, чем достаточно современным бронемашинам нижегородского производства «Водник». Ими в экспериментальном порядке оснащена одна из рот. Тот подрыв на фугасе, когда погибло сразу четверо военнослужащих батальона, случился на «Воднике». Комбат (о

нем речь еще впереди) подполковник Сергей Пелипай сказал мне, что эта бронемашина со столь же мощным, как у БТР, вооружением и высокими скоростными качествами хороша для той же милиции в Чечне, но не для мотострелков сопровождения. Максимальные скорости в колонне не нужны, а четыре колеса — это ненадежно. Если взрывом вырвет одно, то, как говорится, приехали, а на БТР в этом случае на оставшихся добраться можно.

...При таком ритме службы ни одной боевой награды на батальон, как сказал мне начальник штаба капитан Иван Чугунов, не приходило. Хотя представлений, как он заметил, отправляли немало. Во всяком случае, в августе было так. И что же, идти на дембель таким ребятам со значком «Воин-спортсмен»?

Пока вопрос... А вот сами люди, кого здесь встретил, — поистине открытие. Вот сейчас мне хочется особо

сказать о комбате, который на момент моего приезда сдавал должность, так как поступил в Общевоинскую Академию имени Фрунзе. Кто-то во времена сокращений поступал туда со «ступенек» кадрированных батальонов. А кто-то шел от командира полнокровного взвода — и далее через войну.

Все звания Сергей Васильевич Пелипай получал досрочно. С тех пор, как еще лейтенантом убыл из Хабаровска, где начинал офицерскую службу, на первую чеченскую и участвовал в штурме Грозного. Потом была вторая война. Он награжден орденами Мужества и «За заслуги перед Отечеством» II степени. В 28 лет он стал командиром мотострелкового батальона, в 29 — подполковником...

ВОЙНА КОМБАТА

Сергей Пелипай и Иван Чугунов раньше служили в знаменитом (для тех, кто воевал) 696-м отдельном мотострелковом батальоне. «Железный, золотой батальон» — так говорили мне о нем эти офицеры-однополчане. Когда боевики вторглись в Дагестан, он со всеми средствами усиления выступил на войну. Как раз тогда, когда в августе 99-го было солнечное затмение. Горы, собаки воют... «Нехорошие предчувствия у всех были», — с усмешкой вспоминает Сергей Пелипай. Он был тогда заместителем командира батальона.

...Тандо. Известное в общем плане Тандо — укрепленное эшелонированной обороной селение в высокогорье, один из главных опорных пунктов боевиков, за который вели тяжелые бои десантники и мотострелки. Неизвестное многим Тандо — то, что пришлось испытать 696-му, где почти все были награждены — живыми и посмертно...

16 августа 1999 года средствами массовой информации, очень поторопившимися, было передано, что селение уже взято, а 17-го батальону, заместителем командира которого был Сергей Пелипай, было приказано взять его...

Это был дикий бой. Не могу привести дословно всю запись беседы с Сергеем Васильевичем — не позволяют размеры материала. Но и из главных моментов, думаю, читатель поймет и по достоинству оценит то, что оказалось под силу пехоте....

Говорит Сергей Пелипай (запись):

*«...17-го я должен был догонять информацию. Мне предстояло возглавить роту, которая должна была прорваться в Тандо. Высота 2500 метров, в бинокль глянешь — вроде все ровно, холмиками, на самом деле — ущелья, пропасти. С 9-го Тандо долбила авиация и артиллерия, но укрепления у них были сильные. Потом, в момент атаки, огневой поддержки практически не было — несколько артвыстрелов (Иван Чугунов к этому добавляет, что не было и соответствующей разведки. — **О.К.**). Замысел был такой. Первая рота проходит по низу, по ущелью — ее задача сделать отвлекающий удар, засветиться и уйти. Это чтобы боевики в селениях, лежащих на пути к Тандо, Ансалте и Рахате, сосредоточили на ней все силы. Я в это время прорываюсь по центральной горной дороге. Рейдовый отряд во главе с комбатом идет в обход, с другой стороны. Одновременно с нами воевали десантники, им тоже тяжело пришлось, потери были большие...*

Выстраиваю колонну брони. Пошли. Это было в 14.30...»

Прерываю воспоминаниями **Ивана Чугунова**, шедшего с отвлекающей ротой, награжденного за вторую чеченскую медалью «За отвагу»:

«Когда мы двинулись по узкой горной дороге, на бро-

не, попали под массированный обстрел. Несколько БМП сожгли почти сразу. Потери, проход заблокирован. Мы спешили и продолжали атаку, взбираясь под огнем на склон горы. Долбили по нам из обоих селений и еще с одной горы. Удалось закрепиться. Задачу выполнили, отвлекли на себя боевиков. Захватили рубеж на высоте, чтобы потом поддержать атаку. Выбить оттуда нас уже не смогли».

Запись, С. Пелипай:

«Первая рота сработала, оттянула поначалу огонь на себя. Боевики было решили, что ударят слева. Мы как раз только успели проскочить, когда «чехи» меня обнаружили и начали крошить. Первая машина, старшего лейтенанта Стаса Горохова, прорвалась в Тандо. Они достигли первых домов, я шел на второй БМП, нас отсекли, мы ввязались в бой. Спешили, заняли оборону. По иронии судьбы осколками перебило у меня радиостанцию, потерял связь. Успел доложить, что первая машина зашла. Начали подниматься, мне сказали — стой, сейчас авиация начнет работать. Смотрю — наша БМП уже назад «летит» на полной скорости со склона. Под обстрел попали, «духовские» минометы работают. И наши «сушки», которые вызвали из Ханкалы, начали селение поливать. Мина в люк механику-водителю... Механику голову оторвало... Начали спешиваться... Стаса ранило, двоих солдат убило... Катилась и горела машина...

Как заехали туда, так и не могли продвинуться ни вперед, ни назад, в котел нас взяли. «Духи» сверху, а мы, как на арене цирка, окружены со всех сторон. Склон каменистый, голый, чем угодно, штык-ножами в землю вкапывались. Били по нам со всего и отовсюду, со всех сторон. Мы организовали оборону, отстреливались. Вертолеты на них наводил... Орудий у «духов» не было. Были у них

ПТУРЫ, такая «машинка», на 4 км бьет... Самое главное — минометы. Не поймешь, откуда летит, не укроешься. Жуткое, вообще, это дело — минометный обстрел. 120-мм — «поросенок» такой, как шарахнет... У нас такие раньше тоже были. Но когда к нам в часть, в Буйнакск, в 1997 году приехала комиссия, по Женевской конвенции их убрали, оставили 82-мм...

Так мы попали... Окружили отовсюду. Третья рота — рейдовый отряд — не могла нам помочь, чтобы с фланга ударить, горы кругом. Словом, окапывались мы, отбивались. Боеприпасов было море, но БМП-1 наши к бою в горах ни на что не годными оказались. Старые, глохли — может, война началась, чтобы их списать? Шутка... По дальности стрельбы, куда надо, не доставали, в горах воевать не приспособлены. Да и жгли их — куда в горах с техникой? Все, чем воевали, — ноги, руки, автоматы, пулеметы, «Шмели», РПГ... Как есть, пехота. Но «духов» тоже, естественно, мочили, они тогда потеряли гораздо больше нас. Воевали мы, как потом выяснилось, по видеозаписи (она у нас есть), с элитными подразделениями Хаттаба и Басаева. Очень много арабов было. Стояли наши ребята, простые «срочники», насмерть. Может, поначалу морально не готовы были — реальный бой «понарошку» не создашь. Но мы перед этим с января день и ночь стреляли, занимались тактикой. Обучены ребята были... А «духи» в атаку не спешили. Обстреливали несколько часов подряд. Хоть и говорят, что под зеленым знаменем, но кровь — она у всех красная. Умирать никому не хочется.

...Сколько погибло? Из той роты, с которой я пошел, 17 человек убитых было, два офицера... Раненых тридцать, может, больше... Всего в роте было 87... Начмед, док наш... вы запишите... Рамазанов его фамилия, майор Ра-

мазанов. Носился, как сайгак, под обстрелом, без броника, чтобы легче было раненых на себе вытаскивать. Многих вытащил...

Прислали ко мне прямо в это пекло начсвязи бригады подполковника Егорова. Дядя Юра, царствие ему небесное... Принес радиостанцию, дал мне связь под обстрелом. Пришел в кроссовках, маскхалате и каске. «Давай, — говорю ему, — дядя Юра, — иди обратно». А он мне: «Дай оружие, я с вами останусь». Любое, говорю, бери, от убитых много осталось... Убило его в том бою, в голову...

Потом боевики начали атаковать, мы держались. В 00.30 докладываю обстановку. Десять часов боя... Куда уже воевать — убитых много, раненых, атака сорвана. Дают приказ отойти. Мы со Стасом Гороховым отходили последними. Их два брата-близнеца, один с соседней ротой шел, другой — Стас — со мной... Вырвались, закрепились выше по склону. Потом на выручку нам пришли танк и БМП из разведбата. А там даже не дорога, а пойма ручья. Танк я успел убрать, за гору поставил, недосыгаемо. А БМП сразу подбили. Там был лейтенант Сидоров, Герой Российской Федерации. Посмертно дали... Мина в броневой лист ударила, механика контузило, он вылез и побрел куда-то... Машина стала. Лейтенанта ранило. По БМП из гранатометов начали долбать, первый выстрел над машиной прошел, второй, третий в машину... Ноги ему оторвало... Лейтенант закрылся, до последнего отстреливался... Заживо сгорел, но не сдался...

...Селение крошили авиация и артиллерия. 21 августа — вновь операция. Моя задача — «сесть» в крайние дома и при атаке все гасить. Десантники штурмуют эту гору, мы идем понизу. Нас ошибочно зацепили нашим же минометным обстрелом. Атака сорвана, я ранен, со мной еще несколько человек. Меня эвакуировали в Волгоград, в

госпиталь. Потом еще несколько дней авиация и артиллерия долбили Тандо. Затем — штурм. С ротой, где предстояло идти мне, шел капитан Сергей Воронин, начальник штаба 696-го. Боевики были деморализованы — столько времени непрерывного штурма, — но сопротивлялись серьезно. Сергей Воронин атакой по горной дороге взял Тандо. Он был удостоен звания Героя Российской Федерации».

Вспоминаю одну горькую фразу, произнесенную комбатом: «Настоящий пехотинец знает себе цену». Это было сказано по поводу того, что пехоту не жалуют славой. В тот раз, как выразился Сергей Пелипай, «грязная и зачуханная, уже две недели штурмующая эти горы», она оказалась как бы неподходящим объектом для прессы...

...Как они все устали от войны — это знают только они сами. Те, кто в колоннах, кто на задании, чьего возвращения всегда ждут. И им всем больше всего хочется когда-нибудь вернуться с этой войны. Окончательно вернуться. Но как раз ради этого приходится вновь уходить с очередной колонной. Без почестей и без славы, без должной, мягко говоря, оценки своего труда на грани жизни и смерти. Но пока в стране есть пехота, страна жива. Это не все понимают, но это так.

Олег КОЛОМИЕЦ

АВИАНАВОДЧИКИ

КОРРЕКТИРОВЩИКИ ДЛЯ СПЕЦНАЗА

Существует острая необходимость в наличии артиллерийских корректировщиков и авиационных наводчиков в подразделениях специального назначения. К сожалению, эта проблема до сих пор не решена, несмотря на то, что войны «на наши головы», казалось бы, хватило с лихвой. Но до сих пор нет уверенности в том, что мы научились воевать «малой кровью»... «при чем здесь корректировщики?» — спросит кто-то. Да очень даже «при чем». Только давайте обо всем по порядку...

КОГДА «ГРЯНЕТ ГРОМ»...

В подразделения специального назначения должны выделяться офицеры, которых необходимо готовить на специализированных курсах по корректированию огня артиллерии и наведению авиации на цель. Ежегодно данная категория военнослужащих должна проходить сборы по своей специальности с отработкой задач по корректированию огня на лазерных (винтовочных) артиллерийских полигонах, а в последующем закреплять данные вопросы

уже непосредственно на полигонах в процессе боевых стрельб артиллерии. В идеале лучше, конечно, роль корректировщика в подразделении спецназа доверить выпускнику высшего артиллерийского командного училища.

В жизни же происходит все по-другому — дескать, зачем нужны эти корректировщики и авианаводчики в подразделении, у нас и задачи сейчас другие?! Авось пронесет!

Вместо того чтобы выставить на вероятном маршруте появления незаконного вооруженного формирования наблюдательный пост (НП) группы корректировщиков артиллерийского огня, наведения авиации (в дальнейшем тексте — ГКАОНА), в жизни проводятся бестолковые масштабные войсковые операции, о которых враг узнает заранее по многочисленным шаблонным подготовительным мероприятиям «федералов». А задачи же требуют именно нешаблонного подхода к их конкретному разрешению. И примеров таких жизненных «сюрпризов» ввиду резко меняющейся обстановки возникает великое множество. Вот тогда-то скептики из-за своей недалековидности или «пофигизма» садятся в лужу: как же быть, что нам теперь делать?! Ведь не «проносит»-то никак!

Август 1996 года. Чеченская Республика, г. Грозный. Шестого августа тысячи боевиков вошли в город. Развернулись ожесточенные бои за каждую улицу, каждый дом. Части федеральных сил, в составе которых были и силы спецназа, оказались заблокированными в комендатурах, на блокпостах, в Доме правительства, зданиях управлений силовых ведомств и других объектах. Артиллерия могла выполнять в течение всей осады наших позиций их **огневое окаймление** (одна из задач артиллерии по огневому поражению противника), не позволяя бандитам подойти к осажденным на расстояние выстрела. Это должна быть очень точная работа. Сейчас трудно го-

ворить, почему такое оказалось невозможным. Дело прошлое. То ли получилось так, что некому было грамотно скорректировать огонь артиллерии, то ли не поступил соответствующий приказ — точно неизвестно. Факт тот, что все могло развиваться по иному, гораздо лучшему для наших сил сценарию, если бы артиллерия произвела огневое окаймление.

Июль 2002 года. Чеченская Республика. Банды Межиева — Гелаева вторглись на территорию Итум-Калинского района из Грузии. За день до этого российских пограничников предупредил о предстоящем вторжении грузинский местный житель. Причем на вооружении банды, кроме стрелкового оружия и гранатометов, был арсенал куда уж посерьезней — переносные зенитно-ракетные комплексы (ПЗРК) «Игла». Почему бы заранее не подготовить ***сосредоточенный и заградительный огонь артиллерии на маршруте движения банды, а для корректирования назначить и вывести наблюдательный пункт ГКАОНА?*** И не били бы мы по «хвостам» разбежавшейся по России своры головорезов, если бы правильно воспользовались вовремя поступившей оперативной информацией.

2004 год. Республика Дагестан. Группы спецназа преследуют и добивают остатки банды Гелаева в высокогорных районах. ***Артиллерией эту проблему можно было бы решить эффективней: провести **огневое блокирование** района НВФ, вызвав тем самым сход обильных снежных лавин и корректируя огонь артиллерии и армейской авиации с борта корректировочно-разведывательного вертолета.*** Конечно, недостаток здесь один — окоченевшие трупы террористов пришлось бы долго и упорно искать под тоннами снега, но своих людей мы сохранили бы всех.

«ТЫ НАС ВСЕХ СПАС, ГРИША...»

Значение групп корректировщиков артиллерийского огня и авианаводчиков в подразделениях специального назначения трудно переоценить. В качестве достойного примера приведу один эпизод из «второй чеченской», который стал особенно памятным в биографии Героя Российской Федерации гвардии старшего лейтенанта Григория Г. (к сожалению, по понятным причинам мы не называем его фамилии). После окончания артиллерийского командного училища он попал служить в ВДВ и оттуда был сразу откомандирован на войну.

Во время разведывательного выхода в горы Григорий был придан для усиления спецназовцам в качестве корректировщика артиллерийского огня. Бандиты неожиданно атаковали одну из групп спецназа. Лезли на позиции со всех сторон, их силы в несколько раз превосходили нашу немногочисленную группу. И в этой ситуации старший лейтенант Г. своими умелыми действиями по корректированию огня артиллерии практически «обломал» все планы «духов». *Почти двое суток продолжался бой, и за это время заградительным огнем, вызванным корректировщиком без малейшей ошибки, путем точных расчетов было уничтожено более сотни (!!!) боевиков.*

...Благодарные и главное — живые(!) спецназовцы после боя подходили к Григорию, чтобы от души сказать: «Ты нас всех спас, Гриша. Спасибо тебе, корректировщик!»

А У НАС ПРЕДПОЧИТАЮТ — В ЛОБ!

Ситуации, в которых острейшим образом понадобятся профессионалы-корректировщики, в общем-то вполне предсказуемы. *Однако при неумелом руководстве подразделе-*

ниями спецназа огневая мощь авиации, ракетных войск и артиллерии используется неоправданно редко и безграмотно. Возможно, это вызвано боязнью, нежеланием, а может, даже неумением организовать взаимодействие между подразделениями разных видов и родов войск.

У нас предпочитают штурмовать оборудованные базы НВФ в «лоб», бросая людей сквозь мины-ловушки под бандитские пули и гранаты, вместо того чтобы блокировать подступы и провести **огневое прочесывание** района артиллерией и наведенной авиацией, а затем уже досмотреть останки уничтоженной базы и трупы боевиков...

Конечно, на обнаружение базы бандитов уйдет немало времени, но при правильной организации приданных сил и средств разведки эту задачу можно решить оперативно и достаточно точно.

При преследовании превосходящими силами НВФ групп специального назначения (ГСпН) после выполнения ими специальной операции на пути боевиков можно создать непроходимую сплошную завесу **заградительного огня**, вызвав на помощь артиллерию. Примеров эффективного применения ракетных войск и артиллерии, как и авиации, можно приводить до бесконечности много.

ДОСТУПНАЯ «МИШЕНЬ»

Однако из примеров первой чеченской войны следует, что *индивидуальная подготовка корректировщиков артиллерийского огня и авианаводчиков была на весьма низком уровне*. Офицеры-корректировщики могли точно засекают цели, уверенно наводить и корректировать огонь артиллерии. Но они в большинстве своем неграмотно передвигались на поле боя для занятия позиции, а находясь

на НП, вели визуальную разведку, зачастую пренебрегая элементарными правилами маскировки, становясь мишенью для противника. (Маскировка и скрытность действий являются важнейшими факторами успешного выполнения боевой задачи.)

Именно среди корректировщиков и авианаводчиков был высоким процент боевых потерь от снайперов боевиков. Ведь для бандитов они желанные и дорогооплачиваемые цели.

В то же время все могло бы сложиться по-другому, если бы эти люди имели навыки и практику действий в качестве бойца группы специального назначения, то есть умели бы делать все, что могут спецназовцы. Тогда бы их живучесть была на порядок выше. Опять же, заметим, что без корректировщика и авианаводчика действия ГСН подчас попросту теряют смысл, так как невозможно полноценно реализовать разведданные путем точного налета

артиллерии и авиации (не говоря уже о критических ситуациях, когда возникает необходимость прикрыть группу заградогнем, как в вышеупомянутом случае).

Постараюсь ниже изложить свои соображения по комплексу вопросов, связанных с темой подготовки группы корректировщиков артиллерийского огня, наведения авиации в группе специального назначения (ГКАОНА в ГСпН).

ДУМАЙ НА ДВА ШАГА ВПЕРЕД...

ГКАОНА назначается из числа подготовленных офицеров: выпускников артиллерийских командных (или авиационных летных) военных училищ либо закончивших специализированные курсы по корректированию огня артиллерии и авианаводке. Ежегодно с этой категорией военнослужащих проводятся сборы на артиллерийском полигоне с отработкой практических огневых задач по корректированию огня, дополнительные занятия.

ГКАОНА предназначена для ведения разведки, наведения авиации и корректирования огня артиллерии в ходе пристрелки и стрельбы на поражение по разведанным целям противника. Группа может действовать в составе штатной ГСпН либо скрытно выводиться в тыл противника для организации наблюдения с НП в заданном районе самостоятельно.

Оптимальный состав группы (вариант):

- 1) офицер, старший группы, корректировщик;
- 2) офицер, разведчик-дальномерщик;
- 3) офицер, корректировщик-связист.

Такой состав ГКАОНА позволит выполнить весь ком-

плекс поставленных задач. Среди членов команды должна быть полная взаимозаменяемость, все должны профессионально уметь работать по наведению авиации и вызову огня артиллерии, по засечке разрывов, по подаче команд, по работе с картой, компасом, навигатором, по работе с приборами оптической разведки и средствами связи. В случае ранения одного из военнослужащих двое других смогут оказать первую медицинскую помощь и доставить его к месту эвакуации (один выносит раненого, другой прикрывает). Во время дежурства два человека ведут разведку, а третий отдыхает. (Как в обычной «боевой тройке».) В особых условиях и во время появления противника вся «тройка» бодрствует и работает до полного выполнения боевой задачи.

Вооружение группы (вариант):

— автомат специальный АС 6П30 «Вал» (2,5 кг) с ПНВ — 2 шт.;

— винтовка специальная снайперская ВСС 6П29 «Винторез» (3,1 кг с оптическим прицелом) с ПНВ — 1 шт.;

— пистолет специальный самозарядный ПСС (700 г.) — 3 шт.;

— нож разведчика специальный НРС-2 (620 г.) — 3 шт.;

— ручные гранаты оборонительные Ф-1 — 9 шт.

Все оружие группы должно быть сравнительно легким (выше приведена масса каждого вида оружия без учета боеприпасов) и бесшумным — на случай внезапного выхода на пункт небольших групп противника и раскрытия НП. Гранаты могут устанавливаться на растяжках в непросматриваемой «мертвой зоне» на вероятных подступах и путях подхода противника к НП, причем на значительном от него удалении, чтобы противник после подрыва грана-

ты случайно не обнаружил разведчиков. В случае необходимости группу можно усилить дополнительными средствами минирования — осколочными минами направленного действия МОН-50 (3 шт.). Данная мина — компактная и нетяжелая (2 кг), и при грамотной установке обладает достаточно высокими поражающими свойствами

ЧТО НУЖНО ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАЧИ

В арсенале группы корректировщиков артиллерийского огня и наведения авиации (ГКАОНА) группы специального назначения (ГсПН) должны находиться:

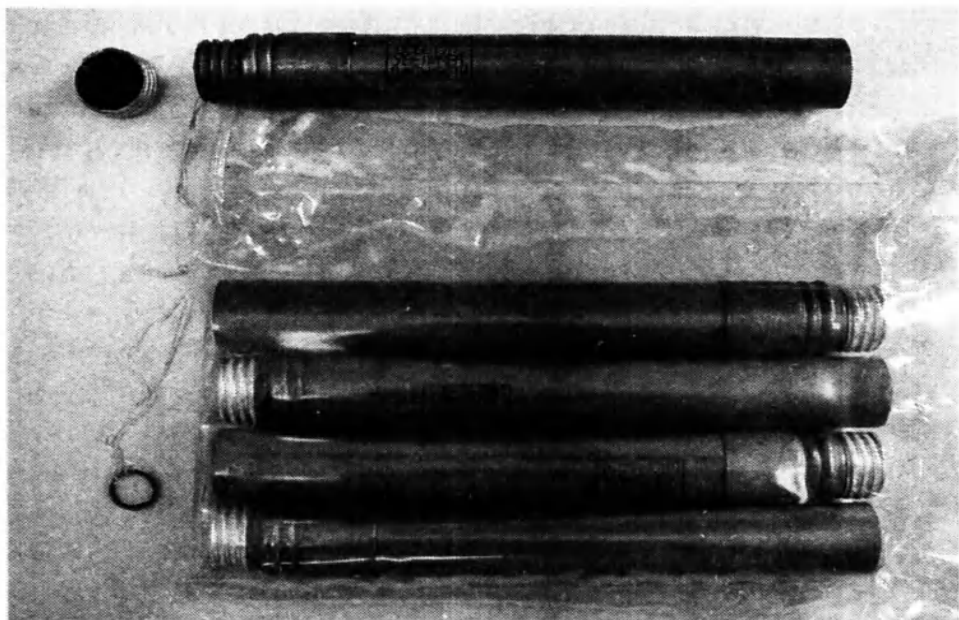
- дальномер квантовый (Лейко-4 «Вектор», ЛПР-1М) — 1 шт.;
- бинокль с углоизмерительной сеткой типа Б-8 (Б-12) — 2 шт.;

Фото 22

- перископ TP-8 — 2 шт. (для наблюдения из укрытия);
- секундомер — 2 шт. (для стрельбы ночью);
- часы — 3 шт.;
- ночные приборы разведки и наблюдения (очки ночного видения, ночные бинокли и др.) — 3 комплекта;
- слуховые аппараты импортного производства (для ведения разведки подслушиванием, как с НП, так и в движении);
- компас Андрианова — 3 шт.;
- курвиметр — 2 шт.;
- навигатор глобальной навигационной системы GPS типа «Гармин» — 3 шт.;
- топографическая карта (масштаба 1 : 50000) — 2 шт.;
- аэрофотоснимки районов заинтересованности (масштаба 1 : 8000);

- артиллерийский круг АК-3;
- офицерская линейка;
- линейка МПЛ-50;
- мини-планшет арткорректировщика (для карты и документов);
- средства связи с бесшумной гарнитурой;
- запасные АКБ к радиостанции (водозащищенные);
- ручные дымовые гранаты — 6 шт. (для прикрытия эвакуации);
- сигнальные ракеты и думы — 3 комплекта (на случай эвакуации).

БУССОЛЬ И ТРЕНОГА — НЕ ДЛЯ «СКАЧЕК» ПО ГОРАМ...

Вышеприведенный перечень необходимого снаряжения ГКАОНА определяется характером и родом деятельности корректировщиков спецназа. Конечно, для высокой

точности определения дирекционных углов с НП неплохо было иметь артиллерийскую буссоль ПАБ-2АМ. А если буссолей просто нет в таблице положенности данной воинской части? Да и в горах с буссолью и треногой, как на охоте с аккордеоном, особенно не находишься (ведь масса комплекта буссоли ПАБ-2АМ — 15 килограмм!). И время тоже немаловажный фактор. А вдруг срочно понадобится наводить огонь артиллерии? Норматив по установке буссоли для работы на «хорошо» днем в нормальных условиях оценивается по времени в *четыре минуты* (Сборник нормативов по боевой подготовке Сухопутных войск для подразделений артиллерии, 1992 г.). А за сколько времени, интересно, вы выполните этот норматив на горном склоне в 30—40 градусов, среди колючего кустарника и в обстановке, мягко говоря, не спокойной?

Поэтому для ГКАОНА подразделений спецназа нужны более быстрые (и доступные по материальному оснащению) средства и способы определения дирекционных углов. Например, с помощью дальномера квантового типа Лейко-4 «Вектор» можно определять не только дальности до ориентиров и целей, но азимуты магнитные до этих же объектов. А дальше ввести поправку, и вот вам, пожалуйста, дирекционный угол по цели.

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ — ЗА СВОЙ СЧЕТ?!

К большому сожалению, отечественный ВПК, кроме сравнительно небольшого и удобного дальномера ЛПР-1М (подходящего для ГСпН еще со времен войны в Афганистане, благодаря компактности и небольшому весу — не более 5 кг в боевом положении), так ничего и не выпустил для своих защитников Отечества. Остальные отечест-

венные приборы весьма массивны и громоздки. Так, масса стереоскопического дальномера ДС-1М-1 в рабочем положении — 34 кг (в походном — 65 кг!!!). Столь же неподъемен в горы и дальномер артиллерийский квантовый ДАК-2М (соответственно масса в боевом положении — 34 кг, а в походном — 42 кг).

Вот и приходится самим офицерам «скидываться» и приобретать дорогостоящие швейцарские дальномеры типа Лейко-4 «Вектор» (массой всего — 1,7 кг) и американские навигаторы типа GPS, идеально подходящие для специфики действий подразделений специального назначения в горно-лесистой местности. *Но нельзя при этом забывать, что в случае конфликта с США или их союзниками навигатор типа GPS в лучшем случае будет заблокирован, а в худшем может стать целеуказателем нахождения наших разведывательных групп для авиации противника. Поэтому в подобных ситуациях лучше полагаться на проверенный «дедовский способ»: карту и компас Андрианова или на отечественные приборы — аналоги навигатора, использующие только российские спутники.*

Не все так плохо в отечественном ВПК. Так, ЗАО «Котлин-Новатор» из Санкт-Петербурга разработало компактный артиллерийский вычислительный комплекс (АВК). Прибор способен обрабатывать результаты разведки и обслуживания стрельбы, обеспечивает решение навигационных и топогеодезических задач. АВК, в первую очередь, предназначен для оснащения артиллерийских (минометных) батарей, но с внесением некоторых изменений он мог бы стать незаменимым ценным прибором в снаряжении корректировщика артиллерийского огня ГСпН.

Впечатляют основные характеристики АВК:

— точность топогеодезической привязки (предельная

круговая ошибка): автономный режим — 20 метров, дифференциальный режим — 3 метра;

— масса базового модуля с источником питания — не более 500 грамм;

— время непрерывной работы от одного источника питания (четыре батареи типа АА по 1,5 V) — не менее 24 часов;

— вынос антенны (при работе в укрытиях) — до 5 метров.

Компактность прибора (20 на 10 см) и малый вес делают его очень удобным для корректировщика ГСН при выполнении боевой задачи в горно-лесистой местности.

ЭКИПИРОВКА КОРРЕКТИРОВЩИКА ГСПН (ВАРИАНТ)

— рейдовый рюкзак;

— укомплектованный разгрузочный жилет;

— камуфлированная шапка-маска разведчика, маскировочные перчатки;

— маскировочный костюм типа «Сумрак» («Партизан»);

— маскировочные «лохматые» костюмы типа «Леший» («Кикимора», «Елочка», «Гилли», «Йоуи»);

— маскировочные белые костюмы типа «Сплав», «Волонтер», белые шапочки, шарфы, перчатки, маски, лейкопластырь, медицинский бинт, белый натягивающийся чехол для рюкзака (для зимних условий);

— маскировочные пончо из мелкой сетки размером 2 метра;

— складной каркас типа «Зонтик» («Паук») для оборудования НП под «ложные» объекты местности типа кочка, куст и т.д.;

- камуфлированный теплоизоляционный коврик;
- «пятиточечник», или «сиденье разведчика»;
- непромокаемый костюм типа «Гор-Текс»;
- наколенники для защиты коленных суставов при действиях на каменистой местности;
- гамаши, непромокаемые чехлы на обувь для перехода через горные ручьи;
- теплое белье типа «Полар»;
- маскировочный набор (паста «Туман-Р», грим-карандаш, рулон американской маскировочной матовой бумаги «Ви-Тек» для оклейки приборов разведки и оружия, баллончики с матовой краской (зеленая, коричневая или белая), ленточки от масксетей, веревочки, полосы армейского камуфляжа, швейно-ремонтный набор и т.д.);
- камуфлированный навес от дождя размером 2,5×2,5 метра;
- аптечка индивидуальная с кровоостанавливающим жгутом и обезболивающим средством;
- малая саперная лопатка;
- набор для чистки оружия (масленка, пенал с принадлежностями, средство от ржавчины ВД-40, ветошь);
- набор по уходу за оптическими приборами (кисочки, кусочки замши, фланели, вата, ветошь);
- многоцелевой офицерский перочинный нож (по опыту, желательно фирмы «Викторинокс»);
- малогабаритная пила «Коммандос»;
- малогабаритный фонарик со светофильтром, с запасными батарейками;
- комбинированный котелок, фляга с водой;
- рацион питания (на время выполнения задачи, без разогревания пищи): мясной паштет, тушенка, рыбные кон-

сервы, ореховая смесь с сухофруктами, шоколад, витамины, галеты;

- капроновая зеленая веревка — 25 метров;
- крем от комаров (репеллент);
- водозащищенный аварийный набор со спичками, зажигалками, сухим спиртом, свечами.

Для действий в высокогорной местности группа может обеспечиваться горным снаряжением и дополнительным теплым обмундированием.

КОРРЕКТИРОВЩИКУ ГСПН — ПОДГОТОВКУ СПЕЦНАЗОВЦА

Теперь вернемся к тому, о чем я говорил в начале материала. Если тренироваться корректировать огонь артиллерии, наводить авиацию на цель офицер ГКАОНА будет ежегодно на соответствующих сборах, а между сборами — на тренажах и занятиях, то подобная подготовка будет хорошим подспорьем к базовому курсу его знаний и умений как корректировщика и авианаводчика. А вот где научиться вчерашнему артиллеристу, летчику совершенно другой области знаний, необходимых при выполнении задач в тылу противника: индивидуальной маскировке корректировщика, передвижению в тылу противника для занятия позиции, инженерному оборудованию, маскировке НП, ведению оптической разведки с соблюдением правил маскировки, повышению живучести группы?

Поэтому в подразделении специального назначения должно быть организовано обучение по темам разведывательной и тактико-специальной подготовки для данной категории военнослужащих. Предлагаю свой вариант такой подготовки.

**Программа дополнительных занятий
с корректировщиками и авианаводчиками ГСН
(вариант)**

1. Индивидуальная маскировка разведчика. Подгонка оружия, экипировки. Маскировка под цвет местности обмундирования и снаряжения. Маскировочное окрашивание лица, открытых участков тела, рук. Зависимость маскировки от времени года, суток, метеорологических условий и местности. Характерные демаскирующие признаки разведчика и характерные ошибки индивидуальной маскировки.

2. Требования маскировочной дисциплины к разведчикам в тылу противника. Организация «базы». Маскировка следов и мест пребывания. Следопытство.

3. Передвижение группы в тылу противника. Приемы скрытного и бесшумного передвижения в различной местности. Действия дозора при ведении разведки. Поиск. Выбор оптимального маршрута движения в целях лучшей маскировки с учетом рельефа, растительного покрова, погодных условий и т.д. Особенности передвижения ночью.

4. Проверка маскировки группы перед выходом в тыл противника: визуальный осмотр; оценка звукомаскировки; визуальный осмотр в ночные приборы наблюдения; одорологическая проверка (одорология в переводе с латинского и греческого — учение о запахах) — на резкие запахи: одеколона, выкуренной сигареты, бензина, потной одежды, костра, пороховой гари, спиртного, пищевых продуктов и т.д.; доведение мер по радиомаскировке и маскировочной дисциплине.

5. Военная топография (практика). Выполнение нормативов по чтению карты, определению координат, нанесению точек на карту по известным координатам; определение азимутов магнитных, дирекционных углов; состав-

ление карточки движения по азимутам; движение по азимутам с прохождением контрольных точек и выходом в пункт сбора.

6. Выбор, инженерное оборудование, маскировка НП в различных условиях местности (город, горно-лесистая местность и т.д.). Особенности маскировки НП от снайперов противника при ведении оптической разведки. Демаскирующие признаки наблюдателя, НП. Влияние на маскировку поведения птиц, зверей, поврежденной растительности. Повышение живучести группы и защита от различных видов разведки противника (оптической, тепловизионной и др.). Одорологическая защита пункта, разведчика от поисковых собак и химических датчиков (сенсоров) противника.

7. Ведение разведки с НП. Маскировка приборов разведки и наблюдения. Демаскирующие признаки основных объектов и целей противника (позиции снайперской пары, наблюдателей, минометного расчета, боевого охранения, расчетов РПГ, ПТУР, ПЗРК, пулеметного расчета, позиции боевой группы, базы (лагеря НВФ) и т.д.

8. Действия группы при внезапной встрече с противником. Передвижение на поле боя. Вынос раненого из-под огня противника, оказание ему первой медицинской помощи и эвакуация.

9. Огневая подготовка. Стрельба из штатного вооружения группы (АС, ВСС, ПСС, НРС-2) в дневных и ночных условиях. Действия группы при внезапной встрече с противником (с боевой стрельбой).

10. Боевой опыт применения корректировщиков артиллерийского огня и авианаводчиков в войнах и внутренних конфликтах.

Офицер ГКАОНА должен в совершенстве знать и тактику применения снайперов: особенности их маскировки

в различных условиях и передвижения в тылу противника, порядок занятия и оборудования позиций для стрельбы. Многие из опыта снайперов жизненно необходимо взять на вооружение корректировщикам и авианаводчикам ГСН.

Р.С. Чтобы воевать малой кровью...

Подготовленная таким образом группа сможет скрытно выйти в район заинтересованности, организовать наблюдение за противником и в случае его обнаружения грамотно дать целеуказание для артиллерии и авиации, оставаясь не обнаруженной.

Это ли не эффективный способ ведения боевых действий с боевиками НВФ «малой кровью»?!

Андрей КИРИЛЛОВ

**...О НИХ ПО-ПРЕЖНЕМУ ВСПОМИНАЮТ ЛИШЬ ТОГДА,
КОГДА ПОПАДАЮТ В ПЕКЛО**

«Никогда не следует недооценивать, как быстро представители офицерского корпуса могут отложить в долгий ящик самые ценные воспоминания из своего личного боевого опыта...»

(Бригадный генерал Маршалл С.Л.)

...Весна 2000 года. Горный район Чечни. Разведывательная группа, столкнувшись с бандформированием, ведет неравный бой. На помощь разведчикам выслана пара боевых вертолетов Ми-24. Они кружат над районом, где находится группа, запрашивая командира:

— Туман, я Полосатый, где вы находитесь? Прием.

— Полосатый, я Туман, тебя наблюдаю!

— Туман, повторяю, где вы находитесь? Где противник? Прием.

— Полосатый, нахожусь под тобой. Противник передо мной — в лесу!

Напряжение в эфире возрастает...

— Туман!!! Немедленно сообщи свои координаты, азимут и удаление по цели!!! Прием!

— Полосатый!!! Не знаю!!! «Духи» прямо передо мной — в лесу!!! Мочите гадов из всех стволов и всеми ракетами!!!

— Туман, без твоих координат и точного целеуказания — не могу!!! Так ведь можно и вас накрыть! Жду данных, прием!

Пауза. Продолжительная... Все это время «полосатые» продолжают крутить карусель, ежесекундно рискуя получить «что-нибудь» в борт. Они по-прежнему ожидают целеуказания от командира РГ. Как оказалось — зря. Команды с земли так и не последовало. Авианаводчика в группе не было, а командир оказался неспособен навести вертолеты на цель... «Полосатым» оставалось, исчерпав ресурс топлива, развернуться и убыть на базу.

Разведчикам повезло лишь потому, что бандиты, испугавшись грозного вида «крокодилов», носившихся над их головами, решили ретироваться...

И ВНОВЬ ГРАБЛЯМИ — ПО ЗАПЛЫВШИМ МОЗГАМ?

Приведенный во вступлении пример из жизни наглядно показывает весь трагизм ситуации, в которую попадает разведгруппа, не имеющая в своем составе авианаводчика. Да, ребятам тогда действительно очень повезло, что

«духи» не стали дожидаться «развязки сюжета». Видимо, просто не «врубились», что всю эту «полосатую» огневую мощь, способную в считанные секунды сровнять их с землей, просто некому навести на цель...

Описанный выше пример относится, как указывалось, к 2000 году. Но, к великому сожалению, неоднократное повторение подобной ситуации нельзя исключить и в наши дни, если подготовка авианаводчиков, как и арторекторировщиков для групп специального назначения, останется на прежнем уровне. Именно это и является темой данного материала.

Закончилась вторая «чеченская» война. И так же, как после Афганистана, как после первой «чеченской» на документах по планированию занятий и сборов появляются многочисленные вопросы-резолуции разных бюрократических инстанций штабов «о целесообразности подготовки авианаводчиков и корректировщиков артиллерийского огня для подразделений в текущем году»...

То есть «целесообразность» опять под вопросом... Выходит, в очередной раз, после стольких войн, придется получать граблями по башке? Вновь забыт опыт, оплаченный кровью. Вновь абсолютное непонимание того факта, что в «пожарном» порядке ни авианаводчиков, ни корректировщиков артиллерийского огня подготовить не то что нельзя, а просто невозможно! Поэтому, если «жареный петух» очередной войны или внутреннего конфликта клюнет, как всегда, неожиданно, у нас не окажется нужных профессионалов.

По-прежнему среди руководителей, отвечающих за организацию боевой подготовки спецподразделений, бытует опасное и ложное мнение, что готовить авианаводчиков и арторекторировщиков конкретно для ГСпН (групп

специального назначения) «нам не надо»! Дескать, в случае войны мы возьмем их у летчиков и артиллеристов.

Но такое мы уже проходили — и не раз. Когда, во-первых, штатные авианаводчики и арткорректировщики «умирали» физически на первой же высотке в Чечне, так как не могли вынести высокого темпа передвижения группы. Во-вторых, когда данных профессионалов просто не оказывалось в группе «в нужном месте и в нужный час». Как-то не получалось их взять у летчиков и артиллеристов (не успевали просто из-за динамики событий)...

Всякая война, как очередной ошеломительный удар, ставит затуманенные и заплывшие от мирной жизни «мозги» штабов, учебных отделов и амбициозных руководителей на свои места, и тогда они, как ужаленные в заднее место, начинают метаться, искать, что-то придумывать и панически кричать: «Ах, нам нужны позарез и сейчас же авианаводчики и арткорректировщики!!! Срочно, там же люди погибают!!!»

Спрашивается — о чем раньше думали? Да ни о чем. Когда обстановка мирная, они в своих кабинетах рассуждают примерно так: «Зачем они сейчас нужны —

эти занятия и сборы по подготовке авианаводчиков и арт-корректировщиков, не лучше ли сэкономить финансовые средства? У нас и задачи теперь другие. А если будет нужно, то мы и сами их за двое суток быстренько подготовим!»

Ага, подготовим. Быстренько... Что нам стоит дом построить?

Для сравнения: на сборы по подготовке гранатометчиков РПГ-7 дается одна рабочая неделя (5 учебных дней), чтобы изучить назначение, технические характеристики, устройство, принцип работы «штайн-трубы» и провести практические стрельбы на полигоне.

А на подготовку авианаводчика — всего двое суток!!!

ЗА ОБУЧЕНИЕ «ЭКСТЕРНОМ» ПЛАТИТЬ ПРИХОДИТСЯ НА ВОЙНЕ

Попробуем разобраться в истине до конца. Интересно, как возможно за двое суток подготовить авианаводчика и досконально изучить хотя бы сокращенный вариант программы его подготовки, включающий занятия по следующим направлениям:

— назначение, структура, боевые возможности, условия применения и тактико-технические характеристики армейской и штурмовой авиации;

— боевой опыт работы авиационных наводчиков в локальных войнах и внутренних конфликтах (Афганистан, Таджикистан, Дагестан, Чечня);

— назначение видов авиационных средств поражения (далее — АСП), безопасное удаление своих войск от бомбово-штурмовых ударов авиации;

— организация взаимодействия с авиацией, подготовка рабочей карты к наведению авиации;

— применяемые средства связи (как минимум две УКВ-радиостанции и несколько КВ-радиостанций), порядок подачи команд и ведения переговоров;

— минимумы погоды экипажей в зависимости от классификации летчика, оценка условий и рельефа местности;

— основные способы наведения авиации на цель, тактика действий авиации и роль авианаводчика при этом, порядок работы со штурманским набором по расчету времени удара, выбору точки маневра для применения АСП;

— особенности работы в горно-лесистой местности, в сложных метеорологических условиях;

— особенности эвакуации раненого из состава ГСпН с выбором посадочной площадки и ее обозначение в горно-лесистой местности;

— меры безопасности при организации взаимодействия авиации и ГСпН;

— практическое наведение авиации на цель без применения АСП и с их применением на авиационном полигоне.

Вот и представьте себе — это все и за двое суток?!

Или руководители, которые «от балды» дают этот временной учебный срок, не понимают, что стоит за таким обучением и к чему обязывает?! Неудивительно тогда, почему авиация и артиллерия «долбят» по своим войскам, а спецназ не может грамотно навести на цель «вертушку» или завести ее на площадку для эвакуации раненого.

За ошибки планирования и невключение сборов по обучению авиационных наводчиков и корректировщиков артиллерийского огня в программу боевой подготовки подразделения достается лишь рядовым труженикам — военным подразделениям специального назначения, однако уже на войне.

**ОСЕНЬ 2001 ГОДА.
ВЕДЕНСКИЙ РАЙОН ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Во время проведения разведывательно-поисковых действий оперативно-боевой группой в назначенном районе произошел подрыв на противопехотной мине. Группа двигалась в горно-лесистой местности и зашла на минное поле, которого не было на карте минных полей. «Лепесток» оторвал снайперу группы пару пальцев ноги с носком горного ботинка, посек осколками и вывел из строя специальную снайперскую винтовку «Винторез».

После оказания первой медицинской помощи раненого снайпера на носилках вынесли с минного поля и вызвали вертолет для эвакуации. Спустя полчаса Ми-8 зашел над площадкой, которую спецназовцы выбрали и обозначили дымом для посадки. Метрах в двадцати над размокшей от дождей площадкой вертолет вдруг завис. Дальше произошла немая сцена. С земли было хорошо видно, как командир экипажа, покрутив пальцем у виска, указал вниз. В ответ на этот жест один из спецназовцев грозно погрозил кулаком вертолетчикам. После этого вертолет взмыл вверх и ушел на другую площадку. Спецназовцы с лежащим раненым на носилках в недоумении смотрели вслед улетевшему борту...

Как оказалось позже, площадка была выбрана с грубой недооценкой ее состояния: угла уклона и увлажненности грунта. Посадка на данную выбранную площадку грозила аварией вертолета и другими неблагоприятными последствиями, вплоть до гибели людей. Спецназовцы не знали допустимых уклонов посадочной площадки для горно-лесистой местности. Между тем они могут составлять для вертолета с работающими двигателями: с хвостовой балки — до 5 градусов, с кабины экипажа — до 7 градусов, с правого борта — до 2,5 градуса, с левого бор-

та — до 5 градусов; с выключенными двигателями — до 3 градусов. Необходимо было также оценить гидрометеорологическое состояние грунта площадки (нельзя, чтобы при максимальных уклонах площадки он был пересушен или покрыт снегом (льдом).

Ни то ни другое не было учтено по причине элементарного незнания данных требований. Конечно же, будь в группе квалифицированный авианаводчик, площадка была бы выбрана правильно.

БОЛЬШИНСТВО ДЕСАНТА ПОГИБЛО...

Чтобы понять, что проблема с отсутствием «в нужное время и в нужном месте» квалифицированных авианаводчиков относится не только к сегодняшнему дню, обратимся к опыту Великой Отечественной войны. Можно было бы привести много примеров, но мы ограничимся лишь одним.

Во время проведения *Днепровской воздушно-десантной операции* в сентябре 1943 года в составе передовой группы не было офицера боевого управления авиации (авианаводчика). Это трагическим образом сказалось впоследствии на результатах высадки десанта.

Ситуация складывалась следующим образом. Получилось так, что в назначенный район десантирования 3-й и 5-й воздушно-десантных бригад (Букринская излучина Днепра) за трое суток до высадки парашютистов враг перебросил несколько крупных соединений — до 6 дивизий, а в ночь десантирования в район стали прибывать части еще двух дивизий. (В результате неправильного распределения средств связи и радистов по самолетам авиационно-транспортной группы связи между штабом и выброшенным десантом не было с 25 сентября до 6 октября. Не было связи и между подразделениями десанта.)

В ночь на 25 сентября, вместо десантирования на запланированную площадку приземления размерами 10 на 14 километров, десант (4575 парашютистов и 666 ПДММ с вооружением, боеприпасами, средствами связи) по разным причинам был фактически выброшен на площадь 40 на 70 километров, непосредственно в боевые порядки противника и места расположения его резервов. Большая часть десантников погибла в воздухе от плотного зенитно-пулеметного огня и в неравных боях с противником в первые часы после десантирования. Лишь оставшимся в живых довелось действовать в тылах противника.

Между тем, если бы в состав передовой группы десанта был включен офицер боевого управления авиации, это позволило бы провести разведку выбранной площадки приземления, оценить метеорологические условия в назначенном районе и возможность парашютного десантирования, наладить взаимодействие в звене «площадка приземления — авиация», грамотно обозначить площадку для целеуказания военно-транспортным самолетам основных сил десанта или подать сигнал опасности и запретить десантирование.

Вот какими трагическими последствиями чревато отсутствие авианаводчика, если говорить о большой десантной операции. Если же, возвращаясь к нашей основной теме, авианаводчика нет в группе спецназа, это может поставить на грань выживание ГСпН (как в примере, с которого начинался этот материал) и привести к срыву таких важных задач, как, например, наведение авиации на обнаруженную базу боевиков, и ко многим другим последствиям. Почему же в ГСпН должен быть именно свой, желательный штатный, авианаводчик и арткарректировщик? Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее.

«ЩИТ И МЕЧ» ГРУППЫ ИЛИ ГРУППА БЕЗ «ЩИТА» И БЕЗ «МЕЧА»?

Как правило, задачи целеуказания и наведения авиации и корректирования огня артиллерии при выполнении боевых задач в тылу противника выполняются штатными авианаводчиками из состава авиационных частей и корректировщиками артиллерийского огня из артиллерийских частей, приданных ГСпН. Однако на практике нередко случаи, когда в силу обстоятельств эти задачи приходится выполнять нештатным авианаводчикам и корректировщикам артиллерийского огня или лично командирам ГСпН. Дело в том, что, как уже упоминалось выше, приданные группам авианаводчики и арткорректировщики из частей ВВС и РВиА зачастую *не могут выдержать предельных физических нагрузок при длительных переходах*, например, в той же горно-лесистой местности. Кроме того, сложность и специфика выполняемых спецназом задач требует соответственного уровня тактической, огневой подготовки, умения профессионально маскироваться и многого другого. То есть *человек должен быть подготовлен на уровне спецназовца — ни более, ни менее*. Вот почему есть насущная необходимость в том, чтобы иметь в штате спецподразделения своих подготовленных во всех отношениях авианаводчиков и арткорректировщиков.

Авианаводчик и арткорректировщик артиллерийского огня ГСпН — это «козыри» группы, которые при современных способах ведения боевых действий могут понадобиться в любой момент. Поддержка артиллерийскими подразделениями и армейской авиацией действий ГСпН — это необходимость. Образно говоря — это щит и меч группы. Требуется лишь умелое владение ими. Ключом ко всему являются умелая организация и поддержание непрерыв-

ного взаимодействия. Умение наводить авиацию и корректировать артогонь необходимо как для уничтожения выявленных в ходе разведывательно-поисковых действий целей, так и для прикрытия группы в случае засады, при эвакуации и т.д. Казалось бы, прописные истины. Но, как отмечалось выше, в штабах эти истины зачастую «недопонимают»... Руководители, которые отвечают за годовое планирование учебного процесса своего подразделения, почему-то возможности для подготовки авианаводчиков и артокорректировщиков не предоставляют. Сколько можно повторять одни и те же ошибки?

Отдельно хочется сказать о командирах ГСН. Чтобы не повторялась та картина, с которой начинался этот материал, каждый командир должен быть подготовлен к целеуказанию и наведению авиации. Выход вертолетов на цели с наивыгоднейшего направления, поражение целей с первой атаки позволяют реализовать ос-

новые тактические требования, согласно которым боевые действия армейской авиации должны быть внезапными, точными и своевременными. То же самое касается и умения командира ГСпН корректировать огонь артиллерии. Это — необходимость.

ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Все эти истины очень хорошо понимал начальник горного отделения управления «В» Центра специального назначения ФСБ России, Герой Российской Федерации, кавалер многих боевых наград подполковник Дмитрий Александрович Разумовский. Он самостоятельно наводил вертолеты армейской авиации и корректировал огонь артиллерии во время боевых действий в Таджикистане, Дагестане и Чеченской Республике. Этот боевой офицер считал наведение авиации и корректирование огня артиллерии одними из важнейших слагаемых успеха действий группы специального назначения.

Дмитрий Александрович тщательно изучал и конспектировал все то, что необходимо на войне, а именно: способы наведения вертолетов армейской авиации, основы целеуказания и корректирования огня артиллерии, «афганский» боевой опыт взаимодействия с вертолетами, артиллерией. Он разрабатывал и претворял в жизнь неординарные боевые схемы, смелые идеи посадочного и беспосадочного десантирования ГСпН с вертолетов и их эвакуации в горно-лесистой местности. Он был убежден в том, что в каждом отделении, а то и в группе управления «В» должен быть по штату хорошо подготовленный авиационный наводчик и корректировщик артиллерийского огня, обеспеченные необходимыми приборами разведки, связи, навигации, соответствующими снаряжением и экипировкой.

Но... К огромному сожалению, этот настоящий профессионал, Человек с большой буквы погиб смертью героя в специальной операции по освобождению заложников в школе № 1 г. Беслана, не успев претворить все свои смелые и перспективные идеи в жизнь...

Постскриптум

Подводя итог сказанному, хочется сказать, что жалеть время и средства для подготовки авианаводчиков и артакорректировщиков не только глупо, но и преступно.

Да, программа подготовки этих специалистов сложна, напряженна и трудоемка, но она должна выполняться, чтобы группы спецназа имели в полной мере надежные и «щит», и «меч».

А для этого нужно ежегодное прохождение сборов с изучением или повторением учебного курса подготовки в авиационных и артиллерийских вузах, учебных центрах армейской и штурмовой авиации, учебных центрах ракетных войск и артиллерии, нужны ежеквартальные занятия, учения с практическим наведением авиации, боевой стрельбой артиллерии и многое другое, о чем уже говорилось. А самое главное — нужно понимание «сверху»...

Андрей КИРИЛЛОВ

АВИАНАВОДЧИКИ РЕКОМЕНДУЮТ...

СОВЕТЫ С ПЕРЕДОВОЙ

Практикой доказано, что хорошо организованная авиационная поддержка на поле боя может привести к полному уничтожению противника. Не зря перекрестия при-

целов вражеских снайперов ищут в первую очередь не только командиров, но и авианаводчиков. В преysкурантах боевиков и наемников для них выделена особая, хорошо оплачиваемая графа.

В вопросах взаимодействия «земля — небо» нет мелочей. Вниманию читателя предлагается своеобразная мозаика из элементов боевого опыта нескольких офицеров. Их имен по понятным причинам называть не будем. Они обращали внимание на детали, которые на первый взгляд кажутся несущественными, но оказываются очень важными в работе передового авианаводчика.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ВОЙНОЙ

С.Б. Сразу после обучения в Центре боевой подготовки меня направили в Чечню. Вот когда с благодарностью вспомнил командира с его излюбленной занудной фразой: «Изучайте документы и боевой опыт, на войне для этого времени нет». Все свои бумаги он собирал через штаб округа и своих друзей-однокашников из СКВО, чтобы научить нас, как правильно действовать. В результате в голове отложился целый «архив», истинную, очень высокую цену которому мне довелось потом познать на войне...

И.М. Когда едешь в командировку первый раз, то не знаешь, «где соломку подстелить». Теперь-то мне не надо объяснять, как оформляются акты на списание любого имущества, а обгоревший автомат буду сдавать только в своей части. После того как из-за этой железяки мне после госпиталя пришлось возвращаться в Дагестан. Иначе куча бумаг и уголовное дело по факту утери оружия. Штабам перепиской заниматься не с руки, а твои раны никого

не интересуют. Хорошо, если образцы этих документов не понадобятся, но они не будут лишними в командировке.

Н.С. Первая проблема, с которой столкнулся по прибытии в Чечню? Не думал что придется «изобразительным искусством» заниматься, искать фломастеры, гелевые ручки, целлофановые пакеты для карт и т.д. Экипажи, вернувшиеся перед моим убытием, заверили, что кодировка карт отменена. Не тут-то было. Мотострелки, десантники, штурмовики, вертолетчики — все имеют свою кодировку. Карты масштаба 1:50 000 и 1:100 000 лучше получить в части. В противном случае будешь искать картографическую службу в Ханкале, потом полученные листы надо сдать в своей части.

А.Т. Главное — не забыть резиновые сапоги и две пары шерстяных носков. Даже если на дворе зима. После первой оттепели чеченская грязь станет твоим главным воспоминанием о командировке.

Приехал — осмотришь

И.М. Командировка началась для меня бестолково. В день прибытия меня сразу направили в подразделение, с которым предстояло участвовать в боевых действиях. На все вопросы, просьбы и требования один ответ: «Выполняйте приказ, здесь война».

...Идет бой, экипажи пары вертолетов пытаются понять мои команды. Несколько минут выводил их на исходный ориентир, теперь пытаюсь объяснить, где находится цель. Не целеуказание, а игра «Пойми меня»! Карт нет, кодировку не знаю, с летным составом не познакомился. В глаза бы поглядеть тому начальнику, который давил меня пустыми фразами о войне, не дав возможности толком

подготовиться. Но теперь поздно рассуждать — надо воевать.

С.Б. Крутись, как хочешь, братишка, но нанести на карту авиационную кодировку — твоя главная задача. Без этого документа — никуда. Первый экземпляр возьми на КП авиации. Не бери карту с кодировкой у других офицеров — еще никто не смог перенести кодированную сетку на свою карту без единой ошибки. Делай все сам, с оригинала, и, как говорится, торопиться не надо. Оригинал тоже не боги клепают. Будь внимателен, чтобы потом на передовой не возникло «неожиданных» проблем.

С первых минут тебя «придавит» поток информации. Слушай, запоминай, примечай. На КП авиации ознакомься с плановой таблицей. Она дает первое представление, кто есть кто. Звание, фамилия летчика — это понятно, но главное — его позывной, метеоминимум и какие задачи он выполняет. Кто чего стоит, узнаешь в деле.

Н.С. (этот авианаводчик работал со спецподразделениями. — **Ю.З.**). Старший группы — дяденька серьезный. Работа на результат. Главные вопросы в нашей компании решаются вечером за общим столом. Здесь все познается — служба, дружба и авторитет. В новом кол-

лективе осваиваюсь, а еще на КП авиации и среди вертолетчиков притереться надо. Когда знакомствами оброс, работать легче стало. В эфире позывные не цифрами воспринимались, а людьми. Прадеды верно подметили: «С кем ел из общего котла, чужим не будет».

А.Т. Общаясь с командирами летчиков, уточните порядок ведения радиообмена. В ходе боя порой нет возможности вести радиообмен по схеме, утвержденной командованием. Переход на авиационный язык позволяет сократить «базар» в радиозфире.

О дополнительной экипировке

Н.С. В части перед убытием боеприпасы выдали по минимуму. Я их дополучал в подразделении, которому придан. Здесь же следует переодеться в общевойсковую форму. Может не оказаться нужного размера, но лучше выглядеть «мешком», чем трупом. Летная куртка — любимая мишень снайпера. Он знает, что так ходят авианаводчики. Некоторые, кому еще не довелось быть под огнем...

А.Т. Все правильно, выделяться вредно для здоровья. Камуфляж должен быть обычного армейского образца, накладные погоны нужно снять до операции. В вопросах экипировки лучше не скромничать, а сразу все проблемы решить со своим новым командиром. В любом коллективе проблема одного — проблема всех. В жизни это правило может и не сработать, а на войне действует безотказно.

С.Б. По прибытии к мотострелкам сразу довооружился. Один мой знакомый, например, экипировался по полной программе. Разгрузочный жилет, рассчитанный на шесть снаряженных автоматных магазинов, четыре пачки патронов, четыре гранаты «Ф-1», по четыре сигнальные ракеты и сигнальных дымов. Остальной запас «сигналок»

он размещал в БТР. Ножичек «колбаску или огурчики порезать» больше напоминал тесак. Из всего предложенного отказался только от гранат. Во-первых, за все время службы в армии ни разу ими не пользовался. Во-вторых, прошла информация о подрыве: один из солдат, спешиваясь с брони, цепанул чекой за какой-то выступ, в результате один погибший и двое раненых. Быть «ходячей военной угрозой» не хотелось. *(Это не лучший совет, потому что гранаты с собой нужно брать обязательно. Если какой-то солдат не позаботился о безопасности их укладки и подорвался, то это никак не говорит о том, что в случае боестолкновения нужно отбиваться от противника камнями. А как безопасно хранить гранаты в разгрузке, знает любой бывалый боец. — Прим. ред.).*

На передовой

С.Б. Маршрут движения: Ханкала — Грозный — аэропорт Северный. Мы с комбатом едем на третьем бэтээре боевого охранения. Над нашими головами проносится пара Ми-24. Майор провожает их взглядом и говорит, обращаясь ко мне:

— Договорись, чтобы этих летчиков нам постоянно выделяли...

Все понятно без лишних слов. В прошлый раз мы сопровождали колонну через Грозный в гордом одиночестве, так как боевые вертолеты барражировали где-то в стороне. Начнись заварушка, и до первого авиаудара прошло бы немало времени.

Теперь мы движемся под надежным прикрытием «волкодавов», как уважительно окрестил их комбат. Он вдруг приказывает запросить их. Даю экипажам ориентировку в

эфир: «От головы колонны справа, на удалении восьмьсот метров, руины пятиэтажки...»

Я еще не успел договорить, как дымные росчерки неуправляемых ракет врезались в дом, тут же утонувший во взрывах. Окончание моей фразы — «возьмите под свой контроль, пока мы будем их проходить» — было уже ненужным...

«Ну, вы ковбои», — выдохнул «батяня». И добавил несколько слов не для печати.

«Я — «Хоровой». В следующий раз такие фразы начинай со слова «посмотрите», — раздался в эфире голос ведущего пары.

Это — работа. Конкретная. Аллах возьмет «духов» без молитвы по той уважительной причине, что они не успеют этого сделать.

Н.С. ...Из-за холма появляется пара боевых вертолетов. Через несколько секунд начинается хоровод. Пуск управляемой ракеты — сарайчик разлетается в щепки, а «духовский» пулеметчик — на куски мяса. Доворот, залп неуправляемых ракет. Кустарник, из которого по нам били из автоматов, встал на дыбы, сплошные взрывы. «Полосатые» уходят на повторный заход.

Желающих дать команду на удар всегда предостаточно. Около меня появляются внештатные советники: «По тому дому надо вмазать. Пусть центральную улицу прочешут пушками».

Слушаю их внимательно и выдаю в эфир: «Полосатые», находитесь над колонной. С окраины отходит разведгруппа, село не трогать».

«Пулять для профилактики» летчики не любят. Да и мне задушевные беседы с прокуратурой ни к чему. «Советники» разочарованы, воздушный тир закрыт. Но мы идем нормально. «Полосатые» — прямо над нами, и любой выстрел по нас станет для кого-то последним.

Сигналы и дымы

С.К. Мотострелки сразили напрочь своим отношением к сигнальным ракетам и дымам. У них, как приказано в «верхнем» штабе, стандартные обозначения. Свои войска — зеленая ракета, передовая линия — белая ракета. Для «духов» — полная ясность ситуации, то, что нужно. Во-первых, они узнают место расположения противника. Во-вторых, просто-напросто дублируют такое целеуказание, из-за чего вертолеты не могут нанести удар или выполнить посадку с ходу. Я убедил командира дополучить на складе ракеты других цветов и комбинаций. Нужно сигналить так, чтобы знали только свои, а не боевики.

Есть еще один важный момент. Себя обозначай по команде с воздуха. Вначале — ракеты, а потом сообщение летчикам, как себя обозначил.

Н.С. Дал команду солдатику, выделенному мне в помощь, обозначить площадку. Твою мать... Напрасно старушка ждет сына домой. Выбегает служивый на центр площадки, зажигает сигнальный дым, держа его на вытянутой руке, приседает на одно колено... Все, бляха муха, как учили. Господи, сколько видел подобных фотографий. Красивая иллюстрация к сказкам об армии. А в пехоте «так положено»... Слава богу, жив пацан. Не нашлось на него снайпера. В другой раз такой «целеуказатель», если нарвется на опытных, окажется на том свете, не успев сказать «мама». В этот раз — спасибо моей глотке. Она у меня луженая, но пришлось поднапрячься, так как вертолет заходил на посадку. Шум винтов я «переорал»...

Потом офицеры и солдаты с удивлением слушали мои объяснения, в которых, надо отдать мне должное, иногда проскальзывали и нелитературные слова: «Зажег, твою..., дым... — и бросай его на... на край площадки, к ... За-

помните, б... никто и ничто не находится на площадке, когда садится вертолет!»

А.Т. Кому-то еще приходится объяснять, что нельзя для целеуказания применять сигнальные дымовые ракеты! Дымный след тут же сносится ветром, и как после этого ориентироваться по нему летчикам?

***Взаимодействие и братская могила —
это не одно и то же...***

Н.С. Перед проведением операций узнаю, что летчики не ознакомились с фотопланшетами целей и площадок десантирования. Оказывается, этих фотографий у них нет! Значит, экипажи вертолетов подготовку к операции выполняют «от фонаря»? Объяснил сложившуюся ситуацию своему командиру. Он по своим каналам добился выделения наиболее подготовленного экипажа для согласования всех вопросов. Летчики произвели необходимые расчеты. С учетом их предложений внесли изменения в планируемую операцию, а с фотопланшетами летный состав ознакомили перед началом операции, выделив для этого необходимое время.

Г.Н. У меня был очень неприятный момент, когда так называемая увязка взаимодействия чуть не закончилась для нас братской могилой. Дело в том, что «шпиономания» некоторых командиров, уверенных в постоянной утечке информации, доходит до маразма, опасного на войне. В вышестоящий штаб были переданы заведомо ложные координаты посадочной площадки для вызванного вертолета. Туда приходит «восьмерка» под прикрытием пары «полосатых». Находясь в трех километрах от группы, обозначаю себя ракетой и выхожу на связь. В этот самый момент согласно всем исконно российским законам бытия радиостанция приказала долго жить. Фраза обрывается, в

эфире — сплошные булькания и завывания. Командир орет: «Обозначь нас ракетами!» Прилежно обозначаю. Что я вижу? Я вижу, как «двадцатьчетверки» разворачиваются и идут в нашу сторону. Это был боевой заход на цель, а в роли цели, стало быть, мы...

Слава богу, нервы у братишек оказались крепкими, хотя представляю себе, каково с высоты им было оценивать наши судорожные махания руками и искаженные в криках лица. Во всяком случае, с первого захода не влупили, со второго и третьего тоже... А потом, когда разобрались, к нам села «восьмерка». Мы некоторое время общались, как горячие финские парни, но это уже были мелочи.

Мы постоянно маневрировали, меняли позиции и также постоянно давали координаты с погрешностью в несколько километров. Наконец, настал тот исторический день, когда вертолет, прилетевший для перевозки руководящего состава, выполнил вираж над указанной точкой и лег на обратный курс. Летчики «не обнаружили войска и не слышали никого в эфире»...

О чем беседовали потом по телефону начальники, я не знаю, но координаты стали передаваться более точно.

А.Т. Пехота и летчики почти не общаются, потому и не понимают друг друга. У мотострелков лекции об авиации в их учебных заведениях читали преподаватели, не имевшие никакой возможности изучить авиационную технику, разве только на картинке. Надо отдать должное — ребята из пехоты постоянно расспрашивали меня о том, как работает авиация. Повоевав немного, каждый понимал, что значит авиapoддержка в бою. Но те, кого я в командировке хоть немного смог чему-то научить, — ничто в сравнении с массой, не имеющей представления о боевых возможностях авиации. А взаимодействие можно строить только тогда, когда есть четкое представление о всех этих вопросах.

С.Б. Вопросы и проблемы взаимодействия авиации с другими ведомствами можно наполовину решить в местах постоянной дислокации. Необходимо собрать воедино варианты документов, где отражен боевой опыт штабов разных ведомств по вопросам авианаводки. Для обработки всей имеющейся теоретической и практической информации привлечь лучших специалистов. Они разработают единый для всех силовых структур документ в форме боевого устава с методическими рекомендациями, отражающими реальное положение дел в армии.

С.К. При отработке вопросов взаимодействия нужно обязательно определиться с использованием кодированных таблиц радиообмена. При встрече с летчиками узнать, какие условные обозначения они применяют. Не стоит надеяться на свой боевой опыт, ведь в Чечне военные летчики работают «вахтовым методом». Новая группа — новый авиационный язык.

Американский опыт

В заключение посмотрим, как обстоят дела с авианаводкой у американцев. Документ, который публикуется ниже, основан на американском опыте участия в локальных войнах и конфликтах. Заранее стоит отметить, что при внимательном изучении рекомендаций своим военнослужащим и недостатков можно сделать вывод, что проблемы с авианаводкой у них мало отличаются от наших.

Недостаточная эффективность авиационной поддержки

- Наземные командиры нуждаются в помощи с воздуха настолько, насколько летчик нуждается в помощи с земли.

- Каждый полет нужно тщательно готовить, состояние противника требует реального и детального анализа.

- Оценка предполагаемых действий противника может быть предметной, когда конкретно определены его силы, средства и намерения.

- Кто применяет изо дня в день одни и те же приемы, попадает в беду.

- Бесконечные согласования на промежуточных этапах — главный тормоз прохождения срочной заявки. Необходимо выделение специальной сети авианаводчик — центр (батальон, бригада или дивизия) — авиация.

- Задание на авиационную поддержку с указанием объекта атаки передается за 10—20 минут до взлета по наземным закрытым каналам связи.

- Прибытие штурмовиков более чем через 30 минут после вызова заставляло перенацеливать их на другие объекты. Готовить самолеты с типовым вооружением против типовых целей.

- На выполнение поиска цели — 20 секунд. На выполнение маневра и атаки — 30 секунд. Авиационная поддержка при сильной ПВО противника — не более 4 минут.

- Командование сухопутных войск и авиации должны оперативно обмениваться разведывательной информацией.

Ненадежное опознавание авиацией сухопутных войск

- Для исключения ударов с воздуха по своим войскам необходимо обозначать линию фронта и давать целеуказания с земли.

- Подавать только зрительно наблюдаемые сигналы, хорошо видимые с воздуха. Летчик ориентируется в наземной обстановке, больше доверяя не приборам, а своим глазам.

- В качестве ориентира или для указания направления на цель использовать пять оранжевых светящихся полотнищ размером 4,5 × 0,9 метра.

- Согласовывать точно по времени начало подачи сигнала при подлете штурмовиков к переднему краю.

- Не допускается длительное обозначение дымами и сигнальными ракетами, так как противник раскрывает замысел налета или подает ложные сигналы.

- Цвет целеуказательного сигнала не сообщается летчикам до тех пор, пока не произведен выстрел.

- Время первого обозначения производится за 15—30 секунд до появления авиации над передним краем.

- Информация о расположении своих войск на полетных картах недельной давности делает трудновыполнимыми атаки по наземным целям вблизи переднего края.

* * *

Работа передовых авианаводчиков подобна часам. Пока механизм точно отсчитывает время, его не замечают. Стоит ему сбиться с ритма — сразу возникают проблемы. Значит, надо держать механизм в исправности.

Условные обозначения, применявшиеся в ДРА

Су-25 — «Грач»; «Расческа»

Ми-8 — «Зеленый»; «Пчела»

Ми-6 (Ми-26) — «Контейнер»¹

Ми-24 — «Полосатый»; «Крокодил»

УР — «Сигары»

НАР — «Гвозди»

¹ Название «Корова» расценивается экипажем вертолета как оскорбление.

Авиабомбы — «Капли»
Осветительная бомба (снаряд, ракета) — «Люстра»
Пушка (пулемет) — «Трещотка»
Наши войска — «Свои»
Танк, БТР — «Коробка»
Колонна — «Цепочка»; «Нитка»
Артиллерия — «Траектория»
Убитый — «200»; «21»
Раненый — «300»
Тяжелораненый — «Тяжелый»
Противник — «125»
ДШК — «Сварка»
Боевики — «Духи»; «Бородатые»
Пленный — «400»

Юрий ЗАРЕЦКИЙ

НА ПОМИНКИ К БАСАЕВУ

Авианаводчики на войне в особой цене. Однако их работа еще больше «покрыта мраком тайны». Вашему вниманию предлагается рассказ одного из них, воевавшего в Дагестане. Это не просто описание работы авианаводчика, но и новые обстоятельства, связанные с гибелью брата Басаева (Шервани), изложенные очевидцем.

БЫЛ ВОЕННЫМ ЛЕТЧИКОМ — СТАЛ АВИАНАВОДЧИКОМ

Из вышестоящего штаба пришла «разнарядка»: откомандировать в Республику Дагестан офицера для выполнения обязанностей авианаводчика. Срок — один месяц. Недолго думая, наше начальство решило, что моя кандидатура подходит во всех отношениях. Умеешь летать — сумеешь и наводить.

О том, что для взаимодействия Сухопутных войск с авиацией нужен авианаводчик, в штабах, как правило, вспоминают только с началом боевых действий. На первой чеченской летный состав нашей части уже выполнял такие задачи. Поэтому теоретически к выполнению приказа был готов. Получив бронежилет, автомат и радиостанцию, убыл к месту назначения.

Попал к десантникам. «Голубые береты» были переброшены из Ставрополя. Успели повоевать с «духами» за «Ослиное ухо», теперь контролировали участок дагестано-чеченской границы в районе Анди-Гагатли — Ведено. Задача — разведка окрестностей Ведено, выявление бандформирований и защита Анди-Гагатлинского района.

В момент моего прибытия на высоту с отметкой 2366 метров десантники уточняли координаты целей. Через минуту, утробно ухнув, гаубицы отправили свои свинцовые посылки по назначению. Две установки «Град», подняв клубы пыли, располосовали небо дымными следами своих ракет. Огненные сигары с ревом устремились в гости к «духам». Разведали, выявили, защитили. Кажется, все легко и просто. Как это выглядит на самом деле, мне предстояло познать на собственном опыте.

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА

Меня передали в подчинение к худощавому жилистому майору. Вахтанг Вахтангович исполнял обязанности комбата. Определив круг моих задач, поинтересовался, согласен ли я войти в состав разведгруппы? Нет вопросов. От службы не отказываемся, на службу не напрашиваемся. Надо — значит надо. Принимайте в коллектив.

Без разведки и «ни туды и ни сюды». Основным спо-

собом добывания информации были поисковые действия разведгрупп. Обычно группа состояла из семи человек. Командир группы и его заместитель — ядро. Два снайпера и пулеметчик были «ударной силой». Радист и авианаводчик обеспечивали усиление группы вызовом огня артиллерии и вертолетов. Мне предстояло наводить боевые вертолеты на выявленные цели, заводить на посадку транспортные вертолеты для высадки группы усиления и эвакуации раненых. Работа не бей лежачего, если никто «мешать» не будет.

От нашего расположения до Ведено около шести километров. «Вотчина» Басаева и Хаттаба. Правда, десантники такую точку зрения не признавали. Окрестности, где стоят «голубые береты», под их контролем, значит, и хозяева они. Основной способ защиты дагестанцев — уничтожение выявленных бандитов.

Мужики считали себя в неоплатном долгу перед «бригадой Басаева». Итог трех штурмов «Ослиного уха» — это не только радость победы, но также боевые потери и лютая ненависть к «чехам». Долги наша армия научилась отдавать сполна. Вот только с каждым днем «набегали проценты». Поэтому никакое количество уничтоженных «духов» не принималось за окончательную расплату. Значит, разведка, вперед. Нужен результат, нужны новые цели.

Первый усвоенный мною урок гласил: кто стремится в «войска дяди Вани» за романтикой, остановись! Здесь больше в цене соленый пот, выносливость и боевое братство. На третий день поисково-рейдовых действий мои ноги гудели, как колокола. Предыдущий, «сидячий образ жизни» не способствовал укреплению мышечных тканей ног. Когда понял, что передвигаюсь не на ногах, а на деревянных чурках, попросил передышки. Через сутки, отлежавшись, продолжил выполнять свои обязанности.

О ХРУСТЯЩИХ КАМНЯХ

Моя работа была простой и будничной. Группа, растянувшись в колонну по одному, неспешно идет по маршруту. Горы, красивый пейзаж. Есть на что поглазеть, только мы не туристы. Замыкая колонну, постоянно верчу головой по сторонам. Заметил движение, дай сигнал.

Для себя попутно выполняю другую задачу, о которой с мужиками не разглажольствую. Определяю характерные ориентиры, хорошо видимые с воздуха. Прикидываю варианты заходов и места, пригодные для площадок. В основном все площадки сложные. Правда, по нашему вызову «желторотиков» не пришлют. Кто сидит в Каспийске, знаю. На этих побратимов можно положиться. Их только попроси, они тут все на уши поставят.

На днях группа старшего лейтенанта Миши М. особо отличилась. Около населенного пункта Ленкорц, под Дарго, обнаружили палаточный городок. Михаил спокойно разобрался в обстановке. Убедился, что «духи» подвозят ящики с боеприпасами и оружием. Не спеша выдал координаты артиллеристам, а те так же спокойно посыпали указанное место «Градом». Два «КамАЗа», одна «Нива» и группа «духов» прекратили свое существование в этом бренном мире.

...По тропинке огибаем гору. Короткий свист, хруст камней. Не успеваю сообразить, что произошло, как меня с полразворота бьет ногой в грудь наш снайпер Валик. Отлетев назад на метр, падаю на спину.

— Ты сдурел? — ору на солдата.

Тот, не обращая внимания на крик, прыгает на меня. Тяжелый, гад. Рядом снова хрустнули камни. Звучат выстрелы.

— Лежи! — сопит мне в ухо Валик.

Через минуту к нам подскакивает командир группы

Олег. Стаскивает с меня снайпера, который степенно встает и отходит в сторону.

— Живой, вертолетчик? — и разряжается монологом. — Ну что, «супермен» гребаный, убедился?! Ты для них как красная тряпка для быка. Будешь и дальше ходить в своей летной куртке?

Пришлось объяснить, что бушлат мне по вещевым нормам не положен. Камуфляж подарен десантниками, когда работал у них на выброске парашютистов. Мужики обалдели. Они думали, вертолетчик им свою крутизну показывал. Вернулись домой, и меня сразу переодели. Стал ходить как все. Таким образом, второй урок гласил: выделяться вредно для здоровья. Свою радиостанцию тоже стал таскать под курткой.

Валик стал моим «крестным папой». Думать-то было некогда, а он меня собой закрыл... Поэтому на рассуждения, какой нынче солдат пошел, у меня свой взгляд. На всю жизнь запомнил, как пули свистят и с хрустом вонзаются в камни.

КАК МЫ ГОТОВИЛИСЬ К БАСАЕВСКИМ ПОМИНКАМ

Прошла информация о гибели Шервани Басаева. Это произошло в боях за Ансалту. Командование «нарезало» нам задачу: проверить сообщение и узнать место поминков. Заходить в Ведено, кишящее бандитами, смысла не было. Захваты пленных, пытки, допросы — это сюжет для художественных книг. «Походили» по окрестностям. Пастухи — народ знающий и общительный. Дагестанцы нам помогали: выделяли по мере необходимости проводников, приносили солдатам теплые вещи. Это было весьма кстати — осенью в горах уже холодно, а наши тылы еще «не раскачались». Самое главное, информировали о новостях «горного телеграфа».

Мы кожей ощущали, что за нами тоже наблюдают. Однажды, когда начали подниматься на взгорок, нарвались на засаду. Вначале по нам отработали из гранатомета. Поторопились или рука дрогнула — недолет. Командир группы принял на себя весь снап взрыва. Заняли оборону. Оттащили Олежку в безопасное место. Перевязываю его, а он матерится на чем свет стоит и боем руководит. Настоящий командир.

— Так, если эти гады не успокоятся, будем их с правого фланга обходить... Что у меня с правым глазом? Снайпера, цели видите? Ну, эти уроды мне за все ответят.

— Да не срывай повязку, глаз цел... Сиди спокойно! — успокаиваю его. — «Духи», кажется, отходят. Не по зубам мы им. Сейчас мужики без тебя разберутся.

Олегу в общем-то повезло. Лицо немного каменной крошкой посекло. Правда, глаз основательно затянуло. Ему прямая дорога в медсанбат. Когда об этом заикнулись, то сразу пожалели.

— На кого я своих мужиков оставляю? Лучше без ваших советов обойдусь, — немного поостыв, добавил: — Работать надо, отдохнуть успею.

Так и остался. Все прикидывал, удобно ему целиться левым глазом или нет. Через две недели раны зажили, зрение восстановилось.

Разведкой было установлено: Шервани Басаев был смертельно ранен 17 августа под горой в Ансалте и скончался в госпитале города Грозный. Поминки были назначены на 21 сентября. Приедут родственники и близкие друзья. Это показали несколько источников.

В душе, наверное, каждый из нас мечтал заплатить сполна Басаеву за Буденновск и Дагестан. Но надо было действовать наверняка. Разведчики, как и вертолетчики, имеют склонность к точным наукам. Про «богов войны» не

вспоминаю. У них вся служба — высшая математика. Все, что мы узнали, необходимо было еще раз проверить. Ошибка здесь могла дорого стоить.

20 сентября. Вышли из расположения затемно. С рассветом заняли наблюдательные позиции. Ведено как на ладони. Село ожило и загудело, словно растревоженный улей. Явно что-то готовилось. Ближе к обеду к дому отца Басаева стали подъезжать иномарки. Пассажиры «тачек» были увешаны оружием, как новогодняя елка игрушками. Разведчики — ребята ушлые. Умудрились уточнить, что завтра в десять утра будут резать барана. Значит, это начало поминок, и все будут в сборе.

МОСКВА — КАК МНОГО В ЭТОМ ЗВУКЕ...

...Артиллеристы готовы к открытию огня. Мы готовы корректировать их работу. В данном случае можно привлечь и боевые вертолеты. Если честно, было какое-то приподнятое настроение. Сами посудите. За слезы, за кровь, за горе, которые принесли эти волчары, отплатить одним хорошим ударом. Пусть потом их родственники, держа оружие за спиной, орут про «невинно убитых чеченцев». Кстати, они уже добились того, что появилась поговорка: «мирный чеченец — мертвый чеченец». Хотя бы раз эти «борцы за права человека» сказали: «Мужики, претензий нет! Погибший был бандитом и воевал с вами!» Ведь знают, что воюем мы с боевиками, а не с мирными жителями.

Доложили о своей готовности «наверх». Потянулись часы ожидания. Штабам надо все согласовать, утвердить. Время есть, спешить некуда. Завтра мы им закатим «симфонию» по полной программе.

Вечером у нас была истерика. Пришла команда: «Москва работу запретила!» Описывать ненормативные лек-

сические и художественные обороты, думаю, нет смысла. Все рвали и метали. Пусть нам не верят, пусть мы ошиблись. Разрешите хоть по вооруженным «духам» отработать! «Боги войны» клялись, что свои гостинцы уложат, как яйца в лукошко. Мирные жители от их работы не страдают. Было желание послать все начальство подальше и нанести удар. Победила военная закваска. Армия — не колхоз. Дали приказ — выполняй. Не та ситуация, когда можно действовать по своему усмотрению. Возмездие отложили до лучших времен.

...Время прошло. Этой зимой передали, что ликвидировали Шервани Басаева. Для меня это было удивительно. Чьи поминки готовился отмечать его отец в сентябре 1999 года? Может, действительно готовились к чему-то другому? Вопросы, сомнения. Наверное, позднее узнаем правду.

Юрий ЗАРЕЦКИЙ

БОЙ В ГОРОДЕ

КАК ВЫЖИТЬ В «СТРЕЛЯЮЩЕМ» ГОРОДЕ?

ПЕРЕД БОЕМ

Двигаться от места к месту под огнем противника — занятие чрезвычайно опасное, требующее мастерства и навыков. Отрабатывать эти действия необходимо не в тот момент, когда вокруг уже начали свистеть пули, а значительно раньше, еще в мирное время в пункте постоянной дислокации. Ни для кого не секрет, но все наши отечественные программы боевой подготовки, «стоящие на вооружении» Сухопутных войск Российской армии, или не затрагивают эту тему вовсе, или отводят на нее «положенные два часа». Однако не будем на этом акцентировать внимание, проблемы боевой подготовки отечественных Вооруженных Сил всем хорошо знакомы.

Итак, вы в звании рядового или сержанта оказались в зоне боевых действий, и не где-нибудь, а в самом пекле — в городе с его промышленными зонами, спальными районами, объектами, зоной подземных коммуникаций и т.д. А враг, который там «обжился», не только не собирается сдавать его без боя, но храбро и стойко обороняет этот

ничем не примечательный населенный пункт. А вам необходимо не только выбить его оттуда, но еще остаться живым, целым и невредимым.

Как вы знаете, город характеризуется большой плотностью искусственных сооружений, которые образуют кварталы, улицы, переулки, тупики. Таким образом, войска, действующие в городе на технике, обречены двигаться вдоль улиц, что резко снижает способность их маневра. Здания представляют собой хорошие укрытия для личного состава, но, увы, сокращают сектора наблюдения и дальность ведения огня. Дальность ведения огня снижается также за счет пыли от разрушенных зданий, дыма и огня от горящих строений, разрывов боеприпасов и обычно составляет не более ста метров. Поэтому будьте готовы не только к ведению боя на коротких дистанциях, что называется, «глаза в глаза», но и к тому, что вашему подразделению придется применять в основном стрелковое ору-

жие (автоматы, пулеметы, подствольные и противотанковые гранатометы). Использование ПТУР будет затруднено из-за вышеназванных причин, хотя совсем не исключается.

Следует знать, что ваш взвод или рота могут оказаться изолированными от основных сил. Поэтому подразделение должно быть экипированным всеми возможными вспомогательными средствами, такими как кошки, топоры, легкие приставные лестницы и т.д. Кроме того, бой в городе предполагает использование большого количества ручных осколочных гранат, подрывных зарядов и одноразовых гранатометов, огнеметов или просто выстрелов к РПГ. Отсюда и правила:

1. Перед началом боя запастись максимальным количеством боеприпасов для вверенного вам стрелкового оружия, гранатами, тротильными шашками, дымовыми и сигнальными средствами и всем остальным. Будет гораздо лучше, если после боя у вас останется тяжелый, больно давящий на плечи разгрузочный жилет, чем пустые подсумки, да еще в самый неподходящий момент.

2. Позаботьтесь и о средствах первой медицинской помощи. Есть мнение, что для остановки кровотечения индивидуальный перевязочный пакет лучше всего примаывать резиновым жгутом к прикладу автомата. Непосредственно перед штурмом ваш командир взвода выдаст вам болеутоляющее средство — промедол, которое до этого хранил как наркотическое средство в укромном, одному ему ведомом месте. Шприц-тюбик промедола положите в карман, желательно в пачку сигарет, чтобы в спешке неосторожно не выдавить его содержимого.

3. Перед началом штурма вы должны «пометить» штурмующих. Например, повязать на рукаве полоски белой ткани или бинта. Дело в том, что часто подразделения противоборствующих сторон одеты в однотипную форму, так назы-

ваемую «камуфляжку», практически одинаковой расцветки. А такие метки минимизируют потери от «дружественного огня».

4. Передвигаясь в ходе боя, вы должны быть всегда на чеку, готовы к любой опасности. Однако ничего не бойтесь, разумеется, насколько это возможно. Знайте, враг боится вас больше, чем вы его.

ПОРЯДОК ДЕЙСТВИЙ ВНЕ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ

1. Если вам предстоит двигаться вдоль зданий, используйте отверстия в стенах. При необходимости такое отверстие можно проделать самому. Если вашу штурмовую группу поддерживает танк, то он поможет вам выполнить эту работу. Учитывая, что стены нижних этажей высоких зданий значительно толще верхних, огонь танкового орудия позволяет пробить отверстие в кирпичной стене

приблизительно равное метру в диаметре, а в стене железобетонного здания чуть больше шестидесяти сантиметров. Однако и такого отверстия вполне хватит. Если стены не очень толстые, то их можно легко «просверлить», например, с помощью гранатомета. Он вполне может проделывать отверстия, а заодно и поражать противника за стеной.

2. Будьте осторожны, когда проходите под окнами первого этажа. Держите голову под подоконником. И иначе всегда может найтись тот, кто захочет сделать в ней отверстие.

3. С окнами подвалов все наоборот. Перепрыгивайте их. Иначе если первый боец еще сможет пробежать мимо, то второй уже вряд ли.

4. Если вы вынуждены двигаться по открытой местности, используйте дымы. Держитесь как можно ближе к стенам. Однако если вы все-таки вынуждены проходить по открытой местности, делайте это как можно быстрее. Если двигается целая группа, не стоит перебегать открытый участок по одному! Перебегайте группой, используя дымы и прикрывающий огонь. Эта техника сокращает риск до минимума.

5. Но все-таки старайтесь никогда не пересекать открытое пространство прямо! Всегда ищите путь в обход, даже если он длинный и трудный.

6. Когда вы вынуждены пересекать аллеи, рассредоточьтесь на расстоянии 3—5 метров друг от друга и по сигналу командира перебегайте одновременно.

7. Старайтесь не покидать позиций без прикрытия товарищей. Если вы заняли позицию — будьте готовы прикрыть огнем своего сослуживца.

8. Смотреть стоя из-за угла очень опасно. Это лучше делать лежа, стараясь использовать любое укрытие —

камни, кирпичи. Когда ведете огонь из-за угла, не делайте этого стоя. Все ваше тело будет уязвимо для противника. Стрелять с колена хорошо, но лежа лучше.

9. Если вам необходимо обогнуть небольшое строение, делайте это против часовой стрелки, так как стрелять с правого плеча удобнее и точнее, если вы, разумеется, правша. Да и к тому же в случае огня со стороны противника большая часть вашего тела будет закрыта строением.

10. Не стреляйте через верх вашего укрытия. Ведите огонь сбоку. Вы будете проецироваться на фоне неба или здания.

11. Переползая через стену, старайтесь делать это только лежа. Вы не уверены, что на другой стороне безопасно, — киньте гранату. Если после взрыва кто-то подал признаки жизни, метните вторую.

ПОРЯДОК ДЕЙСТВИЙ ВНУТРИ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ

1. Перед началом атаки ваша штурмовая группа должна действовать в боевом порядке, который укладывается в схему «прикрываешь — атакуешь». Прикрывайте вашего товарища, он потом прикроет вас.

Старайтесь не передвигаться без прикрытия. В зависимости от ситуации — это могут быть так называемые боевые «двойки», «тройки» или «четверки». Изучив характер атакуемого объекта, особенно его систему огня, ваш командир поставит вам задачи и даст команду, а вы под прикрытием аэрозольных средств и огня поддерживающих подразделений должны прорваться к зданию.

2. Проникая в здание, избегайте дверных проемов в подъездах, так как они могут быть заминированы. Для проникновения в здание ваш командир может привлечь

самоходные гаубицы и танки. В указанном месте огнем своих орудий они проделают независимые проломы в стене, через которые штурмовая группа проникает внутрь здания. По мере приближения группы к зданию огонь поддерживающих средств переносится на верхние этажи.

3. Когда вы подошли к месту предполагаемого проникновения в здание, очистите вход или ближайшую комнату от возможного присутствия там солдат противника, кинув туда гранату. Гранату бросайте обязательно с «расчековкой», мысленно отсчитывая время замедления. Делается это так: выдерните кольцо, отпустите рычаг, мысленно отсчитайте две секунды и затем бросайте ее в цель. Это необходимо для того, чтобы после броска не получить ее обратно. Не забывайте, что проделать это надо крайне осторожно, так как граната может взорваться преждевременно. Все это в полной мере относится к гранатам типа РГД-5 или Ф-1. Будет лучше, если в вашем распоряжении будут гранаты типа РГН или ГРО. Однако и эти гранаты могут взорваться, не достигнув цели броска, ударившись о какое-нибудь препятствие (оконная рама или оконное стекло, например). Поэтому желательно, чтобы у вас были гранаты и той и другой системы.

4. После того как вы бросили гранату, вы должны быстро проникнуть в здание, сориентироваться и добить противника выстрелами из своего оружия или огнем обеспечить проникновение в здание своих товарищей.

5. Если у вас имеется подствольный гранатомет ГП-25 — пользуйтесь им. Он может послать гранату гораздо дальше и точнее, чем вы.

6. Внутри здания начните последовательно уничтожать противника, находящегося в коридорах и дверных проемах. После этого командир должен назначить каждой «двой-

ке» комнаты для досмотра. Если вы получили задачу на досмотр комнат, действуйте следующим образом:

— первый из «двойки» вышибает дверь ногой, а если это невозможно — расстреливает замок;

— второй бросает в проем уже подготовленную гранату;

— после этого первый врывается в комнату, короткими очередями расстреливает противника и, если все нормально, — подает команду: «Чисто, выхожу».

7. Находясь внутри здания, помните, что враг может поразить вас не только внутри, но и снаружи строения. Поэтому никогда не стойте напротив окон, в дверных проемах или напротив отверстий в стенах. Если они встречаются, проползайте под ними.

8. Внутри здания наиболее опасны большие комнаты и длинные коридоры. Преодолевая их, держитесь у стен.

9. Входя в комнату, будьте внимательны. Следите за ловушками. И пусть противник уже покинул здание, мины-ловушки могут остаться. Никогда не берите в руки оставленные предметы. Не трогайте выключатели и дверные ручки. Всегда смотрите себе под ноги. Ловушки могут располагаться на путях прохода. Например, на лестнице, в коридорах под различными предметами. Лучше идите более трудным маршрутом. Это спасет вам жизнь. Не вздумайте разминировать мины сами — это работа саперов. Любыми способами обозначайте место установки мин, например лоскутом красного материала. И помните, не мина выбирает вас, а вы выбираете мину!

10. Здание с тонкими внутренними стенами можно очистить с помощью огня пулемета ПКМ, прошивая стены насквозь. Однако помните, что эта же самая стена не защищает вас от пуль противника. Будьте осторожны.

11. «Зачистка» зданий требует действий по разделению «на счет раз» и слаженных действий в штурмовой

команде. Используйте все возможности вашего стрелкового оружия, гранат и зарядов ВВ.

12. «Зачищенные» комнаты необходимо помечать какой-нибудь заранее установленной меткой, например крестом, наносимым на двери или стены мелом или куском битой штукатурки.

13. После того как вы закончили «зачищать» свою территорию, обеспечьте прикрывающий огонь для сил, осуществляющих «зачистку» других зданий, окажите первую медицинскую помощь раненым, эвакуируйте убитых и раненых.

ПОРЯДОК ДЕЙСТВИЙ ПОСЛЕ ЗАНЯТИЯ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ

1. Когда здание захвачено, все подходы к нему должны быть взяты под охрану. Обращайте особое внимание на крыши и подземные коммуникации. Оттуда враг может контратаковать.

2. После овладения необходимым рубежом при первой же возможности запаситесь боеприпасами.

3. Если по каким-нибудь причинам вам предстоит оставаться в здании некоторое время, начните оборудование оборонительной позиции, которая должна отвечать требованиям маскировки и будет иметь широкий сектор стрельбы. Подготавливая свою позицию, необходимо в первую очередь убрать все легковоспламеняющиеся предметы. Если пол деревянный, его лучше покрыть тонким слоем песка. Электричество и газ должны быть отключены. В ходе этих работ надо стараться не изменять фасадный облик здания. Окна, двери, бойницы в стенах должны укрепляться мешками с землей (песком) и другими подручными материалами. Стекла из окон убираются, подвалы, оконные проемы блокируются. Огневые позиция для стрел-

кового оружия устраиваются в основном на нижних этажах зданий. Там же и позиции для ПТУР. Крыши домов оборудуются под позиции для средств ПВО, минометов, наблюдательных постов.

4. Дыры в стенах должны быть также усилены мешками с песком, как и окна. Желательно, чтобы дыры были неправильной формы, дабы обеспечить лучшую маскировку. Для увеличения сектора стрельбы отверстия в стенах делайте конусообразными.

5. Убирайте все стекла из окон, оставляйте только занавески, если они есть.

6. Когда ведется огонь с верхнего этажа, используйте стол с мешками, уложенными на него.

7. Если есть возможность, укрепите пол мешками с песком (землей), особенно если находитесь на втором этаже здания. Это избавит вас от прострела снизу.

8. Если вы располагаетесь на нижних этажах, а напротив вашей позиции есть здание, стоящее выше, возьмите любой стол, положите на него несколько мешков с песком (землей) и ведите огонь из-под них. Вы будете неуязвимы сверху от огня стрелкового оружия.

9. Самая распространенная ошибка — стрельба из окна близко к подоконнику. Это происходит из-за желания расширить сектор стрельбы. Но вы же не можете стрелять по всем сразу. Поэтому стойте в глубине комнаты. Расстояние от подоконника до обреза ствола должно быть не меньше двух метров.

10. То же правило действует, когда вы ведете огонь из пробоин в стенах. Находитесь в глубине, стреляйте с колена или лежа.

11. Используйте позиции на крышах для установки противотанковых средств. Это позволит поражать бронетанковую технику противника, используя более широкий сек-

тор стрельбы. Ведь танкам трудно поразить цель на крыше из-за ограничений в подъеме пушки. Ограничение подъема пушки в вертикальной плоскости, как правило, составляет не более 20 градусов. Следовательно, верхний этаж пятиэтажного здания будет поражен с расстояния не менее 60 метров, а девятиэтажного — не менее 90 метров. Боевые машины пехоты в этом случае имеют преимущества. Их автоматические пушки могут подниматься на высоту 60 градусов.

12. При стрельбе как из ПТРУ, так и из РПГ необходимо учитывать эффект реактивной струи. Для этих целей следует открывать двери или, если позиция удобная и будет использоваться несколько раз, проломить стену. При установке ПТУР и других противотанковых средств разме-

щайте их так, чтобы реактивная струя имела возможность свободного вылета. Для каждого стрелка назначаются одна основная и одна запасная позиция, которая оборудуется в соседней комнате.

13. Если вы ведете стрельбу из РПГ через окна, то делайте это из глубины комнаты. После выстрела сразу же покидайте комнату. Помните, что после вашего выстрела, неважно, попали вы или промахнулись, вас сразу же постараются «вывести из игры», тем более что позицию сразу обнаружат по облаку дыма и пыли.

14. Последний этап в подготовке опорного пункта — это установление заграждений и минирование. Эти функции должны выполнять приданные инженерные подразделения. Особенно минирование! Но вы всегда должны быть готовы оказать им посильную помощь. Для этого используйте все доступные средства: колючую проволоку, противотанковые ежи, покореженную гражданскую технику. Места для установки заграждений вам укажет командир. После установки заграждений их следует дополнить минами. Противотанковые мины трудно установить незамеченными на асфальтовой мостовой, поэтому их нужно маскировать под валяющийся на дороге хлам. В зависимости от местности в некоторых местах могут устанавливаться управляемые минные поля с минами направленного действия.

15. И последнее, на мой взгляд, самое важное. Если даже по удивительному стечению обстоятельств у вас будет и персональная радиостанция, помните, что во время боя из-за переполненного эфира ваша радиосвязь будет неэффективной. Но готов поставить бутылку виски разлива 1885 года, что персональной радиостанции у вас не будет еще этак лет пятьдесят. Во всяком случае, в Российской армии. Поэтому у вас постоянно должна быть зри-

тельная или голосовая связь с вашим непосредственным начальником или товарищами.

Вместо послесловия ко всему написанному хочу выразить надежду, что все эти советы вам никогда не понадобятся и ползать по горящим руинам чужих, а тем более наших городов и поселков больше никому не придется.

Ю. ХАЦКЕВИЧ

В КАМЕННЫХ ЛАБИРИНТАХ

Обобщая мировой опыт ведения боевых действий в населенных пунктах, бой в городе можно назвать самым сложным. Каждый дом представляет собой своеобразный «укрепрайон» из железобетона, с множеством окон-бойниц, сетью канализаций, чердаков и подвалов. В этих условиях действуют совсем другие законы войны.

ЛЕВШИ, ШАГ ВПЕРЕД!

Для успешного решения боевых задач в городе необходима группа, способная бороться с превосходящими силами противника; она должна иметь мощное вооружение, устойчивую связь и быть хорошо подготовленной в тактическом плане. Последнее особенно важно, потому что недостаток тактики сводит все остальное на нет. Горький опыт последних десяти лет не нашел отражения ни в уставе, ни где-либо еще. Наших солдат как не учили тактике боя в городских условиях, так и не учат. Создается впечатление, что война представляется только в полях и окопах. В итоге оценки за неподготовленность расставляют снайперские пули.

Любой город делится на районы, кварталы. Дома в со-

временных застройки часто расположены под углом 90 градусов друг к другу, образуя «коробки». Пятиэтажные застройки, как правило, расположены параллельно друг другу и проезжей части улицы. О всех особенностях застройки необходимо помнить, так как атаковать здания удобнее с торца, против часовой стрелки. Это связано с тем, что большинство людей правши, им удобно вести огонь, когда укрытие находится слева. Если же оно, например, угол здания, расположено справа, то стрелять приходится с левого плеча, а это неудобно и неэффективно. Вот почему очень желательно иметь в каждом отделении левшу. Он выпадает из вышеописанной схемы и прикрывает группе тыл, создавая противнику большие неудобства. Вообще же, по моему глубокому убеждению, должны быть созданы специальные «левосторонние» взводы для ведения боя в городских условиях. Это будет противоречить всем правилам и станет невероятно эффективной мерой, совершенно неожиданной для противника.

Фото 31

ЛОВУШКИ И «КАПКАНЫ»

Часто для того, чтобы взять какое-нибудь здание, необходимо захватить ряд соседних, огонь из которых блокирует все действия штурмующих. После осуществления таких действий те здания, которые стоят торцом к штурмовой группе, будут окружены огнем. Промежутки между ними хорошо простреливаются, а с торцов многие дома не имеют окон. В итоге такого нехитрого маневра можно «поймать» группу боевиков, засевших в 5—6 зданиях.

Также вы получите некоторое преимущество, если вам удастся загнать неприятеля в пятиэтажное здание, находящееся входами к вам. В этом случае противник не сможет свободно перемещаться между этажами: как только он появится на лестничной клетке, тут же станет отличной мишенью. Таким образом, находясь с нужной стороны здания, вы запираете боевиков в комнатах и начинаете спокойно и методично расстреливать их из гранатометов.

Противник рассуждает примерно так же, как и вы. Низкие и неудобные позиции ему неинтересны. Наиболее привлекательны многоэтажные блочные здания, возвышающиеся над всеми другими строениями вокруг, расположенные рядом с широкой улицей или другим открытым пространством. С верхних этажей очень удобно контролировать обстановку: все, что происходит в соседних зданиях, видно, как на ладони. С последнего этажа можно вести снайперский огонь метров на 500 вокруг, причем уничтожить стрелка будет невероятно трудно. Судите сами: стрельба снизу вверх неэффективна, снайпер со всех сторон закрыт; из гранатомета первым выстрелом в окно девятого этажа попасть непросто, а второй выстрел будет бессмысленным, ведь стрелок сразу сменит позицию.

Необходимо стремиться занять такие здания в тече-

ние светового дня, чтобы получить все перечисленные преимущества. Но не пытайтесь прорубить проход во вражеской обороне. Захватив несколько зданий, вы можете оказаться под огнем с трех сторон, а еще хуже — вас могут отрезать от основных сил. Такая ситуация может быть создана искусственно, когда противник незаметно заманивает вас в «капкан». На эти уловки попадаться нельзя, но их нужно практиковать самому.

Вот лишь один метод, очень эффективный. Необходимо заминировать здание так, чтобы при взрыве оно могло быть разрушено до основания, а потом сдать его противнику. Одним нажатием кнопки можно похоронить не один десяток врагов. Уместно вспомнить один случай в Чечне, когда сапер под прикрытием огня подобрался к занятому боевиками зданию и заложил там взрывное устройство. После его отхода оно было взорвано вместе с противником.

МОЖНО И «НАХИМИЧИТЬ»...

Если проводить штурм под прикрытием дыма, нужно установить дистанционные дымовые шашки с учетом направления ветра, допустимо также использовать РПО-Д. Когда дым густо окутает передний край, группа выдвигается к торцу штурмуемого здания. (Для подстраховки иногда уместно перед штурмом «прочистить» проход между домами с помощью направленной мины, а дальше — дело техники.) Но необходимо иметь в виду, что по ошибке можно задымить свои позиции, и тогда преимущество получит как раз противник. Кстати, именно так получилось у боевиков, которые во время штурма Грозного подрывали бочки с нефтью и аммиаком. Неправильно рассчитав ветер, они устроили химическую атаку сами себе!

Вообще о химии нельзя забывать. Все предприятия имеют емкости с десятками тонн ядовитых химических веществ. Например, на каждом мясокомбинате имеются емкости с аммиаком, на предприятиях химической промышленности — с хлором. А с чем стоят цистерны на железнодорожных путях — одному Богу известно. Это могут быть и бензол, и толуол, и серная кислота. И если хлор и бензол отфильтровываются противогазом, то аммиак — нет. Один удачный взрыв — и противника можно вытравить, как тараканов.

Дымовые шашки тоже бывают разные. Некоторые из них выделяют ядовитые газы. Такими шашками нужно вытравливать подвалы от засевших там боевиков. В связи с этим очень умно решение о создании выстрела для РПГ-7 со слезоточивым газом CS, применение которого может многое упростить.

О ВООРУЖЕНИИ

Напомню, что 40% потерь в Чечне наши войска понесли от РПГ, 30% — от стрелкового оружия и столько же — от мин и фугасов. Это тенденция. Поэтому по две единицы РПГ-26, а лучше РГШ, должны быть у каждого, кроме пулеметчика и радиста. Более того, необходимо увеличить число подствольников во взводе до максимума. Огневая мощь при этом возрастет в геометрической прогрессии.

РПГ-7, несомненно, — очень эффективное и многогранное оружие, но его применение в городе сопряжено с рядом сложностей, одной из которых является стрельба из закрытых помещений. Тем не менее 2 гранатометчика с РПГ-7 во взводе должны быть. Большая дальность стрельбы, оптика, настильность траектории выстрела и очень

широкая номенклатура боеприпасов делают это оружие в ряде случаев просто незаменимым, несмотря на появление РГШ, РМГ и МРО.

К сожалению, осколочные и термобарические выстрелы для РПГ-7 — до сих пор большая редкость. При взрыве гранаты ВЛ образуется мало осколков, поэтому ее необходимо доработать самому. К боевой части выстрела приматываются скотчем гвозди, которые можно легко найти в частных домах или гаражах, а скотч необходимо иметь при себе всегда, он очень часто необходим. После такой доработки у выстрела меняется баллистика, поэтому нужно использовать фиксированное количество гвоздей и скотча. Тогда баллистика будет постоянной, и к ней можно будет приноровиться. При взрыве такого выстрела вместо легких алюминиевых осколков будут лететь гвозди-«сотки», одного попадания которого более чем достаточно.

Иногда просто нет времени и возможности на объяснение того, куда необходимо стрелять. Для целеуказания у помощника гранатометчика должен быть рожок, полностью заряженный трассирующими патронами. По команде «цель!» гранатометчик готов открыть огонь, а его помощник пускает «трассу» в окно, где засел противник, после этого туда влетает выстрел от гранатомета. А в других случаях трассирующие пули из боекомплекта, на мой взгляд, необходимо исключить, они сильно демаскируют.

Дальность стрельбы в городском бою не превышает 500 метров, а чаще всего огонь ведется на дистанции 100—200 метров и ближе, поэтому необходимости в СВД я не вижу. Для снайперов гораздо удобнее пользоваться более короткими СВУ-АС и ВСС.

Вообще, хоть это тема для отдельного разговора, было бы целесообразно переделать СВУ-АС под менее мощный

патрон, например 6-мм РСС, очень настильный. Или переработать под схему «булл-пап» РПК-74. То есть создать своего рода «гибрид». Такое оружие с магазином на 30 патронов может занять промежуточное положение между снайперской винтовкой и автоматом, что позволит всем рядовым стрелкам иметь возможности снайпера, а снайперам при необходимости вести автоматический огонь.

Столь же остро ощущается необходимость для стрелка дополнительного оружия — обычного пистолета, причем неважно какого. Даже пистолет Макарова в узком подвале или внутри жилых помещений бывает крайне необходим. Но наше командование считает, что солдату пистолет не нужен.

О ГРАНАТАХ — ОТДЕЛЬНО

Гранаты в городском бою очень востребованы, и чем их больше, тем лучше.

Специально для условий боя в городе были созданы гранаты РГО и РГН. Они взрываются при ударе о преграду мгновенно. Очень эффективная штука, потому что ее невозможно выкинуть обратно и нет времени на то, чтобы укрыться. Но, применяя эти гранаты, надо соблюдать предельную осторожность. Если вы бросите ее в окно второго этажа и попадете в подоконник, то сами станете жертвой собственной неточности. Если попытаться кинуть РГО или РГН через секунду после отброса предохранительного рычага, она мгновенно взорвется, даже не успеете пальцы разжать.

Ф-1 лучше не использовать вообще. Она почти в 2 раза тяжелее, чем РГД-5, но не имеет перед ней явных преимуществ в закрытых пространствах. Поэтому две РГД-5 или РГО предпочтительнее, чем одна Ф-1.

Если вы бросите гранату с многоэтажного дома, то она взорвется в воздухе, так и не долетев до земли. Иногда это полезно, но, когда нужен взрыв на поверхности, нужно поместить гранату без чеки в бутылку с отбитым горлышком или «лобастый» стакан. При падении стакан разобьется, и граната взорвется через 4 секунды.

НЕМНОГО О ТАКТИКЕ ШТУРМА

Для более эффективного взаимодействия необходимо поменять во взводе всю организацию и разбить его не на отделения, а на «шестерки». В итоге получится четыре «шестерки», две из которых — штурмовые и две — позиционные.

В штурмовой «шестерке» пять автоматчиков с подствольниками и снайпер с ВСС. В позиционной — пулеметчик с ПК, помощник пулеметчика, гранатометчик с РПГ-7, помощник гранатометчика, снайпер с СВУ, снайпер с ВСС. В одной из позиционных «шестерок» находится радист, а командир — с ВСС, ему не нужно светиться лишней раз.

Позиционные «шестерки» прикрывают штурмовые, пока они проводят захват здания. Прикрытие получается очень надежное. Представьте себе — четыре снайпера и два пулеметчика на 1—2 здания. Попробуй тут высунись, а если высунулся, то получишь выстрел из РПГ, а в это время штурмовая группа еще и гранатами закидывает. Вот тут-то и хорошо бы иметь «левостороннюю» «шестерку». «Правые» и «левые» могут обрабатывать противника с двух сторон. После того как здание захвачено, позиционные «шестерки» подтягиваются в него.

Ночью взвод перегруппировывается. Шесть снайперов и шесть стрелков из штурмового взвода отправляются

на охоту, разбившись по парам. Эти шесть пар могут за одну ночь «вычистить» целый квартал, провести разведку, выявить снайперские гнезда, понаставить мин и т.д. Остальные действуют и перемещаются по их наводке.

ОПТИКА

Особое внимание необходимо уделять ночной оптике. Надо учесть, что, когда вы убираете глаз от окуляра ночного прицела, ваше лицо на мгновение освещается. Это может стать хорошей приманкой для вражеского снайпера.

Очки ночного видения имеют очень узкий сектор обзора — 40 градусов, поэтому приходится постоянно крутить головой. Более того, большинство из них оставляет желать лучшего. Порой невооруженным глазом видно лучше, особенно в пасмурную погоду. Вместо очков предпочтительнее иметь ночной прицел. В качестве профилактики необходимо периодически пускать сигнальную ракету в сторону позиций противника. Это засветит чувствительную ночную оптику. К засветке наиболее устойчивы приборы 2+ поколения, а 1+, 2-го и 3-го поколений могут быть легко засвечены. Не пользуйтесь лазерным целеуказателем, он может выдать вашу позицию.

С появлением тепловизионных прицелов уже никто не может чувствовать себя на поле боя в безопасности. Любой предмет, нагретый выше абсолютного нуля, излучает тепло. Прибор улавливает это излучение и отображает на дисплее. Все материалы нагреваются по-разному, поэтому на общем фоне ярче всего видны предметы из металла, нагретые двигатели (ярко-зеленые), теплокровные животные. В оптику можно не заметить танк, стоящий в кустах. В тепловизор он будет виден ярко-зеленым на фоне блед-

но-зеленых зарослей. Так же и человек. Стоит вам высунуться из-за дерева, и вас уже обнаружили. Прибору не мешает дым, заросли, дождь, снег. В дыму вы ничего не видите, но это не значит, что вас не видно.

Пока такие приборы ставят на технику и ПТРК, но уже есть тепловизионные прицелы и для стрелкового оружия. Лишь очень большая цена (от 20 000 долл.) мешает их широкому распространению. В ночном бою снайпер с таким прицелом мог бы буквально выкашивать вражеских снайперов, выдвигающихся на позиции с расстояния в 500—600 метров, оставаясь абсолютно безнаказанным.

ПОДРУЧНЫЕ УКРЫТИЯ

В окна первого и второго этажа очень удобно кидать гранаты, поэтому их лучше не занимать. Но если все же ваша позиция находится на первом или втором этаже, то от гранаты можно защититься оригинальным способом. В каждом доме есть ванна. Ее необходимо вырвать из пола и перенести непосредственно к вашей огневой точке. Установить ванну следует вверх «брюхом» в углу, так, чтобы она «смотрела» одним концом на центр комнаты. Куда бы ни упала граната, осколки будут проходить под острым углом к ней. Стандартная отечественная ванна сделана из железа приличной толщины, поэтому легкие осколки от ВОГ или РГД-5 ее не пробьют, а вот Ф-1 может, поэтому конструкцию нужно усилить матрасами и батареей, привязанной к фронтальной части ванны веревкой, пропущенной через водосточные отверстия.

В случае опасности применения гранатометов и невозможности покинуть помещение, необходимо забраться под ванну головой к углу, плотно зажать руками уши и от-

крыть рот. Не старайтесь выбросить влетевшую в окно гранату, потому что при таких попытках она, как правило, взрывается в руках. Увидев, что граната влетела в окно, просто-напросто немедленно «вылетайте» из помещения.

Перевернутым мусорным баком можно накрыть канализационный люк и безопасно наблюдать через проделанное в нем отверстие, а затем уходить обратно под землю. В этом случае имеет смысл прислонить к стенке бака изнутри, с самой опасной стороны, крышку от канализационного люка. Бак можно прострелить, а вот бак и крышку уже не получится.

«МЕЛОЧИ», КОТОРЫЕ НЕОБХОДИМО ЗНАТЬ

Осмотр местности из-за угла нужно проводить лежа и смотреть только одним глазом, так ваш профиль будет минимальным. Можно обезопасить себя в этой ситуации обыкновенной сковородкой, в которой необходимо проделать отверстие и смотреть через него. Сковородка будет сливаться с фоном местности, особенно если вымазать ее грязью, а когда по вам откроют огонь, она защитит от осколков и даже пуль.

Если на вас бестолковая армейская каска, то никогда не затягивайте крепежную лямку на подбородке, иначе вам свернет шею, стоит пуле даже вскользь задеть каску. Обязательно носите наколенники. Их можно приобрести в любом спортивном магазине или на худой конец сделать самому из автомобильной покрышки. Одно неудачное падение может очень дорого стоить.

Очень важно не застудить внутренние органы, сидя и лежа на холодном бетоне и земле. Коврик должен быть если не у каждого, то хотя бы один на двоих, и «пятито-

чечник», то есть подкладка под «заднее место», — обязательно.

После начала боевых действий в городе полностью вырубаются свет. Сразу же происходит сброс нечистот в водозаборы. Вся вода после этого становится непригодной для питья, особенно в жару, в ней моментально развиваются возбудители инфекционных заболеваний. Даже вода из колодцев в пределах городской черты небезопасна. Необходимо обязательно иметь запас воды, не менее двух литров на человека.

ОГНЕВЫЕ ПОЗИЦИИ

Хорошими огневыми позициями являются проломы в стене, имеющие небольшой диаметр. Из них удобно вести огонь, и в них очень непросто попасть противнику. Как правило, с таких позиций стреляют снайперы и потом закрывают дыру кирпичом или траком от подбитого танка.

Если пролом большой, а позиция очень удобная, часть пролома можно закрыть. Лучшим материалом в этой ситуации является крышка от канализационного люка. Она очень тяжелая, но мучения вполне оправданны. В ряде случаев такая крышка невероятно удобна, особенно когда ею можно закрыть дырку в стене полностью. Наблюдая через перископ или буссоль, вы находите цель, откатываете крышку, делаете выстрел и сразу ее закрываете. Противник не успевает понять, откуда стреляли, а пробить такую преграду можно только из крупных калибров.

При оборудовании огневой точки важно помнить, что тонкие кирпичные стены простреливаются из ПК и СВД. В окнах необходимо выбить остатки стекол вместе с рамой. Щепки, отлетающие от рамы при попадании в нее

пули, могут угодить в глаз. Стрельбу и наблюдение надо вести только из глубины здания — это безопаснее. Не видно ни вас, ни вспышек пламени от выстрелов, ни дыма, а звук сильно гасится внутри помещения. Не высовывайте голову из окон и вообще — ведите себя так, как будто все вокруг кишит вражескими снайперами. По сути дела, так оно и есть.

КАК УВЕЛИЧИТЬ МОЩНОСТЬ ВЫСТРЕЛА

Если есть необходимость пробить кирпичную стену или дерево, но не удастся этого сделать, есть способ. Проволокой необходимо закрепить затворную раму, привязав один конец к креплению ремня, а второй накинув петлей на выступ затворной рамы. Смысл в том, что часть пороховых газов уходит через газоотводное отверстие на перезарядку (откат затворной рамы), что забирает часть дульной энергии.

Выстрелы при таком способе будут только одиночными (нужно будет каждый раз перезаряжать вручную), но более мощными и с сильной отдачей. Этот способ также увеличивает дальность стрельбы и улучшает настильность траектории пуль. За ствол не беспокойтесь, он и не на такое рассчитан.

О СТРЕЛЬБЕ ИЗ ПОДСТВОЛЬНИКА

Стрелять из подствольного гранатомета, нажимая на спуск правой рукой и упирая приклад в плечо, неудобно. Проще упирать в плечо пистолетную рукоятку или сложить приклад.

Для навесной стрельбы необходимо прикрепить к автомату с ГП-25 обычный строительный угломер (продается в каждом хозмаге) и запоминать угол, под которым был пущен ВОГ. Так удобнее будет корректировать огонь. Имейте в виду, что ВОГ становится на боевой взвод, пролетев 10—15 метров. При выстреле в упор в окно или дверной проем он может и не взорваться.

ВХОДИТЕ БЕЗ СТУКА...

Входить в здания безопаснее через проломы, так как двери очень часто заминированы. Если же входите в дверь, дайте по ней очередь, затем ударом ноги откройте ее, киньте гранату и отойдите в сторону. После взрыва немедленно врываются в помещение.

Необходимо помнить, что, если дверь открывается наружу, ее откроет взрывом и может больно дать вам по лбу. Если внутрь, то уцелевший противник может за ней прятаться. Бронебойные пули стабильно пробивают даже железные двери. Используйте только бронебойные пули!

ПРИМЕНЕНИЕ СНАЙПЕРОВ

Очень эффективны в городском бою крупнокалиберные снайперские винтовки. Они позволяют достать противника даже за стеной. Снайперы с такими винтовками должны вести огонь из глубины наших позиций, не подходя близко к переднему краю. Удобнее всего для этого использовать высотные здания.

На всей протяженности сектора обстрела необходимо развесить лоскутки ткани в местах, где направление ветра может меняться. В городе ветер очень неоднороден и на протяжении всей дистанции полета пули может дуть в противоположные стороны. Развешивание лоскутков необходимо поручить разведгруппе, которая выдвигается в

интересующий вас район и может попутно это сделать. После занятия нашими силами позиций противника и продвижения вперед эти тряпочки обязательно нужно снять, иначе они будут работать уже на вражеских снайперов.

Снайперу надо помнить, что вода с асфальта и бетона испаряется сильнее, чем с почвы, и эти испарения сильно понижают траекторию полета пули.

Снайперам очень полезно иметь горную подготовку и снаряжение для спуска с крыш. Может просто не быть возможности покинуть позицию иначе, как спуском по стене вниз. Для этого необходимо иметь веревку длиной 35—40 метров.

Наиболее опытные специалисты могут стрелять с заводских труб. Это самые высокие точки в городе, и такая позиция открывает великолепные возможности для разведки, корректирования огня артиллерии и снайперской стрельбы. Но, когда такая позиция обнаруживается, стрелку, засевшему в таком гнезде, очень сложно спуститься: лестница только одна, и противник будет ее обстреливать, а и того хуже — долбанут из танка разок-другой. Поэтому очень важно не выдавать себя. Для этого необходимо закрепиться на шнуре, устроиться в всячем положении прямо в трубе и наблюдать через буссоль.

Если вас обнаружили, будьте уверены, что на ваше уничтожение огня не пожалеют, поэтому необходимо немедленно убираться. А уйти в такой ситуации можно только по противоположной от противника стенке трубы или, еще лучше, внутри трубы вниз, но для этого заблаговременно нужно взрывом проделать у основания отверстие для отхода. Конечно, для такой акробатики необходимо иметь длинную веревку, большой опыт и незаурядные способности.

БОМБЫ-«СЮРПРИЗЫ»

Неразорвавшиеся бомбы и НУРСы должны привлечь ваше внимание, если они находятся в удачных местах, то есть вблизи противника. К ним можно прикрепить шашку с пластидом (чистый тротил непригоден для этих целей) и при необходимости выстрелом из снайперской винтовки подрывать ее вместе с бомбой. Эффект будет потрясающий. Когда перед противником вдруг «ни с того, ни с сего» взрывается бомба, это застает его врасплох.

На бомбах, углубившихся в почву, необходимо установить радиоуправляемое взрывное устройство. Фугасная бомба массой 500 кг может разнести сразу пару зданий, если находится между ними. Стоящая на железнодорожных путях цистерна с бензином или сжиженным газом тоже может стать бомбой, но уже куда масштабнее. Думаю, не стоит объяснять, каков будет эффект при подрыве 38-тонной цистерны со сжиженным газом.

ГДЕ МОЖНО ОТСИДЕТЬСЯ

Засиживаться даже на самых удобных позициях долго нельзя. Во время бомбежки необходимо уходить под землю, в подвалы и канализацию. Те, кто не видел, как взрывается ФАБ-1500 или ОДАБ-500, могут быть очень неприятно удивлены. При взрыве образуется воронка более 20 метров в диаметре, а всем находящимся на расстоянии 150 метров от эпицентра взрыва обеспечена контузия с кровотечением из ушей и носа.

При взрыве тяжелых объемно-детонирующих бомб возникают сильные ультразвуковые колебания, приводящие к остановке сердца, разрыву почек, печени и т.д. Эти ко-

лебания легко проникают через стены и укрытия, так что, находясь в непосредственной близости от взрыва такой бомбы, не укроешься ни в подвале, ни за углом. Единственное спасение — это бомбоубежище. Они есть под каждым административным зданием, ДК, школой, заводом. Бомбоубежища полностью автономны и имеют собственный генератор с приличным запасом топлива, они находятся на глубине в три этажа и остаются целыми после бомбежек.

В таких удобных укрытиях может отсиживаться противник, по ночам выходя на охоту. Вход у бомбоубежищ, как правило, один, но проникнуть внутрь можно также через шахты ФВУ.

Если вы попали в окружение и нет особых иллюзий насчет прорыва, оккупируйте бомбоубежище и ждите. В таком бункере можно немного дольше продержаться в гораздо более спокойной обстановке.

Единого мнения по поводу тактики ведения боевых действий в городских условиях нет и не будет. Мы, наученные горьким опытом новогоднего штурма Грозного, отказались от газотурбинных двигателей на танках и, надеюсь, перестанем на ура вводить бронетехнику в города. Может быть, наших солдат наконец вооружат современным оружием, хорошими прицелами. Но главное — к войне в городе надо быть готовым. Для этого необходимо учить солдат всем тонкостям, отрабатывать действия в составе отделения, взвода, роты. Когда все это будет практиковаться, тогда мы перестанем нести такие чудовищные потери в городских боях.

Дмитрий ДУБРОВСКИЙ

ЧЕЧЕНСКОЕ РОЖДЕСТВО

Буквально два слова вместо вступления. Вы прочитаете откровение человека, державшего в руках не только автомат, но и видеокамеру. Такие, как он, создают Память. Чем-то его рассказ очень напоминает пронзительный фильм 70-х годов «Служили два товарища». Только вместо актеров — война...

...Все начиналось как обычно. Утром подъем, завтрак, построение. Дальше — «по плану», но планов еще нет. Наконец узнаю, что скоро куда-то поедем вместе с СОБРОм и ОМОНОм. Куда — пока тайна, и зачем — тоже. Суеты приготовлений не видно, все как всегда. Напрягаю память — какой же сегодня день? Ах да, 7 января. Рождество...

Ближе к 10 утра поступила информация, что на блокпосту задержали двоих басаевцев. Отправил туда помощника с фотоаппаратом. Сам жду — подзаряжаю аккумуляторы для видеокамеры. Ближе к обеду обстановка проясняется — едем. На пороге здания РОВД сталкиваюсь с Рахмановым, у него в руках какой-то листок, сам он явно озабочен. Упреждая мой вопрос, Виктор начинает меня отговаривать: «Нечего там делать, мы только в оцеплении будем стоять, и видно ничего не будет!» «Вот оцепление и снимаю!» — парирую я. Он жмет плечами: «Как хочешь».

Чуть позже мне передали приказ начальника РОВД ехать с группой уголовного розыска на операцию. Наконец стали всех записывать в журнал, в списке я оказался под номером 11. В дежурке выдали бронежилет. Надеть его самостоятельно я не смог. Зашел в секретариат за помощью. Петя Коптелов помог разобраться в этих доспехах

конца XX века. Во дворе комендатуры завелась БМП, одновременно на территорию РОВД вкатился «Урал» с якутским ОМОНОм. Обменялся с ними парой фраз. Узнав, что их будут снимать, ребята заранее попросили переписать пленку.

Народу стало прибавляться. Судя по разговору, понял: едем освобождать заложников от 50 бандитов. Милицейский спецназ вооружен основательно, упакован в «разгрузки». Мы же выглядим бледновато. По четыре рожка на брата, у Соловьева «Муха», выменянная на водку. Ближе к обеду была сформирована колонна. Два БМП, «Урал», «КамАЗ» с СОБРом, и мы, разделенные на три группы, на трех машинах: «ЗИЛ-130» (фургон), «УАЗ-469» и «санитарка». Мне определили место в «ЗИЛе», старшим Соловьев, с нами кировские опера.

Пока ехали, перезнакомились. Через десять минут были на месте. Трубный завод располагается в 50 метрах от дороги и тянется вдоль нее чуть больше километра. Резко тормозим, шофер Серега Осипов с трудом сдвигает дверь кунга, и мы спрыгиваем на мокрый асфальт. Впереди спецназ залег на снегу в поле, перед забором. Рахманов велел оставаться в машинах, а сам пошел выяснить, в чем дело. Как оказалось, в СОБР кто-то выстрелил.

Виктор приказал всем спешиться, 2-й и 3-й группам двигаться к сетчатому забору. Пока группы перемещались, БМП въехала на территорию с бокового входа. Вторая боевая машина, прикрывавшая тыл колонне, отделилась от всех и взяла курс на административное здание промплощадки, что находилось в пяти сотнях метров от места, где разворачивались основные события. Буквально через несколько минут на разных концах предприятия слышалась беспорядочная стрельба.

Опера, оказавшись у сетки забора, стали лихо перекусывать ее штык-ножами, но это дело им отменили. Поступила команда — группе уголовного розыска совместно с ОМОНОм двигаться вдоль арыка к бетонному забору. Другая часть отряда должна выйти к нему по трассе. Команды отдавал полковник из комендатуры, сидевший в бронетранспортере. Свое место он определил на обочине дороги, напротив угла завода.

Ребята начали быстро выполнять приказ. Я снимал это все на камеру. Моя группа отправлялась на усиление командирской БМП на угол периметра. Соловьева с нами

уже не было, он присоединился к соборцам (своим бывшим сослуживцам). В видоискатель камеры я успел поймать, как от основной группы, бегущей по автотрассе, отделилась небольшая часть людей и также направилась к трубному. При этом подумал: как хорошо получился на пленке Рахманов, что-то говорящий по рации и уходящий в сторону заводской котельной. Сейчас я часто прокручиваю этот момент...

Еле успел запрыгнуть в фургон, чуть не свалившись с подножки, — всему виной тяжеленный бронежилет. Мне помогли забраться мои новые товарищи — кировцы. Машина только начала набирать скорость, как со всех сторон послышался грохот выстрелов. Еще не доехав до мес-

та, через незапертую дверь фургона увидели бегущих людей в белых маскахалатах и камуфляже «снег» (обычно такой носят собровцы). Мы подумали, что это подразделение МВД, присланное нам в помощь. Такое предположение имело под собой все основания, так как в селе Герменчук, вблизи которого все происходило, в это время базировался алтайский ОМОН. Но вдруг под нами что-то грохнуло, грузовик подкинуло. Потом еще раз. Через открытую дверь повалил фиолетовый дым. Водитель Серега Осипов выскочил из кабины и заорал: «Под вами бензобак, сейчас все сгорите!» Мы мигом оказались на обочине. Слева от нас находилась боевая машина с руководителем операции. Боевики, поначалу со всей мочи стрелявшие по нам, отвлеклись на проезжавшие в это время мимо пять армейских бензовозов. Те, в свою очередь, прибавили газу.

Виновники бешеной пальбы у стен завода — двадцать моджахедов, появившихся у здания котельной, — со всех ног «рвали» по железнодорожной насыпи. В их сторону ударили одновременно пятнадцать стволов. Трое свалились замертво, остальные, скрываясь за насыпью, упорно двигались к воротам в промзону. Три «чеха» в зеленых бушлатах замешкались у ворот, и это стоило им жизни. Крайнего справа снял Виталик Бредун. Бандиты открыли шквальный огонь по нашим группам. Ребятам пришлось уходить к бетонной ограде арыком, по пояс в студеной воде.

Пока разворачивались действия напротив красного здания котельной, отряд собровцев вышел напрямик к пролomu в заборе. На пути к цели был глубокий арык, с обеих сторон поросший кустарником. Переправиться на ту сторону помогли Лунин с Юнусовым. Встав в воду в резиновых сапогах и подставив спины, они создали подобие мостика, по которому спецназовцы перешли на другой бе-

рег. В тот же момент по ним открыли огонь с заводских построек и башенных кранов. Соловьев, оказавшийся у пролома, увидел сквозь него четырех бородачей, пробегающих мимо недостроенного ангара. Мгновенно среагировав, он выстрелил из подствольного гранатомета. Граната, сверкнув сиреневым огоньком и описав в воздухе параболу, рванула у четверки прямо под ногами, накрыв всех. Откатившись в сторону, Соловьев уступил свою позицию Инейкину, и тот завалил автоматчика.

На нашем фланге шла дикая перестрелка. Боевики группами стали обходить нас слева и справа, пытаясь отсечь с одной стороны от своих, с другой — от села Герменчук. В БМП дважды попали из подствольного гранатомета, и машина заглохла. Часть ее экипажа находилась вместе с нами. В это время раздались крики: «Раненый!» Оказалось, пулеметчика, лежавшего возле дерева, достал снайпер. В него попали две пули, одна задела шею, другая пробила ключицу. Парня отвели на другой берег арыка и перевязали. Моя камера запечатлела и этот момент.

Боевая машина все-таки со второй попытки завелась и стала обходить наш фургон, стоявший на дороге. Командир БМП, лежавший у арыка вместе с нами, предположил, что начинается эвакуация и нам необходимо подбежать к машине, чтобы, прикрывшись броней, уйти к селу. Но, как показали дальнейшие события, у полковника были иные планы. Дав «форсаж», он исчез. Вслед ему, удирающему и бросившему нас на произвол судьбы, боец-контрактник крикнул: «Сука, достану — убью!»

Меня за ноги стащили в арык. Юферов назидательным тоном сказал: «Лучше мокрые берцы, зато целая башка». Вторым стащили вниз опера из Кирова Килякова: его кон-

тузило, и он палил не соображая... Сообща приняли решение прорываться и идти к своим. Послушали рацию, там был полный сумбур. Все это навело на мысль, что командование потеряло связь с подразделениями. Над нами постоянно грохотали разрывы гранат, горохом щелкали пули.

Шли мы по колено в илистой жиже. На одном из пятчиков решили отдохнуть, осмотреться. Было слышно, как боевики хлопают дверцами нашего «ЗИЛа». Они прекрасно знали, что мы где-то рядом, и стали орать: «Сдавайтесь!» Мы огрызнулись автоматным огнем. Нам в ответ послышалось международное слово — «Козлы!», а затем очереди из автоматов. Наверное, впервые в жизни мне не захотелось спорить с этим утверждением... Не обращая внимания на беспорядочную стрельбу, мы разделились на три

группы. В первой — два человека (раненый и сопровождающий), вторая — основная, пять человек, и третья — группа прикрытия. В последней были я и командир БМП Денис. Мы вдвоем прикрывали отход всей группы.

Переход по арыку в безопасное место — занятие не из легких. Постоянно в позе для мытья полов, изредка выглядываешь для ориентировки. Отовсюду стреляют, пули роями с визгом проносятся мимо. Через сто метров я дико вымотался — сказывалась тяжесть бронежилета, к тому же он сковывал движения. Мой напарник и пришедший на помощь срочник расстегнули на мне бушлат и содрали броник. Дальше ползти было уже легче. По дороге наткнулись на бетонную трубу, служившую мостиком через арык, там сидели две чеченские женщины и ребенок. Они случайно оказались под обстрелом и пережидали бой в убежище. Женщины спросили: «Ребята, когда выйти можно будет?» «Откуда мы знаем!» — был откровенный ответ...

Своих так и не обнаружили. По радиации установили связь с кадровиками, которые, выехав из Моздока, тоже оказались в этой «каше». Раненому сделали повторную перевязку. Парень от потери крови стал замерзать, и я отдал ему свою шапку.

Все это время у бетонного забора происходили другие события. По нашему отряду стреляли из всего, что только может стрелять. Ребята вели ответный огонь через дырки и щели в заборе.

Несколько минут над позициями летал транспортный вертолет Ми-8, «духи» с улюлюканьем его обстреляли. Под их огонь также попали две машины «ГАЗ-66», в которых сидели минометчики. Как позже выяснилось, комендант послал их к нам на помощь.

Всеми, кто находился возле заводской стены, руководил командир якутского ОМОНа Саныч. В своем послужном списке он уже имел девять командировок в «горячие точки».

...Первым погиб пулеметчик из Якутии Стас Голмарев. Он со своим напарником Славой оказался напротив гаража, где они и нарвались на трех автоматчиков. Пуля из автомата ударила в край «броника», Стаса развернуло, и тут же очередь из ПК разворотила ему бок. Стас ценой своей жизни «засветил» вражескую засаду. Его товарищ, шедший немного сзади, успел скатиться в арык. Из-за стены ему кричали: «Русский, сдавайся!» Он потом рассказывал, что, отстреливаясь из пулемета, подумал: «А на бурята они согласятся?»

Ему на помощь выдвинулась группа якутских омовцев. Место кругом было открытым, поэтому для спасения товарища зашли с фланга, продвинувшись по арыку. Один из омовцев лихо выскочил из-за забора. Как раз в этот момент бандит менял магазин. Пристрелив его, наш парень откатился снова за забор. И вовремя, потому что второй «дух» запоздало открыл по нему огонь. Действуя профессионально, якуты перестреляли половину боевиков, засевших у гаража, остальных отогнали огнем. После чего, укрывшись за бетонной перегородкой, стали пить кофе из термоса. Как говорится, «война — войной, а обед по расписанию». У Славы заклинило пулемет, и он поплыл по арыку в сторону основной группы. Собровец, увидевший торчащую из воды голову, спросил: «Ты кто?» Тот слегка подвсплыл и ответил: «Якутский ОМОН».

Саныч, имевший богатырский рост, носился по позиции между лежащими бойцами. Ему кричали: «Саныч! Пригнись!» Он пригнулся, и в тот же миг снайперская пуля

пробила затылок и вышла через рот... Еще живого, его стащил в арык Соловьев.

Потом разрывом гранаты ранило в спину Халилова. В трех метрах от забора ранило в голову собровца, лежащего рядом с гранатометчиком.

Чуть позже подъехал БТР, устроив дымовую завесу. На него погрузили раненых и убитых. Бандиты поняли, что дым скрывает наших, и открыли огонь. БТР отошел, и все рассредоточились по своим позициям. Получилось так, что Рахманов, Нурдинов и Якупов в один из моментов боя оказались вместе. Их накрыла граната из бандитского подствольника...

Под прикрытием собровцев произошла перегруппировка. Вдруг на дороге показался БТР, на броне которого сидели 8—9 человек. Им стали кричать, чтоб они спрыгивали. Они услышали крики и начали бить прикладами по корпусу. БТР остановился, и с него горохом скатились солдаты. Однако одного в момент прыжка снял снайпер. Остальные залегли по обе стороны дороги.

В это время по цепи передали: «У кого есть трассирующие пули, подсветите снайпера». Трассеры оказались у Виталия Бредуна. Трижды ему под огнем пришлось подыматься на полкорпуса, указывая очередями, где находится снайпер. Наконец гранатометчики засекли вражескую огневую точку и три раза выстрелили по ней. Одна из гранат попала в цистерну, прикрепленную к дому на уровне второго этажа. Еще через несколько минут у БТР заклинило пулемет, и машина отошла.

Поняв всю бесперспективность своего пребывания в этом месте, наши решили, прикрывшись белой дымовой завесой, по двое и по трое отходить за дорогу. Перед броском в группу прикрытия собрались все, у кого были

подствольные гранатометы. Используя дым и огонь гранатометчиков, планомерно начали отход, забрав тела погибших товарищей. Бредун и Симонов вынесли Рахманова, Стругалев — соборца.

Когда стемнело, подошел бронетранспортер, внутрь погрузили раненых, снаружи — убитых. Чуть позже за ребятами пришли БМП и БТР. Прикрывшись броней, наши бойцы вышли из-под обстрела.

В 800 метрах с 17.00 стояли танки и пехота, но без команды не двигались. Генерал сколачивал войско, пока милиционеры связывали боем около 400 боевиков.

Судьба моей группы была несколько иной. Мы,ждавшись темноты, прикидывали два варианта. Первый — по лесу выйти к блокпосту. И второй — ждать до утра. Но на руках был раненый, и оба варианта отпали сразу. Все это время где-то стрелял танк, было слышно, как стреляные гильзы с лязгом падают на асфальт. Наконец мы приняли, как потом выяснилось, абсолютно правильное решение. Сергей Осипов, наш водитель, взял с собой двух человек, и все они, пользуясь темнотой, пробрались к машине. Осмотрев ее на предмет «сюрпризов», подогнали фургон к нам. Мы быстро загрузились и для безопасности расположились на полу. Осипов предупредил: «Держитесь, буду гнать, не разбирая дороги!» Как мы ехали, это отдельная история...

Внезапно нашу машину осветили лучи прожекторов. Сергей крикнул: «Кто-нибудь выйдет, покажитесь, что мы свои!» Двое лежавших рядом с выходом соскочили на землю, и это было сделано вовремя: по нам хотели было открыть огонь. Мы приехали в нужный момент — оказалось, что за нами готовились отправлять поисковую группу. Всех посадили в «КамАЗ». Правда, ехать пришлось стоя.

★ Афган. Чечня. Боевой опыт

Пока добирались, делились впечатлениями о пережитом. В дороге я узнал о погибших.

...Рахманов, Нурдинов и Якупов. Их тела лежали рядом в кузове, покачиваясь в такт ходу машины. Рахманов так и остался у меня перед глазами уходящим к трубному заводу.

Кто-то в сумраке кузова вздохнул: «Да... Покрестил нас сегодня чеченец, уж покрестил...»

P.S. На следующий день, 8 января, армейцы и СОБР добили прорывавшихся на Аргун в районе села Герменчук боевиков.

Сергей СВАТОК

СНАЙПЕР

ВСЕ БЫЛО НЕ ЗРЯ, СНАЙПЕР...

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

У нас много говорят о профессиональной армии. Если бы ее можно было создать из слов, мы имели бы лучшую армию в мире. Но, к сожалению, из слов не создается и не рождается ничего. Разве только политики... В них у нас никогда не было дефицита.

А я смотрю на лежащий передо мной на редакционном столе камень. Его форма необычна — гладкий, почти идеально округлый. На первый взгляд не возникает сомнений, что он специально обточен человеком. На самом деле его шлифовала сама природа. Этот камень привезен из горного района Чечни.

Так и война шлифует солдата. Контрактник, армейский снайпер Олег Труба (псевдоним) стал на ней профессионалом. Сегодня его душа мечется, не находя себе места в мирной жизни. Хорошо это или плохо, но у него так. Из охранников, хлопнув дверью, ушел по собственному желанию. Сейчас собирается устроиться по прежней военной специальности. Сетует, что не на всю жизнь:

— Нет в армии такой профессии. А контрактник...

это от войны до войны. Снайпером же нужно служить всю жизнь так же, как служат офицеры или прапорщики. Нам противостояли матерые снайперы, имеющие до трех колец прикрытия. Их берегли. Я не имею в виду «камикадзе», бросовых отморозков, стреляющих до последнего, к примеру, с башенного крана. А мы учились сами, кто как сумел...

В общей сложности он провел на войне двести дней. Все это время — снайпером разведроты мотострелкового полка. Первый раз — с октября по февраль, на «грозненском» стыке 1999—2000 годов, второй — с октября по Новый год нового тысячелетия. Уже из этого можно понять, что Олег не из тех, кто приезжал в Чечню, чтобы сорвать денег и смотаться или перевестись на тыловую должность. Представляя читателю фрагменты его «снайперской автобиографии», сразу скажу, что не все из них годятся в качестве примера для коллег. Некоторые скорее «нет», чем «да», по его же собственной оценке с нынешней высоты своего опыта. Война в обнаженном виде мало напоминает учебник по тактике. Но... как же много тебе нужно пройти, солдат, и как трудно тебе уцелеть на этом пути, чтобы стать воином в полном смысле этого слова. И как дешево ценится этот твой путь... Тебе говорят, что свои «боевые» ты получил сполна, без обмана. Это так. Но не о «боевых» думал ты, кувыркаясь под пулями. А сейчас ты думаешь о тех, кто идет по твоим стопам, начиная на «ровном» месте. Так же, как и тебе, им придется учиться непосредственно в бою.

КУРСЫ

Может быть, сейчас что-то и изменилось. Но тогда, в 1999-м, так называемое овладение специальностью было недолгим. Олег в течение 25 дней прошел ускоренные курсы подготовки снайперов. Ну очень ускоренные...

База сборов (Дарьяльское ущелье) встретила никаким бытом. В палатках не было даже печек. Обживаясь, все доставали сами. «Учиться на снайпера» народ собрался разношерстный, преимущественно контрактники из разных полков. О моральных принципах можно было поговорить не со всеми, но это полбеды. Хуже, что большинство из них были полными нулями в специальности. Что касается Трубы, то он был знаком с СВД — успел немного побегать с ней по полям во время срочной службы в мотострелковом полку (в 80-х), в коротких перерывах между нарядами и хозработами.

Общую картину дополняло полное отсутствие профессиональных инструкторов-снайперов. Офицеры не были специалистами в этой области. Они сумели дать то, что могли: по-немногу науки выживания, маскировки и горной подготовки (один день был посвящен изнурительному подъему в гору).

Снайперами становились теоретически. Занятия представляли собой «общение кучкой». Олегу запомнился его тезка, бывалый снайпер-контрактник, прошедший три локальные войны. Позже вспоминал его как брата: кто хотел у него учиться, тот научился. Таких набралось, правда, не более десяти человек...

Практическая стрельба из СВД заняла лишь последнюю неделю сборов...

Олега тогда не особо удивляло такое «заботливое» отношение к подготовке армейских снайперов, ведь ему не доводилось воевать. Все для него, в том числе и выводы, было еще впереди...

КРЕЩЕНИЕ

В мотострелковом полку подполковник, прошедший огонь и воду, был конкретен: «Понимаешь, мужик, на что подписываешься? Ты дважды смертник. Во-первых, снайпер. Во-

вторых, снайпер разведроты. Тебе ведь «боевые» могут не понадобиться. Они нужны... живым». Олег сказал, что приехал не за «боевыми», хотя и от них отказываться не собирается...

Снайпером он становился самостоятельно. В расположении стрелять было запрещено. Брал цинк патронов и с товарищем, для страховки, уходили куда-нибудь в сторону. Учился стрелять из разных положений, в том числе навскидку, на разных дистанциях. Пристрелка — со ста метров в пятирублевую монету. Затем работа по возрастающей: 100 метров, 200... 500 и т.д. Винтовка — сначала «Виктория», потом — «Рыжая»... Он давал своей СВД имя и никогда не называл ее, как принято, «веслом». Идеальная чистка, смазка... Люби оружие, постоянно стреляй из него и холь, как любимую. Снайперский патрон — вещь, карту перерезать можно, пулеметные сразу выброси и не мучайся — это отклонение... Сам будь похож на лешего. Лучший камуфляж — когда грязь сама отпадает... Самодельный, на основе сетки, костюм. Одежда — никаких «шуршанчиков». Перемещения — прячь СВД как угодно, хоть вдоль тела. Лучший учитель — противник...

Стоп. Это и многое другое было уже потом. А свое крещение первыми двумя боями подряд Олег до сих пор вспоминает с ужасом. Его и другого снайпера, залегших на сопке, неверно ориентировали. Своя, ротная разведгруппа появилась оттуда, откуда они ждали «духов». После вчерашнего 4-часового боя нервы у Трубы были на пределе. Это был сильный бой в горных условиях. Противник занимал выгодную позицию на склонах. Окопы, две большие железные бочки, маленький дот, откуда особенно досаждал ПК. Наш разведвзвод выручили складки местности и высокая трава. Она нахлестывалась на оптику, стрелять Олегу пришлось навскид, но пулеметчика он достал. В итоге разошлись без по-

терь с нашей стороны. И вот, еще дрожат руки после той встряски, а тут, после трех часов в лежке, появляются фигуры. Короче, Труба и влупил по ним из СВД. Хорошо, расстояние было большим, а опыт маленьким...

По шее ему не надавали, учитывая все «смягчающие обстоятельства», но сказали, что с него причитается. В тот вечер именно от своих Олег узнал, как жутко быть под обстрелом снайпера. «Лежали, блин, мордами в грязи, головы не поднять, откуда бьют — не понять, пули прямо над ухом», — рассказывал ему про его стрельбу товарищ-контрактник...

«ЖИВЕЦ»

Когда входили в Старопромысловский район Грозного, Олег был уже не новичком. Их мотострелковый полк наступал во взаимодействии с софринской бригадой ВВ. Вспоминая софринцев, Олег передает низкий поклон этим мужественным ребятам. Возможно, кто-то из них сейчас узнает нашего героя, несмотря на его псевдоним...

В районе школы уже третья атака роты софринцев захлебывалась. Фланг завис. Соппротивление боевиков было сильным, но больше всего роту сдерживали снайперы. Разведчиков-армейцев послали на помощь соседу. Около пяти утра группе, в составе которой был Труба, приказали скрытно занять позицию у свалки, метрах в 300 от школы, где засели боевики. Их было несколько контрактников во главе с молоденьким лейтенантом. Другая группа в составе трех пулеметчиков и двух снайперов выдвигалась на небольшую высотку, откуда хорошо просматривались позиции боевиков. Магазины у пулеметчиков были частично заряжены трассерами. Задача разведгруппам — выявить снайперов противника.

То ли темнота повлияла, то ли лейтенант погорячился, но они оказались под самым носом у «чехов». От школы метрах в 100... Но нет худа без добра. Они уже стали прикидывать, как незаметно сделать еще один бросок до школы и стать занозой в боку «духов», когда софринцы поднимаются в атаку.

Но все вышло по-другому. С рассветом по школе начали конкретно долбить танкисты, снаряды рвались в десятках метров от разведчиков. Никто не знал, что они подобрались так близко. Олег до сих пор, скажем так, молится на тех танкистов-сибиряков — они стреляли с исключительной точностью.

Когда огонь прекратился, около девяти утра, группе вдруг приказали немедленно отходить. Никто ничего не понял. Как?! Днем, под самым носом у боевиков? Но приказ есть приказ. На глазах у обалдевших от такой наглости чеченцев «из-под земли» выскочили несколько человек и, петляя, как зайцы, понеслись в сторону своих...

— Перемещались зигзагами, поочередно, работая в парах и прикрывая друг друга огнем, — вспоминает Олег. — Напарник, правда, «удружил», сделал выстрел на отход из РПГ чуть ли не над моим ухом... Но это ладно, проходит. Неслись через палисадники, перепрыгивали через заборчики. Как в кино, никогда так не бегал. Но когда кожей почувял, как пуля, так сказать, волосы на голове шевельнула, потом другая прошла так же близко, сразу понял — снайпер. И метит, сволочь, конечно же в меня, снайпера. После второй пули я с размаху упал в ложбинку, чтобы он принял меня за убитого.

Тем временем вторая группа, сидящая на высотке, уже вела шквальный огонь по открывшимся снайперам. Их оказалось двое. Одного вычислили по вспышкам из темного подвала, второго — чуть в стороне, в окне. Сибиря-

ки-танкисты, увидев, где сходятся огоньки трассеров, основательно и надежно накрыли все это хозяйство огнем из танковых орудий. Снайперы были уничтожены. Стреляя по окнам школы из своей ложбинки, Олег видел, как рота софринцев успешно продвигалась вперед.

— Так или иначе, но получилось, что снайперов поймали «на живца», — усмехается Олег. — То есть на нас. Да... Потерь не было. Опытный разведчик-контрактник — мишень трудная... Но наши шансы уцелеть были минимальны. Я до сих пор не пойму, почему нам не приказали сделать бросок вперед и закрепиться в школе. Оттуда, с фланга, мы легко вычистили бы снайперов во время атаки софринцев и поддержали бы наших огнем. Конечно, живцом быть неприятно. Наш лейтенант потом все повторял, может, еще в шоке был: «Меня чуть не р-разор-рвало на тысячу мелких кусочков»...

ДУЭЛЬ

Ситуация в Старопромысловском районе тогда сложилась «нездоровая». Со своей точки зрения, Олег видит ошибку в том, что район разрезали колоннами. В результате образовались пустоты, которые заняли «духи». Снайпер считает, что эффективнее было бы идти выраженным фронтом. Он с одобрением отзывается о тактике «напыва», то есть постепенного выдавливания боевиков фронтом, с применением разведгрупп, тихо «шуршащих» впереди своих войск и дающих им все данные для рассечения обороны. Впрочем, он никому не навязывает свое мнение. Факт тот, что тогда им пришлось повозиться с локальными очагами сопротивления.

После взятия профилактория разведгруппу — двух

пулеметчиков, стрелков, гранатометчика, артакорректировщика и снайпера (Олега) — посадили на крышу для корректирования огня. С ними были собровцы, человек десять, надежные ребята. Работали в связке с «Тайсоном». Это позывной майора, командира подразделения ВВ, взаимодействовавшего с мотострелками с другого направления. У них была вторая точка корректировки. Вместе делали одно дело — наводили артиллерию на выявленные цели.

Однажды, наблюдая, Труба услышал вдалеке два явно выраженных выстрела СВД. А вскоре «Тайсон» передал по связи, что у них завелся снайпер, есть «двухсотый» и «трехсотые». Просил помочь: «Надо бы вычислить эту тварь». Это было непросто. Работал профессионал: все выстрелы были наверняка, и он постоянно находился в движении, меняя позиции. Очень хотелось помочь «Тайсону», с которым заочно успели сдружиться. Первой мыслью Олега было выдвинуться к нему и «решить вопрос» на месте. Но приказа такого не было. Труба решился на другой шаг, не в свою пользу... Он начал вызывать огонь снайпера на себя. Меняя позиции только на крыше, выстрелами из СВД по окнам давал понять, что здесь работает снайпер. То есть уводил его от «Тайсона»... Страховался: глубже прятал ствол, чтобы не видно было вспышек, маскировал звук, используя эффект отражения (снайперы знают эту хитрость).

Не прошло и суток, как ночью прилетел первый «привет». Снайперская пуля прошла недалеко, на «обманный» звук. «Он тоже начал вычислять меня», — понял Олег. Он отметил в темноте ориентировочную прямую его выстрела, выставив две гильзы. Затем Труба отбил боевику «Спартак». То есть выпустил в том направлении магазин в ритме: «Та-та, та-та-та... » и т.д. Это означало своего рода снайперский вызов. Ответа не было. Он пришел по-

сле второй «музыкальной паузы». Боевик ответил дуплетом выстрелов два раза. Это означало «давай работать».

Единоборство длилось почти трое суток. Расстояние сокращалось, угол сужался. Боевик все ближе подбирался к Трубе. Он петлял: по выставленным гильзам утром определялось до пяти направлений. Однако его ориентировочные позиции прояснялись. Помогал «Тайсон» со второй точки корректировки. Каждый раз они наводили артиллерию, но снайпер уходил. Попался матерый: потери продолжались...

Труба заставлял себя работать спокойно: злость в сторону, постоянное наблюдение. По-прежнему он вызывал его огонь на себя. Прием не в духе снайперских канонов, скорее наоборот, но приходилось рисковать. На третьи сутки две пули подряд прошли в нескольких сантиметрах от его головы. Значит, противник вычислил его первым. Однако по выстрелам Олег абсолютно точно определил, где находится его «корешок», как он его называл... Арткорректировщик тут же вызвал огонь САУ. Полуразрушенный дом, где засел боевик, был накрыт точным огнем артиллерии. Это был конец «игры».

В успешной развязке есть примесь... сожаления. «Я немножко обижаюсь на наше командование, — сказал Труба. — Мы просились перебраться ближе к передовой и чуть левее, чтобы помочь ребятам «Тайсона». Это была бы помощь... просто непередаваемая. Меньше было бы потерь. Снайпер и пулеметчик — и все. Золотая парочка. Но у нас были разные подразделения, другие организации. Мы — армейцы, они — внутренние войска... Мы говорили, ничего нам не надо, дайте только пару дней у них поработать. Не дали...»

О взаимодействии сказано немало разных слов. Но иногда возникает впечатление, что простой солдат пони-

мает этот вопрос глубже, чем иной штабной полковник. Чисто, как говорится, «по-человечьи»... Труба сожалеет не о том, что его чуть не убил матерый враг, а что он сделал не все возможное... Вряд ли появилась бы необходимость вычислять врага таким способом, противоречащим снайперским канонам, как вызов огня на себя, если бы ему дали возможность работать.

Приведу еще одно его высказывание: «Взаимодействие — иногда было, а иной раз никакого. Помню, был случай, когда подразделения МВД и армейцев договорились перейти на общую частоту. Кончилось «радиообменом» типа «заткни пасть, федерал» и «сам ты мент поганый»... Перешли опять на разные частоты».

СНАЙПЕР

...Долго созревает снайпер. Мастера говорят, что не менее 8—10 лет, обязательно включая «день за три» на войне. Но, когда она не прекращается ни на сутки, все, наверное, происходит быстрее. Выживший и познавший вкус победы снайпер становится страшным противником. Но только для опасного, матерого врага. Ибо тот, кто способен убить безоружного, как говорит Труба, — не снайпер, как и тот, кто валит любую цель.

За весь бой может быть не сделано ни одного выстрела. Снайпер — это состояние души, особый психологический настрой. Пулеметчик — как тот разъяренный войной солдат с диким взглядом, встретившийся Трубе в руинах Грозного и тыкающий пятерней в многоэтажку — «снайпер, сними эту пададь, там гранатометчик наших ребят достал» — он еще может быть горячим. Снайперу — нельзя. Это флегмат. Это кобра, раскрывшая капюшон и медленно покачивающаяся, хоть час, чтобы в одну-единст-

венную долю мгновения нанести удар. Это может быть только один из десяти, двадцати, из ста... Много разных снайперов проходило у него перед глазами. Те, кто небрежно таскали СВД за прицел, курили в засаде, раскрывали себя подсветкой прицела ночью, подставлялись на маршах, не пряча «весла»... Их нет, мелочей. Как же ты емок, путь снайпера. Ты — леший, ты — призрак, тень. Но все стволы ищут тебя. Тебя, командира и радиста... Не навязывай свою волю бывалому снайперу, командир. Не говори ему, чтобы в разведке он шел впереди. Это ошибка. Дай ему инициативу, командир. Пусть он даже побежит назад. Но он ляжет и спасет всех...

...Разведрейд в горах. На себе лишь самое необходимое. 11 суток ночевки на земле. Важно раскинуть пехоту по высоткам. Впереди — «кроты», родные братья-саперы с огнем прикрытием. Далее, на солидном удалении, группа, поодаль за ней замыкание. Из «зеленки» резко грохочут выстрелы. Нападение на «голову». Духи не знают, что основная группа идет сзади, ее не видно — разведчики ходить умеют. Не открывая огня, группа тут же рассредоточивается и начинает блокировать участок, заходя во фланг. Все уже опытные, все научены противником... Труба бросается в сторону от всех — он уже приметил отличную позицию. Отсюда видны мелькающие вдалеке между деревьями силуэты боевиков. Он всаживает по ним несколько пуль. Каждый выстрел старается делать наверняка... Группа уже «чешет» огнем «зеленку», развернувшись полуколем. Боевики уходят. Они сразу нутром чувствуют, с кем лучше не связываться... Единственное, что они уважают, — силу. Кто они были, сколько — неизвестно. Главное — нет потерь. У нас нет...

...Грохочущий ад. Взятие Грозного. После артподготовки и одного очень мощного, страшной силы взрыва

медленно оседает рыжий пепел. Разведчики пробираются вперед, проводят пехотную роту. Плотность огня такая, что невозможно перейти дорогу. Нечеловеческим голосом, мороз по коже, кричит раненый. Началось... Броски дымовых гранат на прикрытие. Несколько человек проскакивают, но не тут-то было. Чеченцы раскусывают хитрость, шквально лупят именно в дым. Тогда дымгранаты летят веером по кругу — щупайте, гады. Без потерь перебегают дорогу. Пролом в стене, боец-срочник чуть не плачет: «Я туда не пойду!» До боли жалко обезумевшего от войны пацана. Пинаешь его — вперед, прикрываешь огнем. Дом у дороги, две бойницы. Оттуда почти непрерывный огонь — ПК. «Снайпер, разберись!» Вон она, подходящая позиция. Полуразрушенный дом с окнами, заложенными кирпичом. Бросок зигзагами под пересвист пуль. Так, теперь устроиться поудобнее... Спокойствие, полное спокойствие... До огневых точек метров 400. Он лепит в бойницы свинцом. Пехота тем временем рвется вперед.

...Ночь. Приятное время для работы. Ночной прицел, «пятьдесят первый», — отличная вещь, в него видно все. В прошлый раз на большой дистанции расстрелял «Ниву» с боевиками, всадил туда обойму. Кого достал, кого нет — неизвестно, но малину им подпортил. По информации, в этом доме, куда подъехала машина, был бандитский схрон. ...Но эта ночь совсем не такая. Она поделена на секунды. Глаз нестерпимо режет от «ночника», но оторваться нельзя. Олег ежесекундно ждет выстрела. Внизу, под сопкой, на которой они засели с радистом, с радиостанцией «Арбалет», раскинулся маленький заводик. Там завелся снайпер, успевший достаточно нагадить нашим. Задача — вычислить его, не более того. На свой страх и риск Труба решил работать по-своему. Засечь эту сволочь — что толку,

если он тут же меняет позиции. Надо попробовать бить по вспышке. Это самый сложный вариант, но если повезет, лучше не придумаешь. Нет приказа стрелять, но он уже часа полтора ждет момента, не отрываясь от прицела... Радист молчит рядом, страхуя его с автоматом.

Наконец, он все-таки дождался. Вспышка выстрела мелькнула в проеме ребристого, типа дюралевого, ангара. Он тут же прицелился и послал туда пулю. Расстояние порядка 350 метров. В это мгновение он успел учесть тот факт, что бить нужно не по самой вспышке, ведь это ствол, а чуть в сторону, где должна быть голова этой твари. Или, на худой конец, тело. Отчетливо слышно, как пуля проходит сквозь тонкую стенку. Он попадает в наменную точку. Невозможно проверить поражение. Они с радистом тут же сматываются, чтобы не попасть под очень возможный ответный удар. Снайпер вполне мог работать с прикрытием. Дело было сделано. Больше с заводика никто не гадил...

...Иногда трудно понять, люди они или нет. Один, когда они попали в переплет в горах, хладнокровно выбивал ребят, пытающихся вытащить окровавленного, стонущего раненого товарища. Была одна мишень — стало две... А эта сучка по имени Наташа... Она по рации предлагала солдатам вывести своих офицеров: «Я их перестреляю, потом прострелю вам коленные чашечки, и вы поедете домой...» После этого вышивала круг пулями рядом с теми, с кем говорила... Он так и не знает, достали ли ее.

Они опытные, очень... Берегут себя. На головах сферы, на теле «броники». Лишние тяжести порой их подводят, как и комфортные лежки, которые особенно любят арабы. Хотя сфера — вопрос спорный. Он до сих пор не знает, что с тем боевиком, стрелявшим из окна из СВД, которому он попал в голову со ста пятидесяти метров. Видно было,

как пуля высекла из сферы искры. Уцелел или нет, а может, переломало шейные позвонки от удара пули. Факт тот, что, мужики говорили, потом кого-то волокли оттуда вниз... Снайперу в снайпера попасть — большая удача. Потому что это невероятно сложно. Тот, в сфере и с СВД, мог необязательно быть снайпером. Возможно, бросовый товар, какого у них много, «чайник». А может, снайпер. Но опытных они берегут. У опытных несколько колец прикрытия, для них используют отморозков с автоматами, беспорядочно стреляющих и вызывающих огонь на себя. Тут же выжидают своего часа группы отвлекающего маневра — они вступят в бой, если необходимо будет прикрыть снайпера. У них всех хорошая портативная, не чета нашей, связь. Сам снайпер сидит тихо, он никогда не подставляется и ждет своей, важной, цели...

Порой Трубе было по-настоящему досадно. Иметь хотя бы одного постоянного напарника — пулеметчика или стрелка, вооруженного автоматом с глушителем. Они должны быть все время вместе, чтобы понимать друг друга с полуслова. Золотая парочка. Но постоянного напарника ему так и не дали. Как придется... А он хотел бы создать группу, хотя бы из пяти-шести человек, чтобы заниматься наблюдением, выявлением снайперов и, собственно, работать. Но об этом даже и слышать не хотели. Какая там группа... Никакими словами Олег не мог бы выразить, сколько, на его снайперский взгляд, мы теряем от такого непонимания. Боевикам нужно противостоять по их же «схеме». Это далеко не всегда верно, но в снайперской войне такой постулат себя оправдывает. Противник — лучший учитель, давно это доказано...

Вот и получается порой, что профессионально, так сказать, шлифоваться приходится на свой страх и риск, без соответствующих работе условий. Однажды, вспомнив

заманчивые рассказы своего друга-тезки на сборах, он решил сходить на несколько часов в «автономку». Проверить себя как бойца-одиночку, без права на ошибку. В их районе Грозного было затишье. Через полуразрушенные дома Олег аккуратненько, скрытно пробирался вдоль улиц. Занял позицию. Около часа простоял, извините, ногами на унитазах — оконце в туалете разбитого дома было что надо. Безуспешно. Потом солнце пошло на него, и он сменил позицию. На чердаке дома под грохот «Василька» продолбил ножом в шифере крыши оконце. Опять же экзотическая деталь: на чердаке валялось брошенное гинекологическое кресло, и из него получился отличный упор для винтовки. Дуло, естественно, не высовывал, прицелом не бликовал. Однако минометный обстрел становился все сильнее, разрывы слышались рядом — ведь он находился на «духовской» территории. Труба уже думал уходить, когда подвернулась цель. С 400 метров он произвел точный выстрел по боевику (в последнем не было сомнений, у него были АКМ и разгрузка). Выбежал на улицу. Навстречу шли чеченские женщины. Увидев его, стали махать руками и что-то кричать. Ясно было, что его приняли за своего и хотели спрятать, ведь одет он был во все трофейное. А с другой стороны уже бежала наша пехота, продвигавшаяся вперед под прикрытием минометов. Его счастье, что пехота была «родная» — Олега узнали. Иначе сгоряча могли сразу открыть огонь.

На «автономки» он больше не ходил. Гиблое дело — меж двух огней, под свой артогонь попасть — как дважды два. Да и результат малозначителен.

Но это — если так, в одиночку. А если снайперской группой, с хорошим прикрытием? Тут уже есть неплохие шансы.

БОЛЬ

Кинолента войны не заканчивается в его памяти. Будит по ночам. Заставляет — нет, не вздрагивать, а заново прокручивать в голове все эпизоды, рассуждая, как бы он поступил сейчас, имея опыт. Это самое ценное, что есть у выжившего на войне армейского снайпера, — опыт. Но как передать эту ценность тем, кто идет по его стопам?

— Я, может быть, и буду служить и в мирное время снайпером, — рассуждает Олег. — Я на этом деле «повернутый». С удовольствием поеду на войну вновь, если подвернется возможность. Но не всякий нормальный человек на такое согласится. Должности, повышения в звании, перспективы — это совсем не шкурный вопрос, когда службе посвящается жизнь. Так скажите мне, какие могут быть перспективы у снайпера-контрактника? Да никаких, абсолютно.

Ему больно вспоминать о войне, хоть он снова рвется в «горячую точку». Больно вспоминать о снайпере из пехоты, тоже контрактнике, который во время нападения на колонну их подразделения сделал роковую для профессионала ошибку — начал стрелять из СВД с колена, не уйдя в сторону и не заняв позиции. Он неплохо умел стрелять, но оказался не готов психологически. Снайпер не имеет права поддаваться общей агонии, он должен трезво оценивать ситуацию в любой обстановке, пусть рушится целый мир. Его убили выстрелом в грудь почти мгновенно, ведь все стволы всегда направлены в снайпера, стоит хоть чуточку подставиться. Но они есть и будут, эти ошибки, стоящие жизни. Они неизбежны, пока нет в армии профессиональной школы армейских снайперов.

...Что касается глубоко личного, то Олег ни о чем не жалеет. «Я ехал туда, чтобы победить, — запомнились его

несколько необычные, но совершенно искренние слова. — Не за деньги... Мне, как принято говорить, за державу обидно...»

А я вновь смотрю на обточенный, отшлифованный природой камень с гор Чечни. Может, и не совсем идеально обточен, если присмотреться. Видны неровности, шероховатости, чуточку асимметричен. Но какая все же восхитительная работа... Это очень напоминает твой путь, снайпер. Трудный путь. Но я не знаю, что ответить тебе. Я не знаю, когда у нас наступит время собирать камни среди трескотни слов о профессиональной армии.

Олег КОЛОМИЕЦ

КОСТЮМ ДЛЯ СНАЙПЕРА

На страницах вашего журнала встречается довольно много материала по снайперскому делу, или, как сейчас модно говорить, снайпингу. Много хороших статей по выбору позиции, определению данных для стрельбы, тактике, маскировке и т. д. О маскировке сказано особенно много, так как это едва ли не самое главное в практике армейского снайпера. Многие авторы в своих статьях подробно описывают маскировку и оборудование позиции, а о костюме снайпера (Гилли, Леший) упоминают вскользь и дают общие советы по его изготовлению. Не спорю, позиция важна, она спасет от артобстрела и от погоды, но ведь костюм тоже не лыком шит. Это универсальная вещь, он может послужить гамаком, спальным мешком, одеялом, камуфляжной крышей укрытия и, конечно, индивидуальным камуфляжем снайпера (все испытано на практике).

Все авторы говорят об использовании «лохматого» костюма, но мало кто рассказывает, как его сделать. А ес-

ли что-то и говорят, то это звучит примерно так: «Возьмите стандартную форму или плащ-палатку и **пришейте** лоскуты ткани, окрашенной под цвет местности». И все.

Но тогда возникает вопрос. Допустим, вы сделали себе костюм (**пришили** несколько сотен полосок) с преобладанием зеленого цвета для действий в лесу. А тут резко меняются обстоятельства, обстановка, и вам надо действовать в выжженной солнцем степи с травой бледно-желтого цвета. Как быть?

Можно сделать новый камуфляж, но на это нужно время, а его, скорее всего, не будет. Можно привязать пучки сухой травы на старый камуфляж. Но при выходе на позицию по закону подлости часть травы потеряется и от-

крывает темные пятна, которые не совпадают по цвету с местностью. Вы можете этого не заметить, а вот противник заметит наверняка.

Вот поэтому я хочу предложить способ изготовления «лохматого» костюма, который не только избавит от проблем, но и сэкономит время на его изготовление.

Итак, приступим.

Первая особенность камуфляжа и состоит в том, что по-

лоски не пришиваются, а вплетаются в сетку, «прихваченную» на стандартной форме. Форма должна быть на 1—2 размера больше, чтобы ее можно было надеть поверх обычной камуфляжки. Так при изготовлении своего костюма я взял рыболовную сетку с ячейкой 25×25 мм. Можно и больше, но с увеличением ячейки увеличивается ширина вплетаемой полосы.

На куртку необходимо пришить капюшон, желательно от бушлата. На форме в области коленей и локтей пришивается брезент, одежда будет меньше намокать при переползаниях.

Сетка располагается так: на верхней части рукавов, на задней части штанин, на капюшоне, на спине и боках. Причем со стороны спины сетка должна быть длиннее обреза формы на 15—20 см. Обязательно после пришивания сетки нужно примерить весь костюм. Он должен сидеть свободно, нигде не должно жать и давить. Сетка пришивается с помощью полосок плотной ткани шириной 2—3 см, как показано на фото на стр. 278. На спине и капюшоне сетка «прихватывается» дополнительно небольшими лоскутками во избежание «ерзанья» сетки.

Теперь о материале. В качестве материала я выбрал окрашенную мешковину. Мешковина не шуршит при перемещениях, хорошо красится, ее всегда можно найти. Я использовал обычный бытовой краситель для тканей. Материал сначала красится, а потом разрезается на полосы.

Вторая особенность состоит в подготовке полос материала. Сначала вырезается широкая полоса, затем она разрезается вдоль, но не до конца. Получаются как бы «штаны». И вот «штанины» вплетаются в две ячейки, расположенные рядом. Ширина «штанины» должна быть **больше размера ячейки в 2 раза**, тогда она не выпа-

дет. Для ячейки 25×25 мм ширина «штанины» составляет 5 см. Полосы получились по длине: 10—15 см, 20—30 см, 40—45 см.

Вплетение начинается снизу — вверх. Полосы длиной 10—15 см вплетаются на рукавах, штанах по краям. Формирование рисунка камуфляжа индивидуально, шаблонов быть не должно. Для создания рисунка камуфляжа обычно достаточно трех основных цветов, а вот оттенков может быть много. Посмотрите на местность, в которой придется действовать, выделите основной цвет на ней. Этот же цвет будет основным в рисунке.

Оценивать гармоничность, правильность рисунка лучше на «своей» местности и заранее, чтобы успеть выявить недочеты и устранить их.

После вплетения костюм будет выглядеть примерно так, как на фото. Добавлю, что на капюшон я пришил сетку соответствующей расцветки). При стрельбе она набрасывается на прицел и скрывает движение рук, а также защищает лицо от комаров.

Костюмы—3 опробованы на учениях в условиях, приближенных к боевым.

ГРУшник ЕВГЕНИЙ

ЗАМЕТКИ «ДЕВЯТНАДЦАТИЛЕТНЕГО» СНАЙПЕРА

Имя автора этого материала достаточно известно нашим постоянным читателям. Хотя справедливости ради отметим, что публикуется он нечасто и при этом очень скупо рассказывает о собственном участии в боевых операциях. Это вполне объяснимо. Человек, который на самом деле многое испытал, никогда не станет выпячивать свои заслуги — скромность мешает. На этот раз мы настояли на своем, и он дополнил свой материал, первоначально посвященный только экипировке снайпера, рассказом об одной операции из личного боевого опыта.

Подполковник запаса ФСБ Василий Николаевич Денисов ДЕВЯТНАДЦАТЬ лет прослужил снайпером в лучшем российском подразделении антитеррора — в ГРУППЕ «А». Отсюда и несколько своеобразный заголовок, который мы предложили автору сами. Правда, сначала как бы забыв поставив кавычки в слове «девятнадцатилетнего»... Седые виски Николаича затряслись от смеха, реакция была молниеносной: «Тогда уж лучше напишите — снайпера крепостью в девятнадцать звездочек!»

19 лет... «Обычный» снайпер столько не живет. Только Мастер. И то не всегда. Потому что любой снайпер антитеррора в любую секунду готов отдать жизнь за жизни других людей. Из этих 19 лет многие дни и месяцы шли за три. Афганистан, Буденновск, Первомайский. Это лишь некоторые «отметины» в беспокойной памяти ветерана «Альфы». Десятки боевых операций, где он неоднократно исполнял обязанности командира группы снайперов. Сотни спасенных с его участием людей. Третий тост, который он всегда пьет молча и не чокаясь. За ребят, которых уже

нет. Его любимая видеокассета — та, где они еще улыбающиеся, живые...

Прислушаемся к рассказам и советам «дяди Васи». У них особая цена.

**«УВИДИМ МАЛЕЙШЕЕ ВЫДВИЖЕНИЕ —
СРАЗУ ОТКРЫВАЕМ ОГОНЬ НА ПОРАЖЕНИЕ!»**

Что можно сказать о профессии снайпера антитеррора в двух словах? Скрытно выдвинуться на удобную позицию. Быть невидимым и наблюдать, собирать информацию. Снайпер — это прежде всего разведчик. Быть готовым, если поступит команда, немедленно применить оружие. Заранее рассчитать, как пойдет пуля, чтобы исключить поражение заложников. Выстрел по террористу должен быть хирургически точным.

Случается разное. Человек может отлично стрелять, маскироваться, но не быть готовым психологически. Однажды в инциденте с захватом посольства наш снайпер выстрелил в грудь террориста с оружием, удерживавшего заложника. Пуля насквозь прошла сквозь него, но преступник остался стоять на ногах. Его лишь немного раз-

В. Денисов на стрельбах

вернуло. Да, и такое бывает. Факт тот, что в течение одной-двух секунд он мог быть еще опасен. А даже секунда в нашем деле — это очень много. Она может стоить кому-то жизни.

Конечно, уже через мгновение террориста «завалили». Потом, после операции, я спросил у того снайпера, почему он стрелял в грудь, а не в голову. «Николаич, я видел в прицел его глаза крупным планом, — сказал он мне. — Страшно было». Я его понимал. У парня это была первая боевая операция. Что говорить, десятикратный прицел, дистанция около тридцати метров. Он смотрел ему прямо в зрачки. Это действительно страшно. Но надо стрелять точно в голову, чтобы эта тварь в человеческом облики не успела убить других людей. Невинных людей. Такая работа. Тот снайпер впоследствии не допускал ошибок.

В любой операции для снайпера наряду с прочими факторами важнейшую роль играют экипировка и маскировка. Приведу пример из практики. Летом 1994 года четверьмя террористами был захвачен автобус с заложниками в аэропорту Минеральные Воды. Нужно было освободить людей. Когда группа «А» прилетела туда, был вечер. Я поднялся на крышу аэровокзала, чтобы выбрать места для позиций снайперов. Автобус находился на площади перед зданием аэропорта. Он почти не стоял на месте и периодически курсировал по кругу, чтобы затруднить доступ к нему. Окна зашторены, кроме лобового стекла. Виден был только водитель и контролирующий его террорист.

Удобнее для нас было бы выдвинуться на позиции ночью, но такой команды снайперам не поступило. Ночью террористы потребовали, чтобы их сопровождала милицeйская машина с включенными фарами. Они боялись, что спецназ в темноте подойдет. Так и ездили по кругу —

впереди автобус, сзади машина, которая освещала подступы.

Команда на выдвижение нам поступила только утром. Работали три снайперские пары. Одна выдвинулась в зеленую зону с елочками и невысоким кустарником по периметру. Для маскировки то, что надо. Другая пара заняла позиции практически на ровном месте, в траве. Им было сложнее, но сделали все профессионально.

Третья — наша пара, с другой стороны площади. Надо сказать, из-за того что в штабе затянули, всем нам, снайперам, пришлось нелегко. Повторю — было утро. Мы ползли «пластом» практически на виду у террористов, в нескольких десятках метров от них. Ночью занятие позиций прошло бы без проблем, а тут — как на ладони. Наше выдвижение не было замечено — думаю, не стоит объяснять почему, ведь работали профессионалы. Однако ползти пришлось два часа...

Я хотел сначала занять позицию среди пустых бочек, располагавшихся буквой «П». Они стояли на краю площади. Тут был курьезный момент — подползаю к бочкам, преодолев метров двести, и слышу смех, разговор. Смотрю — двое ментов из оцепления расслабляются спиртным. Увидели меня: «О, командир! Давай, присоединяйся!» Обалдел я, конечно, идет операция, а тут... Осматриваю позицию — не совсем то, что нужно, обзор затруднен. Кроме того, эти подвыпившие «орлы» сильно мешают. Пришлось выползать назад. Присмотрел другую позицию, пополз по открытому месту к ней.

Я был в снайперском костюме типа «Леший», изготовленном своими руками. Сливался с нескошенной травой хорошо. Метров 400 полз. Добрался. Совершенно открытое место, никаких кустов. Просто большой газон, покрытый травой. При таком раскладе нужно было залегать по-

дальше, в глубине, но мне-то желательно подобраться как можно ближе к краю площади, чтобы обзор был лучше. Смотрю — небольшие копны травы разбросаны тут и там, причем одна очень удачно, как раз на границе площадки, где находится автобус. Невысокая, где-то полметра высотой. Подполз и «зарылся» в нее головой и плечами. У меня с собой два упора было — это обычные дуги из «нержавейки», упругие. Приподнял ими край копны перед собой, получилась хорошая амбразура.

Таким образом, верх закрыт копной, а тело полностью слито с местностью благодаря «Лешему». Очень удачно получилось. В оптику все просматривалось без помех, готовность к ведению эффективного огня — в любую секунду. До автобуса — от 30 до 50 метров, не более: дистанция менялась, он же двигался по кругу периодически.

Автор материала
в снайперском костюме
западного производства
после одной из операций.

Изготовленный им
до этого самостоятельно
костюм типа «Леший»
внешне похож
на этот образец
и ничем не уступает
по характеристикам

Напарник мой занял позицию сзади, на осветительной вышке. Наблюдаем, сообщаем по связи о результатах.

Пять часов лежал, почти не шевелясь. Я ведь у террористов почти «под носом», а они до этого предупредили: «Увидим малейшее выдвижение — открываем огонь на поражение». Так что мне пришлось «стать травой». Между тем жара стояла градусов тридцать, может больше.

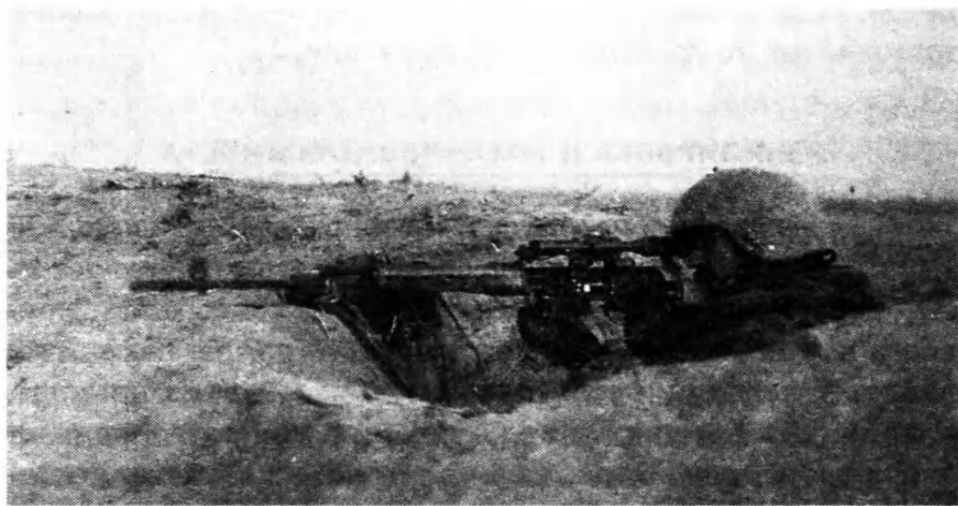
Наконец им подали вертолет прямо на площадь. Стоит готовый к взлету. Автобус делает еще два круга для контроля. На этот раз он проехал от меня на расстоянии пяти метров. Я так близко к краю лежал, что ствол высывался на бетонку. Пришлось в этот момент под себя его убирать, чтобы не заметили.

Далее сложилась интересная ситуация. Значит, автобус останавливается. До вертушки от него — метров десять. Один террорист в маске вышел, осмотрел внутри вертолет, внимательно прошелся взглядом по сторонам, потом сел на ступеньках бортовой лестницы. Автомат на коленях. Сидит, ждет остальных. Из автобуса выходит первая пара — террорист и прикованный к нему наручником заложник. За ними — вторая пара, тоже прикованы. Идут к вертолету. В дверях автобуса показался четвертый террорист. Страхует, в руках автомат.

В этот момент все они, четверо, оказались на виду у нашей снайперской пары. Прикидываю, как можно действовать. Договориться по связи с напарником, кто какую цель берет, и поразить в первую очередь двух террористов, самых опасных. Того, кто на лестнице, и второго, кто в дверях автобуса, так как у них в руках оружие. Потом тут же стрелять по двум другим террористам, которые с заложниками. Автоматы у них на шеях болтаются, каждый в одной руке по баулу тащит, а вторая к заложнику прикована. Среагировать не успеют, однозначно. Мы были

вооружены «винторезами». То есть после первых двух бесшумных выстрелов, когда будут поражены двое первых террористов, пара других, даже не успев понять, в чем дело, тут же будет завалена повторными выстрелами. Пули тяжелые, 16-граммовые, валят сразу, надежно. Стрелять только в голову, так как преступники в бронежилетах (были выданы по требованию). Дистанция оптимальна для стопроцентного поражения целей. Вот такая схема. На все у нас с напарником уйдет не более 2—3 секунд.

Докладываю по рации в штаб, что есть реальная возможность для нашей пары применить оружие. Однако команды на поражение почему-то не поступило. Думаю, нам не разрешили стрелять потому, что две другие снайперских пары не могли применить оружие, у них сектора были в этот момент закрыты автобусом. Видно, руководство опасалось, что мы вдвоем четверых не поразим.

На позиции в Афганистане (снимку 20 лет)
Каска «Тиг» (ФРГ) обтянута сеткой из мешковины,
покрыта высохшей грязью, что полностью исключает блики
(особенно ночью, при луне).

Сегодня, заново прокручивая в памяти этот момент, я уверен, что мы бы их всех уложили, но, думаю, в действиях руководства был резон. Возможно, штаб решил избежать даже малейшего риска, ведь преступники не стали брать с собой заложников, как и было договорено. Улетели сами, с деньгами и оружием. В заложниках остался только экипаж, но и его оставили в покое, как только вертушка приземлилась в Чечне. Террористы разбежались, потом ушло немало сил на их поиск. Но в итоге все четверо были обезврежены.

Да, в конце операции в Минводах был один потешный момент. Когда вертушка взлетела, на площадь пустили телевизионщиков. Они снимали улетающий вертолет метрах в десяти от меня. И тут команда по рации — снайперам можно сниматься. Встаем в разных местах, как черти из табакерки. У оператора шок, чуть камеру не выронил на бетон. Можно понять — из травы вдруг возникают какие-то лохматые то ли люди, то ли призраки...

ЭКИПИРОВКА И МАСКИРОВКА СНАЙПЕРА

После приведенного выше примера нет смысла доказывать тот факт, что любая оплошность или неточность снайпера в выборе позиции, маскировке и т.д. может привести к необратимым последствиям. Напомню также, что лежать на позиции пришлось несколько часов на жаре, практически без движения. Это, сами понимаете, предъявляет определенные требования не только к психологической устойчивости снайпера, но и к его одежде. Перейдем к конкретике.

Снайперские костюмы сегодня можно приобрести в магазинах, но, если нет такой возможности, его можно из-

готовить самому. Будет не хуже, а, может, даже лучше. Нужно знать некоторые детали.

На легкой камуфлированной куртке большого размера нашиты (примерно в шахматном порядке и достаточно часто) резиновые петли. В них вплетаются длинные (до 60 см) полосы камуфлированной ткани и мешковины. Они меняются в зависимости от окружающей среды, в которой нужно действовать снайперу (зелень яркая, пожухлая, осенняя желтизна и т.д.). Меняя камуфляжные ленты разных цветов в зависимости от условий выполнения задачи, полосы мешковины я всегда использовал без окраски, так как их вплетения создают естественные цветовые тона. Соотношение — примерно 80% камуфляжных полос и 20% полос из мешковины. Резиновые ячейки для их крепления нашиваются на спину, капюшон (он должен быть пришит обязательно) и рукава. На груди и на ногах ячейки по понятным причинам не нужны. Костюм должен размывать очертания человеческого тела, цвета подбирать строго под фон окружающей среды. Вплетения травы, веток можно использовать, но на небольшое время, так как они сохнут и теряют цвет. В Буденновске, где пришлось работать несколько суток, естественную зелень мы почти не использовали.

О термосном эффекте. Эти азы я усвоил еще лейтенантом, когда работал в качестве снайпера группы «А» в Афганистане. Лучшей теплоизоляцией является неподвижный воздух, а лучшим способом задержать его — многослойность одежды. Примером служат теплые халаты, которые носят мужчины в Средней Азии. При температуре выше 35 градусов они чувствуют себя превосходно, а при минусовых температурах этот же халат спасает от холода. Прослойка воздуха между нижним бельем и хала-

том действует по принципу термоса. Как это применить на практике снайперу?

Пример из личного опыта для осенне-зимней температуры. Нижнее белье, затем тонкий костюм из материала «Полартек-50», поверх него теплый костюм из «Полартек-300» (отличаются плотностью и теплоизоляцией). Сверху — непромокаемый костюм из «Гор-Текс». Носки обычные хлопчатобумажные, сверху — носки из «Полартек». На руки — перчатки из этого же материала. На голову — балаклава из «Полартек». В январе 1996 года, во время операции под Первомайском, такая одежда позволила мне даже спать на голой земле в достаточно комфортных условиях.

В чем преимущества «Полартек»? Это ткань, используемая альпинистами всех стран. Позволяет телу дышать, сохраняет тепло даже когда намокнет, очень быстро сохнет на теле. Легкая, не стесняет движений, не приводит к потертостям.

Верхний костюм с мембраной «Гор-Текс» тоже «дышит», то есть испаряет пот и очень хорошо «держит» дождь, снег — любую внешнюю влагу, при этом не продуваем. Но есть один недостаток, с которым приходилось мириться — при передвижении шуршит. Такой комплект — внизу «Полартек», сверху «Гор-Текс» — позволял мне чувствовать себя нормально и в многочасовых лежках, и при активной физической работе, когда заливаешься потом. Сохнет быстро и держит тепло тела. Натуральный термос.

Маскировка для зимнего периода — это, естественно, маскхалат на несколько размеров больше. Нужна марля, чтобы занавешивать полог укрытия. Через марлю все видно, а сам невидим на фоне снега, бликов от прицела нет. Снег перед позицией нужно побрызгать водой, чтобы взял-

Снайперская лежка зимой,
снимок сделан с расстояния 4 метра

ся ледяной корочкой. В винтовке бинтуется ствол, что нельзя забинтовать — обклеивается белым пластырем.

Летняя экипировка — здесь свои тонкости. О «Лешем» я уже упоминал. Вот еще вариант, исходя из условий операции. В жару я надевал нижнее белье, самое тонкое, из той же ткани «Полартек». Дело в том, что благодаря ее «дышащим» свойствам в ней не потеешь, а, значит, вокруг тебя не вьются тучи всяких кровососущих насекомых. Сверху, прямо на это белье, надевал КЗС (костюм защитный специальный), он представляет собой сетку камуфлированного цвета. Так что в целом вентиляция получается отличная. Комфортно.

Лицо, руки и одежду я обязательно обрабатывал репеллентом (при выборе места лежки нужно всегда посмотреть, нет ли рядом муравейника, гнезд ос или шершней на деревьях, иначе лежать будет просто невозможно). Наи-

более эффективные, на мой взгляд, репелленты — это диметилфталат, диметилтолуамид, бензимин, причем стоят они копейки. Сохраняют от насекомых от 2 до 5 часов. Расход ДЭТа на верхнюю одежду обычно составлял до 250 грамм. Все это не мелочи, когда на позиции приходится находиться зачастую от 10 часов и более. Были случаи, когда наши снайперы проводили в ожидании на позициях более 40 часов.

И еще немного о маскировке. В принципе многие снайперы-профессионалы знают, что представляет собой *складной каркас*, но, по моим наблюдениям, пользуются этим приспособлением далеко не все, а кто-то даже не имеет о нем представления. Оно и понятно, ведь каркас не производится нашей промышленностью, как и многие другие необходимые снайперу элементы экипировки. Поэтому изготавливается он самостоятельно. Во время выхода снайперу-разведчику иметь его с собой, на мой взгляд, нужно обязательно (в комплекте с непромокаемым пончо или хотя бы обычной плащ-палаткой).

Изготавливал я его из длинных узких пластин, согнутых буквой «Г» и похожих на бумеранг. Используется примерно до 16 пластин. Основная их часть — длинная, изогнутая часть — короткая. Материал — «нержавейка», он легкий, гибкий и прочный. Пластины должны быть плоскими, чтобы их было легче скрепить и удобнее переносить. Длина каждой одинакова и составляет порядка 80 см. Скрепляют пластины по принципу веера. В складном виде он не занимает много места, имеет небольшой вес и крепится к рюкзаку. В развернутом виде накрывает собой открытую для позиции яму диаметром порядка 1м 60 см (исходя из длины «бумерангов»). Получается каркас «крыши», на который укладывается непромокаемое пончо. Сверху это все тщательно маскируется под фон местности. Таким

образом снайпер, будучи замаскированным, полностью защищен от атмосферных осадков, ветра и может находиться на позиции длительное время, наблюдая за местностью через амбразуру.

Обувь снайпера — это разговор особый. Предпочтителен проверенный западный образец туристических или армейских ботинок черного или коричневого цвета. *Зимой* я носил французские ботинки с высоким берцем «Гор-Текс» — не армейские, а горные, предназначенные для альпинистов. Великолепная обувь. Легкая, мягкая, хорошо держит тепло, так как внутри прокладка из «Полартек». Нога не потеет, потому что внутренняя и наружная ткани «дышат», при этом ботинки непромокаемы. Удобным для меня было и то, что в комплект входили титановые шипы, которые в случае необходимости можно было вкрутить в подошву специальным воротком. На льду нога не скользила.

Летом и в межсезонье я использовал ботинки французского спецназа. Это мягкие кожаные «берцы», хорошо держащие стопу, с гибкой и прочной каучуковой подошвой. Весят не больше, чем кроссовки. Совершенно непромокаемы. Нравилось мне и то, что на верхней их части были карманы, в которые укладываются дополнительные магазины для пистолета. Эти ботинки универсальны. В них мне приходилось работать и в горно-лесистой местности, и на равнине. Одной пары мне хватило на восемь лет.

Могу посоветовать также использовать *нейлоновые гетры*. Если предстоит выход в непогоду (дождь, грязь), их нужно натянуть на обувь сверху. Просто-напросто возьмите обычные женские нейлоновые чулки и наденьте их на ботинки. Ваша обувь будет неплохо защищена от влаги. Кроме того, так легче передвигаться по непролазной грязи — она легко соскальзывает с нейлона, не налипает.

ЧТО НУЖНО СНАЙПЕРУ НА БОЕВОЙ ОПЕРАЦИИ

Руководители высоких рангов далеки от нужд рядового снайпера. Наличие винтовки с оптикой, маскхалата и боеприпасов многие из них считают достаточным для выполнения поставленной задачи. На практике все не так. Попробуем вкратце суммировать то, что нужно снайперу на боевой операции (в среднем, так как элементы экипировки меняются в зависимости от задачи).

Портативная радиосвязь. Во время контртеррористической операции снайпер наблюдает за всеми изменениями, происходящими на захваченном объекте, и докладывает командиру снайперской группы, а также держит связь с напарником. В полевых условиях снайпер находится в режиме постоянной связи с группой прикрытия и напарником, если работает в паре. (Не забуду, как у больницы в Буденновске один высокопоставленный чиновник МВД, выглядывая из-за угла с тыла наших позиций, громко спрашивал: «Товарищ снайпер, что вы наблюдаете?» — в то время, когда мы лежали в нескольких десятках метров от противника... Потом его дипломатично отвели в сторону, объяснив, что со снайпером вообще-то нужно связываться по радиостанции. Похоже, для генерала это было открытием.)

Жилет разгрузочный. Разных модификаций этих изделий более чем достаточно. Выбор есть. Но не могу не заметить для производителей — очень жаль, что разгрузочные жилеты не выпускают из арамидной ткани, чтобы они защищали от осколков. Это актуально именно для снайперов, ведь они в редких случаях имеют возможность работать в бронежилете.

Складной каркас и малая саперная лопатка. Необходимы для оборудования скрытой позиции, о чем уже говорилось.

Непромокаемое пончо или плащ-накидка. Для защиты снайпера от ветра, осадков как при выдвижении на позицию, так и в лежке, для оборудования вышеупомянутого укрытия.

Ручной перископ и бинокль. Комментарии излишни.

Пистолет с ПБС. Необходим для применения в крайнем случае, если снайпер обнаружен противником.

Компас (без комментариев).

Гранаты РГО и РГН. Желательно каждой по паре. Также стоит иметь с собой примерно столько же **мин — сигнальных и боевых.** Необходимы на случай прикрытия отхода и для установки в 200—300 метрах от места лежки, особенно если приходится работать в автономном режиме.

Сигнальные ракеты. Применение известно — для вызова огня, если снайпер окружен, для обозначения себя в определенных ситуациях и т.д. Оптимально брать на выход две ракеты.

Дымовые шашки. Нужны (пара штук) для задымления в случае отхода.

Боевой нож выживания, отвертка (у меня она была на ноже).

Само собой, нужно иметь **аптечку.** Также очень желательно в яркую солнечную погоду пользоваться **светофильтрами** желтого или оранжевого цвета, которые надеваются на прицел (они входят в комплект ПСО-1), будут меньше уставать глаза. Для преодоления общей усталости организма могу порекомендовать **настойку из элеутерококка.** К примеру, на операциях в Афганистане мы добавляли на одну кружку 10 грамм этой жидкости, и сонливость как рукой снимало.

В принципе, есть еще один «рецепт бодрости», очень эффективный. Но сразу скажу, что им не всегда можно воспользоваться, так как «фонить» будет. Это известный мно-

гим альпинистам **«Допинг Абалакова»** (назван именем «автора» этого напитка, знаменитого «снежного барса», покорившего все 7-тысячники). Берется 200 грамм шоколада, 200 грамм коньяка. Коньяк доводится до кипения, в этот момент в него крошится шоколад. Потом в полученную смесь выжимается сок двух лимонов. Сто грамм «Допинга Абалакова» дают организму 2,5 тысячи килокалорий. То есть даже если желудок пуст, калорий достаточно для длительного перехода. По опыту могу сказать — хлебнешь, и станешь бодр, как взведенный курок.

Все, о чем я здесь смог рассказать, — это лишь некоторые моменты из снайперского опыта. В целом же данную тему можно назвать необъятной. Хотя бы потому, что, по моему глубокому убеждению, настоящим снайпером может быть только профессионал. Соответственным должно быть и его оснащение.

Василий ДЕНИСОВ

СТРЕЛЯТЬ МОЖНО В ПОЛТОРА РАЗА ЧАЩЕ!

Как известно, несмотря на преобладание автоматического стрелкового оружия, существует много образцов винтовок с ручным перезаряжанием. Они востребованы в первую очередь снайперами. Несмотря на меньшую скорострельность, такое оружие обеспечивает высокую точность стрельбы.

Тем не менее скорострельность магазинной винтовки можно существенно повысить.

Как правило, военная или охотничья магазинная винтовка представляет собой оружие с пятизарядным магазином и продольно скользящим затвором, поворачиваемым при отпирании. Рукоятка затвора для более быстрой

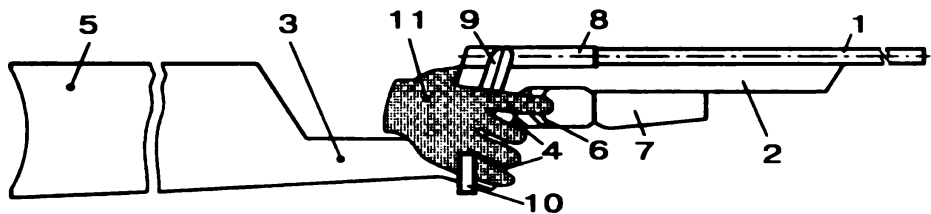

перезарядки смещена в заднюю часть затвора (к спусковой скобе) и отогнута вниз.

Типы затворов, способствующие еще более быстрой перезарядке (помповый, скоба Генри, применявшаяся еще в Первую мировую войну), не прижились на военном оружии, что вполне понятно. При стрельбе с бруствера окопа скоба Генри может врезаться в стенку окопа при перезарядке, а подвижное цевье помпового оружия ложится в грунт, не допуская охвата левой рукой. В наше время скоба Генри встречается в охотничьем оружии.

В то же время, несмотря на специфику работы снайпера, более высокая скорострельность все-таки важна для

магазинного оружия (врага лучше встретить с патроном в стволе).

Авторами была поставлена перед собой задача существенного повышения скорострельности магазинных винтовок и аналогичного оружия с продольно скользящим затвором, поворачиваемым при отпирании.

После анализа движений стрелка при перезарядке стало ясно, что больше всего времени (особенно у неопытных стрелков) тратится на перенос правой руки с шейки ложи на рукоятку затвора и обратно. Стало очевидно, что для достижения поставленной цели необходимо разработать новую форму рукоятки, исключая эти движения.

В результате проведенной исследовательской работы авторами предложен *рычажный механизм* — скоба, проходящая под ладонью правой руки стрелка (вдоль шейки винтовочной ложи, имеющей пистолетный выступ) и охватывающая ее (одновременно с упомянутой рукояткой) снизу и частично с внешней стороны.

При испытаниях на кустарно изготовленном из обычных подручных материалов макете были получены первые результаты, весьма обнадеживающие. Оказалось, что предложенный механизм позволяет повысить скорострельность магазинных винтовок примерно в 2 раза!

Были выявлены следующие эмпирические (как любят говорить ученые) данные и закономерности.

- Столь простыми и дешевыми средствами реально достижение скорострельности 12—15 выстрелов за 10 секунд (без учета времени прицеливания и пополнения магазина) после краткой тренировки неподготовленного стрелка (что близко к результатам помповых ружей).

- Шейка ложи должна проходить внизу (это важно при разработке новых винтовок).

- Пистолетная рукоятка (выступ) ложи более предпочтительна для применения рукоятки затвора данного типа, чем классические шейки ложи.

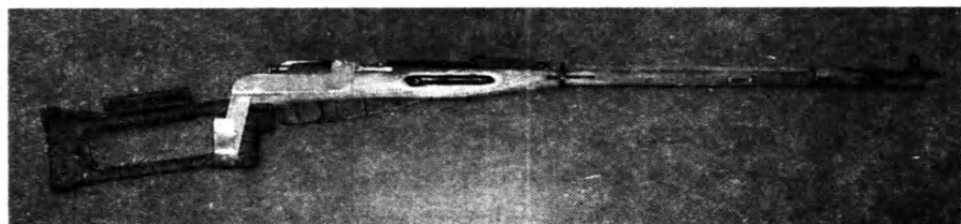
- При подготовке стрелков предпочтительнее те, кто не имеет навыков быстрой перезарядки классических винтовок.

- Складной приклад лучше складывать на левую сторону оружия.

Не удовлетворившись достоверностью этих результатов (и справедливо, хотя бы потому, что масса модельного затвора и характер его движений существенно отличались от натуры), авторы в дальнейшем приобрели за свой счет знаменитую «испорченную» винтовку Мосина и переоборудовали ее во второй, более качественный действующий макет.

При этом пришлось заменить часть ложи (с прикладом) и частично «обстругать» затвор.

Очередная серия испытаний показала увеличение скорострельности более чем в 1,4—1,5 раза: в среднем 1 «вы-

стрел» в секунду. Прояснился и ряд путей дальнейшего усовершенствования механизма, оптимизации его деталей.

Авторы сочли целесообразным официальное признание приоритета и добились получения патента на изобретение.

В настоящее время проводятся работы по дальнейшему усовершенствованию скобы, в частности по разработке *складного ее варианта*, изготовлению *выставочного образца*, а также поиски возможностей практической *оценки влияния новации на меткость стрельбы*.

Сергей ПАВЛОВ
Александр СЕМЕНОВ

ПРАВДА ВОЙНЫ

ДНЕВНИК СОЛДАТА ПЕРВОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ

БЫЛА ВЕСНА...

Представляю вниманию уважаемого читателя записки о первой чеченской войне 1994—1996 гг. События и люди подлинные. По известным соображениям не называю фамилий героев. Я умышленно не стал выстраивать какую-либо канву повествования — это лишило бы записки их подлинности — и постарался описать войну так, как видел ее сам, будучи солдатом-контрактником. Отсюда и отсутствие сюжета. Не найдя ничего лучшего, я просто решил рассказать о наиболее ярких, запавших в память эпизодах тех дней, о личных впечатлениях.

Забегая вперед, могу сказать, что некоторые показанные мною герои могут показаться «антигероями». Может возникнуть чувство неприязни к ним. Но пусть читающий вспомнит, что они и оказались единственными защитниками от чеченского беспредела, когда так называемые «хорошие ребята» сидели дома и делали «бабки» или просто наслаждались жизнью. Какие бы они ни были, это ваши защитники. Других у вас нет, потому

что «хорошие ребята» будут сидеть дома и рассуждать в компании девчонок за стаканом вина о том, какие они «крутые» и «бесстрашные».

Герои моего повествования — не «крутые» и не «бесстрашные». Они просто солдаты, выполнившие свой долг. Солдаты проигранной войны — солдаты неудачи.

СТРАХ

...Разведгруппа спешила с БМП. Мы разделяемся на две группы и идем по лесу. Скоро здесь пройдет колонна. По большому счету, наша задача — «зачистить» горное село со странным названием Хити-Хутор. Группы идут по разным сторонам дороги. Пока все нормально. Продравшись через заросли орешника, мы вышли на лесную полянку. Мартовское солнце уже взошло и достаточно согрело землю. Жизнь прекрасна и удивительна. После этой операции, возможно, поеду в отпуск. Около года уже не был дома. Я забыл, как жить нормально. Я даже боюсь возвращения. Но все равно весеннее солнце делает свое дело, и меня тянет домой. Маленький привал. Облокачиваясь спиной о дерево и полностью расслабляюсь. Скорее бы закончилась эта операция.

Внезапно благополучие весеннего дня разрывают пулеметные очереди. Стреляют где-то совсем рядом. Слышны крики: «Аллах акбар! Сдохни, русская сука!» — и снова пулеметные очереди. По команде мы бежим к дороге, где происходит бой. На обочине дороги наша группа залегла в канаве. Пулемет где-то рядом, метрах в двадцати-тридцати от нас. Но в густых зарослях пулеметчика не видно. Он не один, стреляет еще и миномет. Командир группы подзывает меня и Мишку, срочника. Он ставит заведомо

невыполнимую задачу: мне вылезти на дорогу и из огнемета накрыть пулеметчика, а Мишка должен при этом меня прикрывать. Я спрашиваю у командира, где же конкретно находится пулеметчик. Он ответил коротко: «Вылезешь на дорогу, там и увидишь его».

А пули продолжают лететь над нашими головами. В уши лезет крик: «Аллах акбар! Сдохни, русская сука!» До меня медленно начинает доходить, что «русская сука», которая должна сдохнуть, — это я. Охватывает животный ужас. Так не хочется погибнуть здесь и сейчас, в теплый весенний денек, когда уже появились листочки. Дома, наверное, девушки уже бродят по улицам в коротких юбках. Мои знакомые и друзья стреляют глазами по ним. Кто-то сидит в кафе или ресторане. И никому нет дела до того, что здесь идет война. Что кто-то сейчас, возможно, погибнет. Другой мир, другая жизнь. В данный момент и моя жизнь лежит на невидимых весах. В какую сторону они качнутся, я не знаю.

Как бы там ни было, мы с Мишкой готовимся вылезти на обочину. Мишка сейчас должен первым выскочить на нее и огнем из автомата отвлечь боевиков. Следующим выскакивать мне и из огнемета бить по пулеметчику. Дрожащими руками снимаю трубу «Шмеля» и устанавливаю прицел. Кладу на землю автомат, мне он сейчас не пригодится, будет только помехой. Действовать придется быстро. Шансов накрыть пулеметчика у меня почти нет, и я это знаю. Мишка вылезает по пояс из кювета...

...И тут же падает обратно. Верхняя часть туловища у него разворочена. Он уже не жилец...

А солнце светит все ярче и теплее. Командир отзывает меня. Он понял, что дорога плотно простреливается. «Чехи» выпускают еще пару мин, но ложатся они по другую сторону дороги. Между нашей группой и «духами» —

невысокий холм, он и не дает им стрелять по нам. Пули летят поверху и срезают ветки над головой.

Труп лежит там же, в кювете, сейчас не до него. Группа подбирается к холмику. Я и Юрка, срочник, лежим рядом на склоне. Командир по радиации вызывает БМП. Несколько секунд — и на дорогу выехала «бешка» разведроты. Она занимает выгодную позицию и ведет огонь из орудия куда-то впереди нас. «Чехи» перестали вопить, и вроде бы как затихла стрельба. Не тут-то было. Оглушительный хлопок. Гранатометный выстрел. Граната, выпущенная в БМП, путается в густых ветвях деревьев, свисающих над дорогой. Она теряет скорость и направление и теперь летит, кувыркаясь, как палка. Четко видны стабилизаторы. Продолжая кувыркаться, граната пролетает над БМП и взрывается где-то позади в лесу. Экипаж БМП отчаянно лупит из пушки. «Чехи» делают несколько выстрелов из миномета.

Меня трясет. Так поразителен этот контраст между солнечным весенним днем и смертью, витающей в воздухе. Юрка дергается и отчаянно чешет ягодицы. Он просит меня посмотреть, не ранило ли его. Нет, его не ранило, просто осколок от мины прожег его ватные штаны. Командир группы по радиации наводит артиллерию на засаду «чехов». Как только он кончает сеанс, мины начинают ложиться ближе к нам. «Духи» перехватили разговор.

Звучит самая приятная команда: «Отходим!» Не передать мою радость и легкость, с какой я бегу назад, подальше от всего этого кошмара. В голове одна мысль: «Только бы больше туда не идти, пускай идут другие. Пехота, БМП, танки, да кто угодно, только не мы». Отошли и залегли за деревьями. Снаряды ложатся на место, где находится засада. Командир говорит мне, что если пулеметчик снова заработает, то мне надо будет накрыть его из огнемета.

Страх снова селится в моей душе. Выяснилось, что граната, летевшая в БМП, взорвалась в группе людей и ранения получило четыре человека.

Артобстрел закончен. Мы вновь идем прочесывать лес. Выстрелов со стороны «духов» не слышно. Держа автоматы у пояса, мы простреливаем лес. С первыми выстрелами, как обычно, проходит дрожь в руках, и я начинаю действовать, как автомат. Я ни о чем не думаю, только стреляю. Луплю, не глядя в лес, от выстрелов осыпаются ветки и отлетает кора деревьев. Я изливаю злобу за моменты страха, пережитые минутами раньше. Я словно хочу застрелить свой страх.

Все тихо. На месте, где была засада, никого и ничего. Только следы от гусениц трактора. На нем и был установлен миномет — «чечен-танк». Я испытываю сильнейшее облегчение. Ближайшие минуты воевать не придется. На дорогу выезжает танк. Башня его разворачивается в сторону небольшого хуторка, расположенного в километре от дороги на плоской площадке. Танк делает несколько выстрелов. Хорошо видно, как они взрываются среди домов и хозяйственных построек. Бегают обезумевшие коровы и падают с разорванными внутренностями. Домики и постройки рушатся. Хороший урок «чехам» за засаду. Перемирие кончилось. Вновь началась война.

Уже после того, как вошли в Хити-Хутор, я от своего напарника Туркмена узнал, что же произошло у них. Оказалось, что их группа, двигавшаяся по другой стороне дороги, встретила лоб в лоб с чеченской засадой. Дальше события приняли вообще фантастический оборот. Чечены вырядились под русских солдат, то есть оделись в «афганки», напялили на себя бронежилеты и каски. В общем, смотрелись так, как должны бы согласно уставу выглядеть российские военные. Наши же, напротив, были одеты раз-

номастно. Грязные, небритые. «Чехи» подумали, что это тоже их разведка, только от другой банды. Наши же в свою очередь решили, что это свои разведчики, только из другого полка...

Чеченский командир обратился к кому-то из разведчиков: «Эй, старшего позови». Тот пошел звать. Обе группы стояли и пялили глаза друг на друга. Туркмена удивило то, что контрактники — а «чехи» выглядели именно как контрактники — ходят в касках и бронежилетах. Постепенно обе группы, почуяв, что дело неладно, разбежались по разные стороны холмика и открыли стрельбу друг по другу. Интересный момент, что сбежало несколько человек, трусили. Первым убежал командир отделения — контрактник, который постоянно третировал подчиненных ему срочников.

...В Хити-Хутор мы входили, как немцы из фильмов об Отечественной войне. Впереди ехали танки и БМП, а позади с автоматами на шее нестройной колонной шли солдаты. При входе в село нас встретил старейшина, державший в трясущихся руках хлеб-соль, и еще двое отцов села. На здании сельской «управы» спешно меняли зеленое знамя ислама на красный флаг. Далее мы заняли село и, так как дело клонилось к вечеру, стали располагаться на ночлег и копать окопы.

Ночь прошла спокойно. Еще пять суток мы простояли в этом селе. Правда, радости это не доставило, так как погода в горах переменчива. Шел дождь со снегом, палаток у нас не было, и мы вымокли до нитки. Все пять суток разведгруппа провела у костра, разожженного в ямке, лежа в жидкой грязи и согреваясь чаем без сахара. Стоял такой сильный туман, что не видно было ничего на расстоянии трех метров. Спать было практически невозможно из-за сырости и холода. Все ходили в полусонном со-

стоянии. Я лично переставал же отличать сон от реальности. Все чувства абсолютно притупились.

Через пять суток наша бригада вернулась на равнину. При возвращении мы опять, как и прежде, понесли потери на радиоуправляемых минах. В прошлый раз на лесной горной дороге взорвалась БМП. Механику-водителю оторвало голову, остальных раскидало с брони в разные стороны.

В этот раз разведка тоже ехала первой, но мы постоянно плотно простреливали местность из автоматов. Видимо, поэтому «чехи» не смогли подорвать нас, а вот пехоте, двигавшейся за нами, не повезло...

...А была весна, и девушки в коротких юбках ходили по улицам городов, и парочки сидели в кафе и обнимались на лавках, и никому не было дела до идущей на Кавказе войны...

ОШИБКА

...Колонна движется по горной дороге. Мотострелковая бригада идет «зачищать» очередное село. Погода прекрасная — весна полностью вступила в свои права. В этот раз я иду в составе колонны, и от этого мне приятно. Сюрпризов и неожиданностей, подстерегающих в разведке, не ожидается. Огнемёт лежит на броне. Наша БМП медленно «плетется» за сапером, проверяющим с миноискателем дорогу. Я иду рядом с машиной. Слева от дороги высится горный откос, а справа — глубокое ущелье. На дне ущелья видны дома, там какое-то село. Как хорошо вышагивать налегке, ни о чем не думая или думая о приятном. О скором возвращении домой, например. Что и как изменилось там за этот год. Как там мои друзья, подруги, которые, впрочем, ни разу не написали, а кто и написал,

так какую-нибудь гадость о том, как хорошо там живется, пока тебя нет. Ну да ладно. Денег, заработанных здесь контрактником, хватит на то, чтобы купить иллюзию счастья на несколько дней...

В колонне заметили оживление. Орудия БМП и стволы автоматов стали направляться вниз, в ущелье. Я тоже смотрю туда и вижу, как в село входят вооруженные люди, перебегают от дома к дому. Отсюда они видятся маленькими фигурками. Кто такие — не разобрать. Командир решает, что это «чехи», и дает команду открыть по ним огонь. Повторять не надо. Рядом со мной захлопал подствольник. Гранаты разрываются внизу. Фигурки ошалело мечутся между домов, пытаюсь укрыться. Вокруг заработали автоматы. Я беру на прицел одну из мечущихся фигурок. Как в тире. Они практически не могут причинить нам никакого вреда. Стрелять снизу вверх очень сложно, и тем более мы в безопасности, все их пули пойдут поверху. Порожденный безнаказанностью азарт охватывает меня.

Поймав цель на мушку, жму на спусковой крючок. Короткая очередь, и фигурка, дернувшись, падает на землю. Рядом падают другие. Ищу в прицеле следующую мишень. Где-то позади нас разворачивают миномет. Он еще не готов к стрельбе. Фигурки внизу в большинстве попрятались за домами. Несколько продолжают лежать. Кто-то из лежащих пытается ползти. Беру его на прицел...

И тут краем глаза замечаю, как из-за одного дома в воздух с шипением вылетает зеленая ракета. Это наши. Они не успели вовремя обозначить себя. И как результат — это побоище.

Командиры кричат: «Прекратить огонь!» Стрельбу тут же прекратили. Хорошо хоть миномет не успели развернуть, а то жертв было бы куда больше. Мы стараемся не смотреть друг другу в глаза. Не ожидали, что станем ви-

новниками гибели таких же, как и мы, русских солдат. Это оказалась разведка из другого мотострелкового полка, который так же, как и наша бригада, шел на «зачистку»...

Такие ошибки в общем-то не были большой редкостью. Мне и самому не раз доводилось попадать под обстрел своих же. В этот раз нам повезло, им — нет... Ошибки не исключены в любом деле.

Колонна продолжила свое движение и в этот же день достигла цели. «Зачистка» села в этот раз прошла для нас, к счастью, очень успешно и без потерь, так как боевики оттуда заблаговременно убрались, не успев даже наставить мин.

ОТРАЖЕНИЕ

...Обстрел продолжался минут двадцать. В течение этого времени на село падали мины, и танки прямой наводкой били по окраинным домам. Теперь пришло время идти пехоте. Со стороны села не стреляют. Тем не менее мы двигаемся перебежками. От насыпи, за которой мы лежали, до крайних домов нас отделяет пустырь. Легко бежать по сухой земле, покрытой свежевыросшей весенней травкой. Мне же особенно легко оттого, что за спиной осталась одна труба огнемета — вторую я успешно отстрелял часом ранее.

Рядом со мной бегут другие солдаты. Несмотря на неоднократные крики командира «Рассыпаться!», мы инстинктивно сбиваемся в кучу. В «толпе» не так страшно. На ходу стреляем из автоматов, как правило, не прицельно. Пули летят куда-то в село. Вибрация автомата в руках помогает побороть собственный страх. Дрожь в руках проходит после первых же выстрелов. Теперь я ощущаю, что в руках у меня не кусок металла, а грозное оружие, несущее кому-то смерть. Противное ощущение мишени прошло. Это ощущение да-

вило на меня, когда мы лежали за насыпью, вжимаясь в землю, а над головами с противным свистом летали пули. Еще страшней было, когда мина, выпущенная «чехами», взорвалась перед насыпью и осыпала меня комьями земли. Теперь я беру реванш за страх, стреляю очередями, не жалея патронов. Их-то много, на всех хватит.

Перебегаем пустырь. Вот крайний плетень. Одним махом перепрыгиваю его. Первые дома представляют собой сплошные руины. В них никого нет. Двигаемся дальше. Вот летит граната в окно целого еще дома. Хлопок — и вылетают стекла. В доме пусто. В разных концах улицы раздастся еще несколько хлопков. Это другая рота проводит «зачистку». Автоматные очереди, звон разбитых стекол.

Проходим улицу до конца. Оканчивается она спуском в глубокий овраг, заросший густыми кустами. Боевики пока не обнаружены. Для профилактики поливаем кусты очередями. Тихо. Выходим на другую широкую улицу села. С краю канава, по которой сливают нечистоты. Пригнувшись, мы идем впереди остальных подразделений. Вдруг выстрел, крик откуда-то сзади, где в полный рост шествует пехота. Один солдат ранен в почку. Наверняка где-то там, в кустах, залег снайпер. Несколько пуль просвистело и рядом с нами. Не дожидаясь команды, падаем в самое безопасное место: в канаву с нечистотами. От волнения я даже не замечаю омерзительного запаха, лезущего в ноздри. Теперь ползком двигаемся по канаве к перекрестку. Там полуразрушенное здание. В нем наш командир хочет засесть и вычислить снайпера.

Быстрыми перебежками, пригнувшись, по одному забегаем в развалины. Огромная дыра в стене, в рост человека, выходит в сад, за которым оканчивается село и начинают заросли кустарника. Оттуда и работает снайпер. Он безуспешно продолжает свое дело. В идущей за нами роте

убит командир взвода. Бронетехника никак не может вернуться на узких улочках. Брать снайпера, видимо, придется нам. Эта мысль повергает меня в уныние. Так хорошо стоять тут хоть за разрушенной, но стеной. Надеюсь все-таки, что станусь здесь, у пролома, прикрывать остальных.

Семь человек из нашей группы один за другим выскакивают в дыру и залегают между деревьями сада. В доме остались я и командир разведроты. Осторожно выглядываю в пролом — и в то же мгновение пульей вылетаю через него, гонимый пинком ротного. В состоянии «свободного полета» помогаю себе мелкими шажками и, как куль, падаю за толстым стволом яблони. Мимо меня пробегают командиры роты. Он залег в неглубокой канавке впереди всех.

Никто не стреляет. Молчит и снайпер. В кустах, где он находится, ни малейшего шевеления, одно зеленое поле. Наконец снайпер, видимо, не выдержав, дал о себе знать. Два фонтанчика земли взвились возле моих ног, торчащих из-за дерева. Боюсь, что труба огнемета, висящая на спине, лакомая цель для стрелка. В случае взрыва накроет всех. Впереди плетень. Ползком, как ящерица, подбираюсь к нему. Защиты никакой, зато меня не видно. Приходит чувство защищенности. Впереди Туркмен, мой напарник, делает быструю перебежку и встает у широченного дерева с раздвоенным стволом. Он кричит ротному, что сейчас снимет снайпера, только увидит его. Ротный остужает лихую азиатскую голову, и Туркмен остается на месте.

Видя, что снайпер не хочет снова обозначаться, ротный предпринимает смелый шаг. Он говорит нам, что сейчас вызовет его огонь на себя, а мы должны засечь позицию. Со словами «А, ладно» ротный вскакивает и зигзагами бежит по саду. Не сбавляя шаг, вбегает в недавно покинутый разрушенный дом. Тишина. Ни единого выстрела. По-прежнему лежим, вжавшись в землю.

Наконец в кустах полыхнуло пламя выстрела. Он не в нашу сторону — куда-то по пехоте, занимающей дома позади нас. Тут же Андрияха — замкомвзвода — стреляет из подствольника по обозначившемуся снайперу. Нас всех как прорвало. Очереди из восьми автоматов слились воедино. Даже отсюда видно, как крошатся кусты там, где, по нашим расчетам, сидит снайпер. Больше выстрелов от туда не было. Мы продолжаем «зачищать» село.

...Впереди три сбившихся в кучу домика. Выбираю один из них, где полуоткрыта дверь. Пинком открываю ее и даю очередь из автомата, резко врываюсь в дом. Автомат наготове. Из глубины комнаты на меня смотрит грязный бородатый мужик в косынке на патлатой голове. В руках его автомат, направленный на меня. Взгляд бешеный. Тут же жму курок и...

...И слышу звон разбитого стекла. Это было большое зеркало, стоящее на тумбочке.

Дожил... Испугался собственного отражения. Подхожу к другому зеркалу, поменьше, стоящему на столе в комнате, и рассматриваю себя. За месяц боев я ни разу не смотрелся в зеркало. Да, вид впечатляющий... То ли грязное, то ли загорелое лицо с козлиной бородой «а ля Хо Ши Мин». Грязная, нечесаная грива волос, клоками торчащая из-под синей косынки. Какие-то безумные и испуганные глаза. С трудом узнаю себя. Когда-то все это кончится, я вновь приду в нормальное обличье, но сейчас мне страшно смотреть на себя. Какой-то звероподобный облик. Во что я превратился...

Посокрушавшись над произошедшей метаморфозой, выхожу из дома, даже не прихватив ничего. Настолько расстроился.

Продвигаемся дальше. Простреливаем почти каждый дом. Дурные новости. Пулеметчик из пехоты, заглотив

одеколон, найденный им в одном из домов, решил поиграть в «Рембо». Обмотавшись пулеметной лентой и вскинув ПК на руку, отправился в одиночку ловить снайпера, работавшего в глубоком овраге. Товарищи и молодой лейтенант, его командир, не смогли удержать «героя», решившего, что в жизни всегда есть место подвигу. Теперь нет ни пулеметчика, ни снайпера. Все пропали бесследно.

Больше этот день сюрпризов не принес. На ночлег мы остались в добротном, не разрушенном доме, где спали на кроватях, под теплыми одеялами. Всю ночь мне снился кошмарный сон. Будто я в теперешнем обличье приехал домой, хожу с автоматом по улицам и никто из знакомых не узнает меня, а мать не пускает домой, как бы я ни пытался объяснить ей, что я ее сын. Все отворачиваются или шарахаются от меня. Со словами: «Да это же я, вы что, не узнаете!» — просыпаюсь...

Утром в арыке был обнаружен труп пулеметчика, пытавшегося поймать снайпера. Он был порублен. Обломки ребер, словно крылья, торчали из спины. Половые органы отсутствовали, одежда тоже.

Жизнь, однако, продолжалась, и мы ушли из села, оставив его Внутренним войскам. Впереди ждало еще много работы...

ХОЛОД У ВИСКА

ГЛУПАЯ СМЕРТЬ

...На штабной блокпост, находящийся от нашего блока в нескольких километрах, должен был прилететь генерал из штаба группировки и провести там совещание с офицерами нашей группы и уральского полка. Старший блока дал команду отделению, в которое я был прикомандиро-

ван в качестве огнеметчика, готовить БМП к поездке. От желающих сопровождать командира отбоя не было. Это хоть какое-то разнообразие в скучной жизни — возможность проветриться, встретить старых знакомых. Может быть, заехать к Саиду — дружественному чеченцу, на земле которого располагались оба блокпоста, а там и достать выпить...

Я запрыгиваю на «бешку» (БМП) одним из первых и занимаю козырное место спереди на башне, к борту машины подвешиваю за ремень трубу огнемета. Сослуживцы постоянно говорили мне, чтобы я с собой эту штуку не возил. Огнемет постоянно бился о борт, и все боялись, что когда-нибудь он взорвется. Я отвечал, что если уж и рванет, то в первую очередь «порвет» меня, и что корпусом «Шмеля» можно забивать гвозди (сам я, правда, в этом до

сих пор не уверен). Всего нас на броне разместилось пятеро контрактников.

Добрались до штабного блокпоста без происшествий. Дорога, как обычно, была ужасной. В одном месте лежал остов сгоревшего танка, а возле него — большая яма, в которой машины постоянно прыгали и кого-нибудь обязательно роняли. В этот раз обошлось, никого из нас не «уронили», и мы благополучно приехали. Конечная наша остановка имела вид пустыря на окраине фермы Саида. Слева был одинокий холм, где стояла КШМ связи. Остальную площадь пустыря занимали зарытые в землю в хаотичном порядке танки, БМП и прочая техника. Так же, вразнобой, были расставлены палатки и вырыты блиндажи. Командир батальона жил в кунге, который стоял в середине этого табора. На окраине лагеря находилась площадка, куда должен был сесть вертолет с генералом. К нашему приезду напротив кунга, метрах в десяти от него, стояла БМП уральского полка. Ее 30-миллиметровая пушка смотрела прямо на стенку «офиса» комбата. Наш командир спешил и вошел туда. По «бешке» уральцев лазил их механик-водитель, открывая и закрывая люки. Ждали прилета генерала и, как это бывает, строили разные версии визита и нашего будущего (как правило, фантастические).

Я встретил Кольку — тоже контрактника, второго огнеметчика — и от него узнал про ночной обстрел. Стреляли из пулемета с края заброшенного коровника. Убитых и раненых, к счастью, не было. На Николая события ночи произвели шоковое воздействие: его трясло, он моргал глазами. Оно и немудрено, свист пуль, которые предназначены именно тебе, мало кого обрадует. Пусть читатель не подумает, что мой коллега был трусом. Ничего подобного, во время обстрела он в одиночку из автомата при-

крывал экипаж танка, пока те забирались на броню и занимали свои места. Бояться не стыдно, стыдно трусить — а он не струсил. Я, как мог, успокоил его, сказав, что свою пулю все равно не слышно.

В это время из командирского кунга начали выходить офицеры. И тут — «бах!» — раздался оглушающий хлопок. Офицеры попадали на землю. Кунг подпрыгнул и перекособоочился, как избушка на курьих ножках. Да что за черт?!

— Сюда, быстрее! — кричали вокруг.

БМП уральцев дернулась, пытаясь завестись, но вот на нее вскакивают люди и из люка механика-водителя вытаскивают трясущегося молодого парня. Он ошалелыми глазами смотрит в никуда...

Вокруг толпились офицеры, медики несли носилки. Нас с Колькой сразу же озадачили бежать в другой конец маленького лагеря. Зачем именно, я сейчас, спустя столько лет, и не вспомню. Когда мы вернулись, перед кунгом лежало три тела, завернутых в плащ-палатки. Судя по форме, их сильно изувечило. Брезент был пропитан кровью. Четвертым, на носилках, лежал незнакомый мне прапорщик. Его левый глаз свисал на нити из кровавой, пустой глазницы. Куртка была залита кровью, левая рука представляла из себя месиво ткани, костей и мяса. По всей видимости, ему вкололи лошадиную дозу промедола, и он был в сознании, попросил закурить. Наш командир батальона дал ему зажженную сигарету с фильтром. Прапорщик, произнеся: «Мне, наверное, не выкарабкаться», жадно затянулся.

Он был прав. После трех-четырех затяжек сигарета выпала из его губ. Он умер. Прапорщик был наш, он только вернулся из отпуска по ранению. Дома у него была

грудная дочь. Трех погибших офицеров я не знал, они были из уральского полка...

Внутри кунга царил полный разгром. Это было видно через открытую дверь, болтавшуюся на одной петле. Снаряд БМП прошил фургончик насквозь.

...Механик-водитель БМП сидел на земле рядом со своей машиной и, держась руками за голову, тупо уставился в землю. Его охраняли двое автоматчиков. От них мы и узнали, что парень залез в башню для каких-то своих дел и зацепил спуск орудия. Снаряд находился в стволе... Итог известен. В горячке механик-водитель попытался завести машину и сбежать, хотя куда ему тут было бежать? Ясно, что некуда.

Не знаю, как остальным, но мне лично было его жаль.

Что ждет его дальше? Ясно, что — следствие, суд и колония. Думаю, мои чувства разделяли и остальные, потому что ничего агрессивного в адрес несчастного убийцы не высказывалось.

Раздался рев двигателя и шелест винтов — в суматохе никто даже не заметил прилета генерала. Ему, видимо, доложили еще в полете о происшедшем, потому что, не выходя на землю, он распорядился забрать трупы, и вертолет тут же улетел.

В полном молчании вернулись мы обратно на свой блокпост. Однако уже через час после возвращения эта печальная история перестала быть темой для обсуждения, и жизнь вошла в обычное русло...

ПРАЗДНИЧНЫЙ ОБЕД

Тридцать первое марта 1996 года. День этот запомнится мне, наверное, на всю жизнь.

Мотострелковая бригада, в которой я служил, успешно продолжала операцию по «зачистке» Веденского района на предмет подписания мирных договоров с администрацией сел, осчастливленных нашим пришествием. Населенные пункты, где находились боевики, брались с боями. Жителей там уже не было, и кто, с кем и что подписывал — я затрудняюсь сказать. Те же села, где боевики не обнаруживались, проходились войсками без остановок.

В тот достопамятный день разведгруппа, в состав которой я был включен, утром выдвинулась пешком прокладывать путь колонне к горному селу Центорой. Как обычно, разведчики разделились на две группы по десять человек и стали прочесывать лес с обеих сторон от горной дороги. Все складывалось очень удачно. День был теплым

и солнечным. Уже прошло часа три, как мы вышли, и никаких людей и жилищ на пути не встречалось. Солнце порядочно поднялось над горизонтом, становилось жарко.

Наконец мы увидели в низине по правую сторону дороги небольшое село. Командир долго смотрел на карту, но никак не мог найти там этот населенный пункт. Плюнув на все и спрятав карту обратно в боковой карман брюк, командир разведроты решает пройти село. Мы спускаемся по довольно-таки крутому склону вниз. Все как вымерло. Домов совсем мало, они расположены в один ряд по обе стороны дороги. Нестройной толпой мы идем по сельской улице и глазеем по сторонам. Нет, жизнь здесь шевелится. Две старухи возятся в земле, а на крылечке, опершись о клюку, сидит седобородый аксакал и, куря сигаретку, наблюдает за ходом работ. Командир подходит к нему и уточняет название села. После этого с удивлением смотрит на карту — там этого населенного пункта вообще нет...

Убедившись в отсутствии боевиков, вскарабкиваемся обратно на дорогу. Теперь наш путь извивается по склону горы. Дорога делает поворот — и открывается чудесный вид. С правой стороны глубокое ущелье, дорога проходит по его краю. На противоположной стороне ущелья — гора с редкими деревцами. Слева дорога ограничивается отвесной стеной. Разведрота разделилась на две группы. Первая, в которой я находился, вышла на поворот, на открытое место. Вторая группа — та, куда был придан мой напарник огнеметчик Туркмен, — осталась перед поворотом и залегла за пригорком.

На вершине горы, что по ту сторону ущелья, между деревьями видны четыре человеческие фигурки. Расстояние большое, и они видятся отсюда величиной со спичечный коробок. Мы останавливаемся, садимся на землю спиной

к стене и лицом в сторону горы. Командир пускает зеленую сигнальную ракету. Он полагает, что люди на горе наши, и дает им сигнал, что и мы тоже свои. Человечки, увидев ракету, засуетились. Командир ждет ответного сигнала с их стороны. Его нет. Командир запускает вторую ракету. Ответа нет. Пошарив в разгрузке и не найдя больше ракет, командир говорит замкомвзводу, чтобы тот просигналил. Люди на горе, однако, прекратили суету и попрятались между деревьев. «Замок», достав ракетницу, поднимает ее вверх. Хлопок. И тут я понимаю, что это не выстрел ракетницы...

Со стороны горы в нашу сторону летит какой-то черный предмет. Оказывается, «фигурки» произвели по нам выстрел, и именно его хлопок я и слышал. Вот предмет уже обретает очертания. Видны головная часть конусообразной формы и хвостовое оперение. Это ПТУР. Я с ужасом понимаю, что он летит прямо на меня...

Я отчетливо вижу его приближение. Время для меня замедляет свой бег. Сейчас он взорвется, и от меня останутся клочки. Понимаю, что с двумя огнеметами за спиной я представляю лакомую мишень для стрелков, тем более эти «трубы» видно за версту. В безнадежной попытке избежать гибели падаю лицом на землю, прикрыв голову руками. В момент падения вижу и ощущаю, как хвостовое оперение ПТУРа проносится в сантиметрах десяти от правого уха. Время останавливается. Лежа, вжавшись в землю, жду взрыва, после которого смерть. В голове только молитва. «Господи! Прими меня к Себе!» Оглушительный хлопок рядом, позади меня и мысль: «П...ц».

...Сразу же после взрыва чувствую теплую кровь на левой щеке и звон в голове. Теперь ясно, что жив. Мгновенно вскакиваю на ноги. Тут приходит понимание того, что после взрыва прошло уже порядочно времени, а не

доля секунды, как мне казалось. Первое, что бросилось в глаза — наших нет. Хотя не совсем, вот метрах в десяти лицом вниз лежит Серега, срочник. Да и я сам, оказывается, лежал лицом в противоположную сторону. ПТУР летел с правой стороны, а кровь течет из левого уха и левой щеки. Автомат, огнеметы и «лифчик» с магазинами раскиданы вокруг, на голове нет вязаной шапочки. Да хрен с ним. Хватаю автомат и «лифчик». Секунду колеблюсь, брать ли огнеметы — они тяжелые и будут мешать бегу. А я собираюсь уносить отсюда ноги. Тем более что люди на горе опять зашевелились, не иначе снова будут стрелять.

Все-таки взяв огнеметы, со всех ног бегу к холмику, за которым, как я вижу, залегла разведгруппа. Она словно забыла про меня и Серегу, который до сих пор не подал признаков жизни. Пробегая мимо него, толкаю ногой в туловище. Он поднимает голову.

— Серега! Живой?! — кричу ему. Он поднимает голову и безразличным голосом дает утвердительный ответ. — Бежим, Серега, наши уже все убежали!

Он, однако, продолжает лежать. Пинками пытаюсь поднять его, но безрезультатно. Время дорого, человечки наверху горы активизировались. А наши? Наши спокойно лежат на холмике, заняв безопасную позицию, и не приходят на помощь. До них всего сотня метров. Но как ее пройти с Серегой, который, видимо, контужен и сам не пойдет? Хватаю его одной рукой за воротник бушлата, другой — за ремень и волоку по земле. Он стонет.

Тут со стороны горы раздается хлопок. Это выстрелен еще один ПТУР. Все, страх берет свое. Бросаю Серегу и бегу под прикрытие холмика к нашим. В это время раздается взрыв ПТУРа. Подбежав к лейтенанту, говорю ему, что Серега остался лежать, надо его забрать. Лейтенант удивлен, что солдат жив, и дает команду вынести его. Мой

напарник Туркмен, вместе с ним еще двое — снайпер Сашка и замкомвзвода Женек — бегут к раненому. Туда же устремился и я, бросив огнеметы лейтенанту.

Серегу вытащили удачно. Ясно, что он серьезно ранен в почки. Видно, как его бушлат в области пояса пропитывается кровью. Двигаться не может, только говорить, но и то мало. Санинструктор вкалывает ему промедол. Кто-то тащит жерди и делает импровизированные носилки. Раненого уносят на них в сторону подъехавшей бронетехники.

Теперь я ощущаю, как сильно звенит моя голова. Я почти перестаю слышать. Ощупываю голову. Так и есть, в левой щеке под кожей застрял осколок величиной с дробину, на затылке тоже вздулся нарыв, там еще один осколочек. Кроме того, лопнула барабанная перепонка в левом ухе. Больше, кажется, ничего не пострадало. Становится ясно, какой опасности я избежал, и от осознания этого закатываюсь истерическим смехом. Рядом со мной Туркмен. От него узнаю, что нас сочли убитыми и бросили. Пролетжал я, оказывается, около десяти минут без сознания. А мне казалось, что я вообще его не терял. Для меня от взрыва и до настоящего момента не прошло и минуты...

Ко мне подходит санинструктор и что-то говорит, но я не слышу. Он осматривает ухо и места, куда попали осколки. Лейтенант в это время по радиации пытается выяснить, кто же нас все-таки обстрелял. До сих пор все полагают, что это были наши, какой-нибудь соседний полк или бригада, принявшие нас за «чехов». Однако выясняется, что это боевики, поэтому вызван танк. С третьей попытки ему удается заехать на холмик, за которым недавно лежали разведчики, и сделать несколько выстрелов. Командиры совещаются между собой, как и куда дальше идти.

Ко мне вместе с Туркменом подходит санинструктор. Они долго объясняют мне, что сейчас я поеду на базу, а

там, возможно, в медроту или госпиталь. В данный момент я плохо соображаю и почти ничего не слышу. Туркмен забирает мои магазины, и я сажусь на БМП, идущую в сторону лагеря. По дороге движется много бронетехники. Я рад, что не пойду сегодня дальше, так как на меня напал дикий страх. Все время вспоминаю этот ПТУР, летящий прямо в меня. Перед глазами стоит хвостовое оперение, так четко видимое мною. Голова звенит все сильнее.

Мы проезжаем через какой-то поселок и останавливаемся возле командирского БТРа. Дальше БМП не пойдет. Командир бригады полковник Ц. спрашивает меня, откуда я и что случилось. Объясняю, что попали под обстрел и меня как раненого отправили назад. Командир бригады о чем-то говорит с окружающими его офицерами. У меня сложилось впечатление, что они не в курсе, что происходит. После недолгого разговора командир продолжает прерванное занятие — стрельбу по птицам из пистолета с глушителем. Вскоре командир на БТРе уезжает в лагерь. Я тоже еду с ними. Меня начинает трясти и мутить. По приезде в лагерь осмотревший меня врач спросил, полечу ли я «вертушкой» в бригаду. Соблазн велик, но почему-то кажется, что если сейчас я улечу, то так и останусь навсегда один на один с этим животным страхом. Я отказываюсь и лежу в палатке, мне поставили капельницу с какой-то жидкостью. Я в палатке один. В голове прокручиваются подробности последнего часа. Все больше осознаю, как близок был к гибели. А так только контузило и поранило осколками корпуса ПТУРа, которые и застряли в левой щеке и затылке. Серега в тяжелом и бессознательном состоянии «вертушкой» был отправлен в госпиталь, а долетит ли, то Богу ведомо. Осколками этого же снаряда ему сильно пробило почки...

Где-то рядом раздаются громкие хлопки, и чувствует-

ся вибрация земли. Меня бросает в дрожь, неужели опять обстрел? Хватаю автомат и вжимаюсь в пол палатки. Вошедший в это время санитар успокаивает меня. Оказывается, это рядом с палаткой стреляла наша БМП. На склоне горы заметили «чехов», вот их и накрыли.

Вместе с жидкостью в капельнице закончилось и лечение. Сажу возле палатки и курю сигаретку. Мысли ни о чем, только звон в голове, из-за него почти не слышу музыки, раздающейся из приемника. Тут появился Толик, мой старый знакомый, личный повар командира бригады. В руках у него два котелка. Он ставит их передо мною и говорит, что командир сказал ему накормить меня обедом из его кухни. Вот это воистину праздничный обед. В одном котелке чудесный борщ с мясом, от которого я так отвык. В другом — вермишель с тушенкой. Белый мягкий хлеб. Еще Толик достает из карманов пачку чая, сахар и печенье. С радостью и диким аппетитом накидываюсь на

это великолепие. Как вкусно! Наверное, таким радостным и счастливым я не чувствовал себя ни на одном застолье. Ем один. Не обращаю внимания на окружающих сослуживцев. Могу же устроить себе праздник.

По приемнику передают новости. Оказывается, сегодня закончилось подписание мирных договоров, и в Чечне воцарился мир и конституционный порядок. Как бы для иллюстрации этого сообщения над нами пролетела пара штурмовиков бомбить горы. Душа моя ликует. Я счастлив как никогда и искренне благодарен полковнику Ц. за обед. Мне кажется, что вкуснее я ничего в своей жизни не ел.

После обеда вместе с ребятами заварили душистого, ароматного чая. Я почти счастлив, если бы только не запавший в душу страх перед летящим снарядом...

Все проходит, прошли и страх, и боль. Спустя несколько дней осколки вылезли из нарывов. Со временем барабанная перепонка заросла, многое забылось, а вот этот праздничный обед помню и, наверное, буду помнить всю оставшуюся жизнь...

ПРАПОРЩИКИ-ЗАЛЕТЧИКИ

...Хмурым дождливым утром разведка рассаживалась на броню. Предстояло опять идти впереди колонны, которая тронется несколькими часами позже. Выезжаем, как обычно, двумя машинами. БМП стоят наготове. Сейчас, наверное, тронемся. Откуда ни возьмись, появляется Юрка, срочник, и с ехидной улыбкой на грязном лице сообщает, что с нами в разведку пойдут три прапорщика, которые сидят в яме. И якобы командир бригады приказал никакого оружия, кроме гранаты и «Мухи» (гранатомет), им не выдавать. А наказаны они так за то, что по пьянке издевались

над срочниками, своими подчиненными. А сами прапорщики с ПХД (кухни).

Это выглядело маловероятным. Хотя, да, пьянка прапорщиков с последующим беспределом имела место, и вроде бы виновные действительно сидели в яме, но что их отправят с разведкой почти без оружия — выглядело фантастичным. Не сорок первый год же в конце концов. Однако слова Юрки тут же подтвердились. В сторону нас нестройной колонной, с трудом передвигаясь по вязкой глине, двигались трое небритых прапорщиков с сизыми носами, ведомые конвоиром из комендантского взвода. Грешники поеживались и кутались в бушлаты. Конвоир подвел своих подопечных к командиру разведроты, и тот распределил внезапно свалившееся на его голову подкрепление по машинам. Прапорщикам действительно было выдано по «Мухе» и две гранаты. Двое из них разместились на первой БМП, а третий сел на нашу «бешку». В «падшем ангеле» я с удивлением узнал своего бывшего командира огнеметного взвода. Он командовал нами несколько дней, после чего был переведен начальником столовой. Вот так встреча. Бывший командир подтвердил сказанное Юркой, при этом подчеркивал, что он лично попал в яму случайно, а били срочников и стреляли над их головами из автомата те двое других прапорщиков. Думается, что и те двое рассказывали про него нечто подобное... Каким-то образом про их пьяные забавы узнал командир бригады, и вот итог — после трех суток в яме они отправлены на такое исправление. В качестве альтернативы им было предложено возбуждение уголовного дела за злоупотребление служебным положением и превышение власти. Прапорщики единодушно выбрали первое.

Когда БМП подъехали к нужному месту и мы спешили, командир разведроты, распределяя группы и ставя

задачи, дал указание поставить прапорщиков впереди, сразу же за сапером. Патроны всем приказал дослать в патронник, саперу и разведчику, идущему следом за прапорщиком, снять предохранитель...

...Ходили прапорщики-залетчики с разведкой где-то около недели. Ничем особым себя не проявили, да и боев больших не было, а в мелких перестрелках постоянно прятались. На третий день, когда появились раненые, прапорщикам, как твердо вставшим на путь исправления, выдали автоматы. А через четыре дня после этого сочли их исправление оконченным, и грешники были вновь допущены в свой рай. То есть на кухонное и складское хозяйство.

Павел ЗЯБКИН

В ОКРУЖЕНИИ

БРОШЕННЫЙ КЛАД

...Наш блокпост, на котором находилось сорок человек, располагался у населенного пункта Курчалой. Километрах в трех от нас стоял еще один блокпост, на котором людей и техники было побольше, там же был временный штаб нашей группы и жил командир батальона. Нашей задачей было сначала перекрыть отступление Радугева из Новогрозненска, а затем обеспечить успешный ввод войск в Курчалой. Однако вместо этого мы сами попали в окружение и сидели в полном дерьме, ничего толком не делая.

Возле нашего блокпоста находился винзавод. Он был заброшен, и мы не сразу догадались о находящемся там сокровище. Обнаружено оно было совершенно случайно. В тот благословенный день наши ребята поехали на БМП и танке за дровами. Возглавил «дровосеков» лично зам-

комбата. Вернувшись, они кроме дров привезли множество десятилитровых банок, наполненных каким-то напитком. В некоторых был сок, поэтому-то замкомбата и привез их — он думал, что в остальных банках то же самое...

С удовольствием попив нектара (соскучились по витаминам!), мы собирались было уходить греться в палатку, как вдруг раздался радостный вопль: «Братва, да ведь это вино!» Кричал Володька-пулеметчик. В руках он держал изрядно отпитуемую банку с темной жидкостью. Тут же все сбежались, даже часовые побросали свои посты. Замкомбата только разводил руками — так уж получилось, что невольным организатором пьянства стал он сам. Остановить солдат было уже невозможно. Вскоре языки у многих стали заплетаться, а мысли начали приобретать авантюрный характер. Этот день стал началом винзаводской эпопеи. Эпопеи пьяного героизма и запойного мужества.

Ф-1 КАК СРЕДСТВО «ДИПЛОМАТИИ»

Ночь прошла в предвкушении предстоящего похода за вином. Однако утром всех подняли по тревоге. Со стороны завода слышались выстрелы, несколько пуль с противным свистом пронесли над блокпостом. Мы быстро расселись на броне и помчались к заводу. Минут через пять он уже был окружен. БМП и танки заняли свои позиции. Пехота, осторожно пробираясь по сугробам, кралась к забору, окружающему здание. Я вместе с Витьком, стареньким мужичком противноалкогольной внешности, залег у дырки в заборе. Ждали дальнейших команд. Что произошло, толком никто не знал. Витек объяснил, что вроде как трое из их палатки ушли перед рассветом за вином, а потом пошла стрельба (которую я благополучно проспал), теперь вот нужно их выручать...

Далее ситуация развивалась куда как более странно. Со стороны, где находилась заводская проходная, послышалась громкая гортанная речь. Слов было не разобрать, но вскоре после окончания «монолог» поступила команда садиться на броню. Мы с Витьком, разочарованные, покинули позицию, похоронив надежду первыми ворваться на завод и напиться. А вот у БМП наше разочарование переросло в отчаяние. Там стояли трое лазутчиков, пытавшихся раздобыть спиртное. Вид их был довольно жалким. Андрюха — замкомвзвода — стоял с перетянутой левой рукой, бушлат его в этом месте был сильно пропитан кровью. Леха — танкист — нервно курил, пальцы его еле держали сигарету. Но хуже всех выглядел Женек — санинструктор, — того просто била нервная дрожь. Глаза его, казалось, вылезают из орбит. По приезде на блокпост они рассказали следующую историю.

...Оказывается, на винзаводе действительно находился наблюдательный пост боевиков. Располагался он на крыше главного здания. Добытчики шарили по заводу, разведывая, где и сколько вина находится. Все было хорошо до того момента, пока они не спустились в подвал. Там, в потемках, «чехи» их и окружили. Несколько выстрелов — и Андрюха уже ранен. Боевики им: «Оружие бросайте». Андрюха уже автомат не держал, Леха свой ствол тоже кинул на пол, разоружился и Женька. «Духи» подошли, чтобы забрать оружие, и тут Женька оказался молодцом. Выхватил гранату Ф-1, что в разгрузке у него была, и заявил «чехам»: или оружие отдают и всех выпускают, или пойдут вместе с ними к своему Аллаху. «Чехи», несмотря на заверения, к Аллаху особенно не спешили. И оружие отдали, и отпустили всю троицу. Пока шли эти «переговоры», мы как раз и окружали завод.

Для прояснения ситуации я сделаю небольшое отсту-

пление в реалии той войны. Отношения с боевиками были очень странными. Политика менялась не по дням, а по часам, и армия металась между противоречивыми приказами, то воюя, то мирясь с боевиками. Последние, напротив, во время перемирий открыто ходили в своих селах в форме и с оружием. Наши, скрипя зубами, смотрели на них и не имели права открывать огонь. Во всех средствах массовой информации только и трубили о «зверствах» Российской армии в «маленькой беззащитной Чечне». Все это сковывало войска по рукам и ногам. Часто после удачных операций мы покидали взятые села, куда тут же входили боевики и устанавливали свои порядки.

Такая же ситуация была и под Курчалоем. Вокруг все было напичкано бандитами, но опять заключили какое-то перемирие, и стрелять в боевиков было крайне затруднительно. Они спокойно хозяйничали, не боясь ответственности за свои действия, а с нас, чуть что, спрашивали по полной строгости уголовного законодательства. Вот почему боевики чувствовали себя на винзаводе спокойно и уверенно...

ДОСТИЖЕНИЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

...На следующий день опять была тревога. Снова выдвинулись к винзаводу. Что же на этот раз? Оказывается, теперь на поиски клада отправились двое срочников...

«Чехи» через местного фермера Саида позвали нашего командира на переговоры, обещая вернуть солдат живыми и здоровыми. Идут. Три человека. Двое наших бойцов и с ними «чех», их ровесник. Срочники с автоматами, а у боевика в левой руке зажата граната Ф-1. «Дух» улыбается, срочники тоже веселые, кажется, поддатые. Чече-

нец говорит несколько слов командиру и, оставив солдат, быстро удаляется внутрь завода. Через минуту из проходной выходят два бородатых боевика, увешанных оружием, и с ними два древних старца в папахах и горских сапогах. Начинается разговор с командиром. Смысл следующий.

Да, на крыше винзавода регулярно выставляется наблюдательный пост боевиков. Но им было непонятно, почему русские в нарушение недавно заключенного перемирия регулярно делали вылазки на винзавод? Однако сегодня срочники наконец-то прояснили причину такой агрессии. Боевикам стало ясно, что цель русских — не их наблюдательный пункт, а запасы вина, во множестве оставшиеся на заводе еще с советских времен. А раз так, то они предлагают следующее: вот эти два старика, бывшие сторожа винзавода, будут находиться на проходной. Пусть русские приходят к ним, и они будут выдавать банки с вином, сколько солдаты смогут унести. Но пусть они не заходят на территорию завода и, особенно, не поднимаются на крышу, где находится НП...

Замкомандира батальона огляделся вокруг и с сожалением увидел, что этот разговор слышали как минимум человек десять солдат. Значит, в тайне это соглашение не удержать...

ПЬЯНЫЕ ДЕЛА

Теперь с самого утра и до вечера на завод только и ходили ходоки. Командир поделаться ничего не мог и пустил дело на самотек. Чтобы избежать потерь оружия, наше отделение врыло в землю пулемет, и он, как монумент, возвышался на «фишке». К нему и ходили по очереди на дежурство, захватив с собой предварительно кружку подогретого на печке вина.

Однако не все было так уж безоблачно, как может показаться из этих строк. На почве алкоголя происходило много ЧП. Так, уже в марте, отправившись в одиночку за вином, пропал без вести Володька-пулеметчик. Водитель «ГАЗ-66» утопил в луже автомат, правда, вскоре нашел его. С ним вообще произошла комичная история. Командир за пьянство посадил его в яму. Полагая, что такое наказание вряд ли вразумит водителя, он пошел на интересный шаг. Из соседнего полка привез сына водителя, который служил там срочную службу, и устроил ему свидание с сидящим в яме отцом. (К тому времени к нам подошел уральский полк и окружение было прорвано.) Во время свидания командир неоднократно повторял, обращаясь к сыну: «Ты спроси папу, за что он тут сидит. А то будет дома сказки рассказывать, как воевал. Вот ты и посмотри, как папа воюет». Не знаю, что дома рассказывал сын про отца, но вроде оба остались довольны свиданием.

Был еще один случай утопления в луже автомата. Эта беда случилась с парнем из нашей палатки. Ромка, так его звали, напился на «фишке» и, проснувшись, не обнаружил автомата. Я менял его, и мы вместе стали обшаривать подступы к блокпосту, справедливо полагая, что автомат, скорее всего, скатился со склона вниз. К нам присоединились и другие часовые, несшие службу в это время. Пока шли поиски, Ромка как-то незаметно исчез в кустах. Наконец кто-то из ребят с радостью возвестил о находке автомата, который лежал в луже на противоположной от Ромкиного поста стороне. Теперь осталось только найти самого хозяина оружия. Ромка был обнаружен сидящим в кустах. В руке у него была граната. Он сказал, что собирался взорвать самого себя, если автомат не найдется. К счастью, все обошлось хорошо.

Был еще случай, едва не закончившийся трагически.

Героем этого эпизода был Женька, мой земляк. Уж чего он там и с кем не поделил, не знаю, так как палатка его располагалась на противоположном краю лагеря. Всех подняли на ноги крики Женьки о том, как ему все это надоело и как он хочет домой. Я вылез из палатки в надежде успокоить земляка, но тут увидел, что это вряд ли удастся. Женька стоял у входа в палатку босиком, в одном исподнем. В руках он держал автомат, ствол которого ходил в разные стороны. Скорее всего, патрон находился в патроннике, как у всех нас. Был ли снят предохранитель, я не видел. Но сама ситуация заставила не на шутку испугаться. Если случайно заденет спуск, то кого-то мы недосчитаемся. Такие случаи были не такой уж и редкостью в федеральных войсках.

Однако стрелять Женька явно ни в кого не собирался. Еще раз помянув недобрыми словами командование и их родственников, он перехватил оружие за ствол и, раскрутив его подобно метателю молота, закинул в лужу, что была в центре блокпоста. В общем, и в этот раз все обошлось.

Несколько часов спустя протрезвевший Женька в завернутых по колено штанах лазил по луже и искал автомат, к которому он несколькими часами ранее обещал не притрагиваться.

КОНЕЦ «ЛОГОВА БОЕВИКОВ»

Кончилась, однако, эта вольница в один день. Так же внезапно, как и началась. Уральский полк, который должен был «зачищать» Курчалой, внезапно выслал группу саперов и разведчиков на винзавод. «Чехи» к этому времени оттуда уже исчезли, остались только два деда. Теперь мы увидели этих дедов, печально бредущих по доро-

ге к себе в село. Наш командир ходил радостный и потирал руки. Вскоре раздалось несколько взрывов, и над винзаводом поднялись грибы, как от ядерного взрыва, только поменьше. Все обитатели блокпоста выскочили на насыпь и с ужасом наблюдали такой акт вандализма. По их грязным и небритым лицам текли скупые мужские слезы. Все, веселая и вольная жизнь окончилась.

К вечеру выяснились подробности и подноготная этого чудовищного деяния. Оказалось, что наш командир съездил к уральцам и сказал их командиру, что винзавод представляет собой логово отпетых боевиков, склад оружия и боеприпасов, что оттуда ведется систематический обстрел наших позиций — и прочую чушь. Командир уральцев, недолго думая, снарядил группу саперов под прикрытием разведки, причем из одних только срочников, и те уничтожили завод.

На этом в общем-то и закончилось Курчалойское окружение. Со времени уничтожения завода жизнь нашего маленького коллектива стала потихоньку входить в уставное русло, а вскоре нас вообще убрали оттуда в бригаду.

Павел ЗЯБКИН

СОДЕРЖАНИЕ

ИНЖЕНЕРНО-САПЕРНАЯ ПОДГОТОВКА

Выживает не сильнейший. Выживает — умнейший	5
Кошка, щуп, миноискатель... Как бы выжить нам, приятель?	25
Защита для сапера, или Жить захочешь — изобретателем станешь	32
Родина не забудет ?	48

СПЕЦНАЗ

Отряд уходит в поиск...	59
Разведчики! В атаку?...	73
Спецназ представляться не любит...	82
Проверено на собственной шкуре	91
Аргунское ущелье: След «Сигмы»	103
Про «зачистки» без приписки	118
Во взводе должно быть штурмовое отделение!	135

ТЕХНИКА

Предлагаю доработку «Урала 43-20»	143
Пора менять технику и тактику...	145
Добраться живым...	149
Приказ — провести колонну...	152

АВИАНАВОДЧИКИ

Корректировщики для спецназа	166
...О них по-прежнему вспоминают лишь тогда, когда попадают в пекло	184
Авианаводчики рекомендуют...	196
На поминки к Басаеву	209

БОЙ В ГОРОДЕ

Как выжить в «стреляющем» городе?	217
В каменных лабиринтах	229
Чеченское Рождество	247

СНАЙПЕР

Все было не зря, снайпер...	259
Костюм для снайпера	275
Заметки «девятнадцатилетнего» снайпера	279
Стрелять можно в полтора раза чаще!	294

ПРАВДА ВОЙНЫ

Дневник солдата первой чеченской	299
Холод у виска	311
В окружении	325

Война. Чечня. Афган. Боевой опыт

ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА: РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Ответственный редактор *Н. Аничкин*
Художественный редактор *С. Курбатов*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *О. Супрун*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, к. 5
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 16.12.2008.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Officina».
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 17,68.
Тираж 5000 экз. Заказ № 5357.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо»

зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»

E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.

foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,

в том числе в специальном оформлении,

обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «Н КП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровский, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

СТАВРОПОЛЬСК

★ За минувшие годы о Чеченской войне написано немало – сотни статей, десятки книг, — но по большей части это либо отклики «на злобу дня», либо беллетризированные мемуары. До последнего времени не было самого главного — анализа и обобщения боевого опыта Чеченских кампаний, углубленной работы над ошибками. Так уже случилось в 1990-е, когда остался невостребованным и был фактически утерян бесценный опыт Афганистана...

★ Новая книга проекта «Боевой опыт Чеченской войны» призвана исправить ситуацию. Это осмысление уроков обеих Чеченских кампаний, глубокий анализ основных операций, откровенные свидетельства непосредственных участников боевых действий. Это конкретные рекомендации тех, кто добился победы на Кавказе: снайперов и спецназовцев, авианаводчиков и мотострелков, саперов и огнеметчиков; честный и в высшей степени компетентный рассказ о том, как выжить и победить в современной войне.

Война

